

ЗАПИСКИ
МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сеньявина:

опъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

По повелѣнію и на иждивеніи Государственнаго Адмиралшейскаго Департаментна.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Морской Типографіи
1819 года.

У В Ъ Д О М Л Е Н І Е.

При изданіи четвертой Части, долгомъ почишаю предваришь почтеннѣйшую публику, чпо щедроты Государя Императора, награды Государынь Императриць и Великаго Князя; пособія Государственнаго Адмиралшейскаго Департаменша и Россійской Академіи, при шаковомъ значительномъ числѣ Преномераншовъ, каковаго сначала не могъ я ожидать, даюшь мнѣ возможность не надбавляшь цѣны на *мои записки* и по совершенномъ изданіи оныхъ.

Принося чувствительнѣйшую благодарносшь за столь лестное вниманіе публики къ трудамъ моимъ, обязанностію также поставляю повшорить мою признательносшь Особамъ, удостоившимъ меня своей довѣренности сообщеніемъ частныхъ происшествій, до предмета моего касающихся.

Благосклоннымъ приняшіемъ перваго моего сочиненія поощренный, съ надеждою на шаковоеже, предприемлю я сдѣлать извлеченіе изъ журнала, доспавленнаго мнѣ однимъ изъ поварицей моихъ съ шѣмъ, чшобы я воспользовался онымъ при печашаніи моихъ записокъ. Но какъ журналъ его заключаешъ въ себѣ событія 1804 года, высадку нашихъ и Англинскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генераль-Аншефа де Ласси въ Неаполь, описаніе великолѣпной сей столицы съ ея окрестносшями, также Гаэшы, Венеціи и многихъ другихъ городовъ, въ коихъ я не былъ; посему

и совѣщовалъ ему переложить журналъ въ письма и напечатать оныя особо, на что онъ и согласился, предоставя изданіе оныхъ моему попеченію. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ я на себя сей трудъ, что журналъ его какъ по оригинальности слога, такъ и по любопытнымъ замѣчаніямъ, съ нѣкоторою увѣренностію могу думать, доставить любителямъ словесности пріятное, занимательное и полезное чтеніе; и при томъ вмѣстѣ съ моими записками составитъ полное обзорніе нѣхъ странъ, въ которыхъ флотъ нашъ отъ 1804 по 1810 годъ находился. По выходѣ въ свѣтъ сихъ писемъ, если обстоятельства позволятъ, надѣюсь также отдать въ печать продолженіе сихъ записокъ, заключающее въ себѣ путешествіе мое отъ Тріеста до С. Петербурга.

В. . . Е. . .

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

<i>Возращеніе фрегата Венуса въ Средиземное море</i> - - - - -	3.
--	----

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПАЛЕРМЪ:

<i>Портъ и укрѣпленія</i> - - - - -	9.
<i>Два знаколства</i> - - - - -	10.
<i>Монастырь св. Мартына</i> - - - - -	14.
<i>Монтъ-Реале</i> - - - - -	27.
<i>Белведеръ</i> - - - - -	31.
<i>Пещера святой Розаліи</i> - - - - -	54.
<i>Китайскій домикъ</i> - - - - -	58.
<i>Королевское собраніе</i> - - - - -	40.
<i>Дворецъ</i> - - - - -	45.
<i>Больница бѣдныхъ</i> - - - - -	53.
<i>Поле мертвыхъ</i> - - - - -	56.
<i>Дворянское собраніе</i> - - - - -	60.
<i>Гримальди</i> - - - - -	63.
<i>Рыбная ловля</i> - - - - -	66.
<i>День моднаго свѣта</i> - - - - -	69.
<i>Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ</i> - - - - -	78.
<i>Церковныя обряды на страстной и въ недѣлю Пасхи</i> - - - - -	93.
<i>Дворянство</i> - - - - -	105.
<i>Духовенство</i> - - - - -	107.
<i>Народъ</i> - - - - -	109.
<i>Правленіе</i> - - - - -	111.
<i>Законы и судопроизводство</i> - - - - -	115.
<i>Власть Короля—Доходы—Войска</i> - - - - -	121.

<i>Древности</i>	-	-	-	-	129.
<i>Минеральныя воды—Произведенія—Торговля</i>					136.
<i>Война съ Англією—сдана фрегата Вену- са Сицилійскому Правительству</i>					142.
<i>На пути отъ Палермы до Тріеста.—Нѣ- что о Мессинѣ</i>					174.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТРІЕСТѢ.

<i>Портъ и укрѣпленія</i>	-	-	-	-	192.
<i>Карантинъ</i>	-	-	-	-	194.
<i>Взглядъ на городъ</i>	-	-	-	-	203.
<i>Боскетто Сантѣ-Андрея</i>	-	-	-	-	210.
<i>Театръ</i>	-	-	-	-	215.
<i>Карнавалъ</i>	-	-	-	-	227.
<i>Гротъ въ Липцахъ</i>	-	-	-	-	231.
<i>Поступки Французовъ въ Тріестѣ</i>					235.
<i>Произшествія во время пребыванія Рос- сійской Эскадры въ Тріестѣ.—Возвраще- ніе въ Россію</i>					249.
<i>Отбѣздъ Принца Регента Португальскаго въ Бразилію Лиссабонскій договоръ</i>					264.
<i>Продолженіе дѣйствій Россійской Эска- дры въ Портсмутѣ—Поднесеніе Вице- Адмиралу Сенявину Вазы.—Прибытіе въ Ригу</i>					292.
<i>Эскадра Капитана Гетцена въ Тулонѣ</i>					310.
<i>Шлюпъ Шпицбергенъ въ Портѣ Виго</i>					315.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАЩАЯ ПРОИСШЕСТВІЯ ОТЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВОЙНЫ АН- ГЛІИ ДО ВОЗВРАЩЕНІЯ ВЪ РОССІЮ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ФРЕГАТА ВЕНУСА ВЪ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

Какъ слухи о войнѣ Россіи съ Англіею подшверждались болѣе и болѣе, и какъ извѣстно спало, что Принцъ - Регентъ, по невозможности защищаться противу превосходнаго числа Французскихъ войскъ вступившихъ въ Португалію, рѣшился переѣхать въ Бразилію; но по симъ политическимъ обстоятельствамъ, шакожъ и по невозможности прежде весны возвратиться намъ въ свои Балшійскіе порты исправя важныя поврежденія кораблей, для коихъ Принцъ Регентъ всѣ нужные матеріалы приказалъ опуснуть, Главнокомандующій положилъ зимовать въ Лиссабонѣ. Въ слѣдствіе сего Капитанъ фрегата Венера получилъ повелѣніе отпра- виться обратно въ Средиземное море, съ- екашь шамъ эскадру Капитанъ - Командора

Барашынского, и дать ему знать куда идти для соединенія со флотомъ, также отвезти депеши въ Палерму къ Министру Д. П. Ташицеву и повелѣнїя въ Корфу. Капитану фрегата Спѣшнаго, который съ однимъ транспортомъ отправленъ былъ изъ Россіи для доставленія на флотъ денегъ и запасовъ, и остановился въ Поршмутѣ въ ожиданіи прибытія туда флота, послано также повелѣніе, чтобы онъ немедленно шелъ въ Лиссабонъ.

По болѣзни Капитана Е. Ф. Развозова фрегатъ нашъ порученъ Капитану К. И. Андреянову. 9 го Ноября при шихомъ вѣтрѣ снялись мы съ якоря; печеніемъ навалило насъ на корабль Ревизанъ, однакожь разошлись съ нимъ безъ всякаго вреда. Никогда съ такою неохотою не оставляли мы флота, какъ теперь; какое то тайное предчувствіе приводило каждого въ скуку, и мы думали, что надолго разлучаемся съ поварищами. Вышедъ въ море большимъ фарватеромъ, увидѣли въ Каскаіѣ Англинскую изъ 7 кораблей эскадру стоящую на якорѣ, которую давно ожидали для способствованія переезда Королевской фамилиі въ Америку. Шлюкъ; принадлежащій сей эскадрѣ, подошедъ къ намъ спрашивалъ именемъ своего Компръ-Адмирала Сиднея Смиша, куда идемъ и здоровъ ли нашъ Вице-Адмиралъ? Получивъ отвѣтъ, Англичане пожелали намъ добраго пути, а мы поставивъ всѣ паруса, при Сѣверномъ умѣренномъ вѣтрѣ, скоро пошерали изъ вида всѣ береговые предметы.

Лиссабонъ, величественная рѣка Таго со множествомъ кораблей оспались только въ воображеніи, и мы не видя ничего кромѣ неба и воды, и вдали играющей зарницы, какъ осиротѣвшіе, одни безъ всякаго поваритства плыли къ югу въ необозримое пространство Океана. Ночью зарница увеличилась до того, что вся небесная твердь покрылась багрянымъ цвѣтомъ, пламенила подобно раскаленному металлу и представляла зрѣлище великолѣпное и психое; но вдругъ нашель шкваль отъ Сѣверо-запада, зарница угасла, темноста сдѣлалась непроницаемая, скоро съ крѣпкимъ вѣтромъ началась гроза, удары грома были столь сильны, что казалось самый небесный сводъ колеблется. Сильный шумъ по мѣрѣ приближенія увеличивавшейся, въ оспорожностъ принудилъ насъ убрать верхніе паруса; но мы обманулись; вмѣсто ожидаемаго съ той стороны вѣтра, былъ дождь столь обильный и благотворный, что чрезъ полчаса гроза умолкла, вѣтръ уменьшился, небо очистилося, заблестали звѣзды и серебристая луна показалась во всемъ блескѣ.

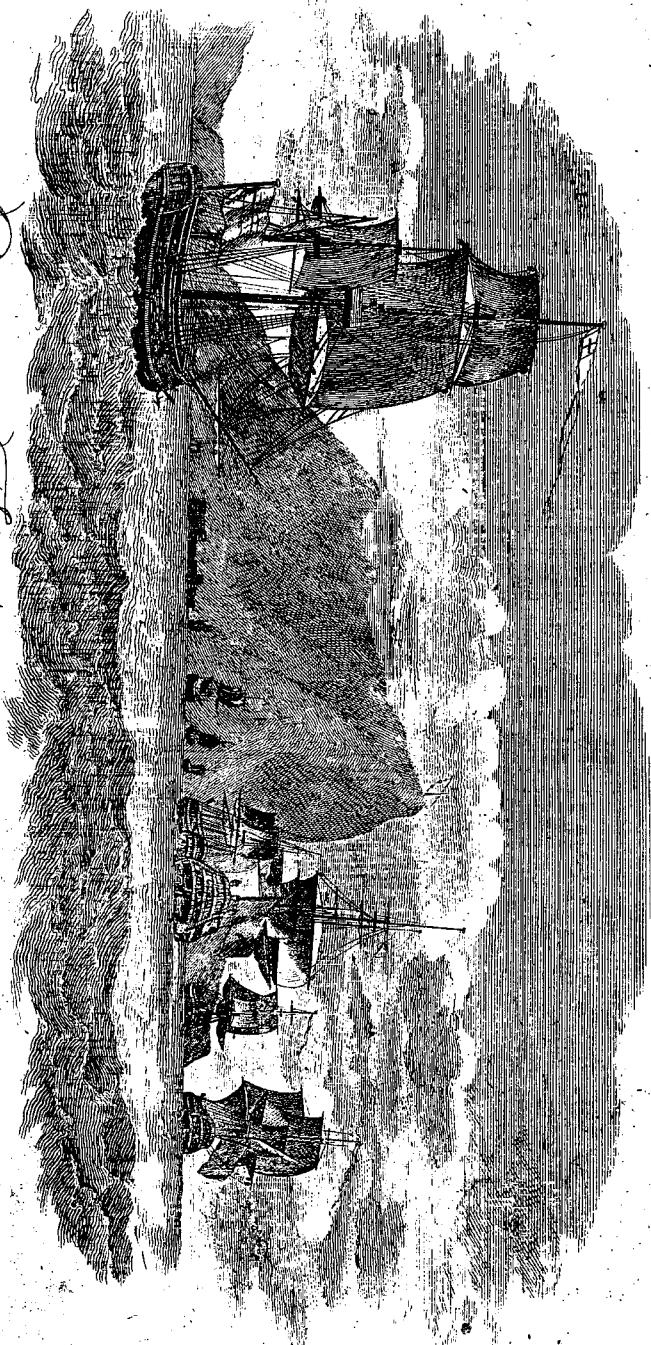
10го Ноября при ясной погодѣ и умеренномъ вѣтрѣ обошедъ мысъ Санъ-Винченсъ, встрѣтились мы съ шлюпомъ Шпицбергомъ. Командиръ онаго Капитанъ - Лейшенансъ Качаловъ былъ очень доволенъ, что ему идти въ Лиссабонъ, а не далѣе; ибо онъ не зналъ гдѣ флотъ находишь. Шлюпъ сей не успѣвъ обойти при крупомъ бейдевиндѣ оспровъ Маришимо, поворотомъ на другой галсъ ушрашилъ

время не болѣе часа, и осталась отъ флота на 45 ть дней, въ продолженіи копорыхъ въ плаваніи Средиземнымъ моремъ имѣлъ всегда прощивныя вѣтры, а мы напрошивъ шли всегда попушнымъ. Вотъ примѣръ, сколь драгоценны минушы для мореходцевъ. Шлюпъ для налишя водою заходилъ въ Гибралшартъ, гдѣ отъ Англинскихъ купцовъ получилъ нѣсколько провіанша, не смотря на то, что слухъ о войнѣ почти былъ достоверный, они не усумнились опущивъ припасовъ подъ росписку Капитана на значущую для нихъ сумму.

11 го Ноября чѣмъ ближе подходили мы къ Гибралшарскому проливу, вѣтръ свѣжелъ, небо покрылось мрачностію. Гибралшарская скала показывается отъ спороны океана островомъ; (*) другая, находящаяся на Варварійскомъ берегу называемая Обезьянная гора, также издали кажется островомъ; почему въ пасмурную погоду крайне остерегаться должно, дабы принявъ одну за другую, идучи изъ Средиземнаго моря не найди на низкой перешеекъ Малбаія, соединяющій Гибралшартъ съ матерымъ берегомъ или не подвергнуться опасности въ Тешуанскомъ заливѣ, гдѣ Обезьянная гора возвышается въ видѣ сахарной головы. Гибралшарскій рейдъ очень неудобенъ, только у Новой Молы, корабли могутъ спановищя на якорь на 10 саженьхъ глубины,

(*) Смотря видъ Гибралшара.

The Steamship on Ocean

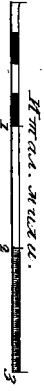
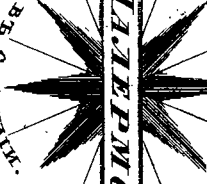
грунтъ песчаной и съ раковинами перебивающъ канатъ. При западномъ вѣтрѣ опъ большаго волненія опасно оставашся на рейдѣ, а при восточныхъ бывающъ споль сильныя порывы, что корабли срываетъ съ якорей. Въ Новой Молѣ помѣспитъся могутъ только пять кораблей, въ сшарой же до десяти малыхъ судовъ, что при недоспашкѣ воды и съспныхъ припасовъ дѣлаешъ Гибралшарскій портъ неудобнымъ и опаснымъ.

Намъ должно было изъ Гибралшара послать рапортъ къ Адмиралу, но западный вѣтръ былъ шакъ силенъ, что ни спашъ на якорь, ни послать шлюпку въ городъ было не возможно, къ счастью у самага Европейскаго мыса вспрѣшилось съ нами Американское судно, шедшее въ Лиссабонъ, шхиперъ охотно взялся доставитъ рапортъ Адмиралу. Едва вспунили мы въ Средиземное морѣ, воздухъ и небо все перемѣнилось, въ океанѣ погода посшоянно была пасмурная и суровая, шеперь же настала самая прѣшная; умѣренныя попушныя вѣтры не засшавили насъ сшучашъ медленнымъ плаваніемъ, небо было ясно, воздухъ шепль, а въ полдень даже жарокъ. Вчера будучи въ шойже широтѣ, въ Океанѣ было холодно, а сего дня какъ бы нечаянно перешли въ другой климатъ. Плаваніе наше Средиземнымъ моремъ до Сардиніи было благополучно, перемѣна предмешовъ до мыса Ташо занимала меня безпреспанно. Одинъ разъ ночью подошли мы споль близко къ берегу.

что зашпилили, совершенная пишина нарушалась поемко всплескомъ волнъ разбивавшихся о кремнистую скалу, грозно предъ нами сползшую. На вершинѣ ея видно было нѣсколько хижинъ; кое-гдѣ мелькали въ окнахъ огоньки. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ внималъ я звонкому голосу спорожевыхъ собакъ, воображалъ себѣ, что пушешествую по землѣ, и ушомившись ошъ дальняго пуши, спѣшу въ деревню на ночлеги. Все, что составляетъ противоположность съ мяшежною нашею жизнью, все, что связуется въ мысляхъ съ сельскою бышностью, привлекаетъ и нравится мореходцамъ, ибо и споль обыкновенные предметы рѣдко имъ представляются; мы еще большую ощущаемъ радость шѣхъ, кошорые на короткое время лѣтомъ переѣзжаютъ изъ столицы въ деревню.

У Сардиніи встрѣшилъ насъ проливный вѣшрь, пять дней лавировали мы въ виду оной и едва на сто верстѣхъ подвинулись впередъ, однакожъ не безъ пользы провели сіе скучное время, по точнымъ наблюденіямъ наши, что наша и Англинская карта невѣрны, по нашей Сардинія опнесена къ Сѣверу на 2, а по Англинской на $4\frac{1}{4}$ Нѣмец. миль; островокъ Торо, на первой опнесенъ на NO 50 градусовъ на 9. Нѣмец. миль, а на послѣдней на NO 38 градусовъ на 6. Нѣмец. миль. 20 Ноября при безпокойной зыби, оставшейся ошъ крѣпкаго вѣшра, усмошрѣно, что голова руля сгнила и сверху раскололась. Послѣ

ПАЛЕРМО

Километры

В. Коппе Ревале

ПАЛЕРМО
Мон. С. Франческо

Масаре
Масаре

Арсенал
Кривонос

Бас. кон. фр. Бонуса
Конт. А. де демонде

Базилика Марсале

М. Неверино

Мер. С. Розарио
Тора Палеоринно
МОНРЕАЛ
Ланте

МОНСЬ ПАЛТО

ПАЛЕРМСКИ

ЗАЛИБЕ

В. Сиприси

Р. Рапоне

Фукарони

Триполи

М. Палади

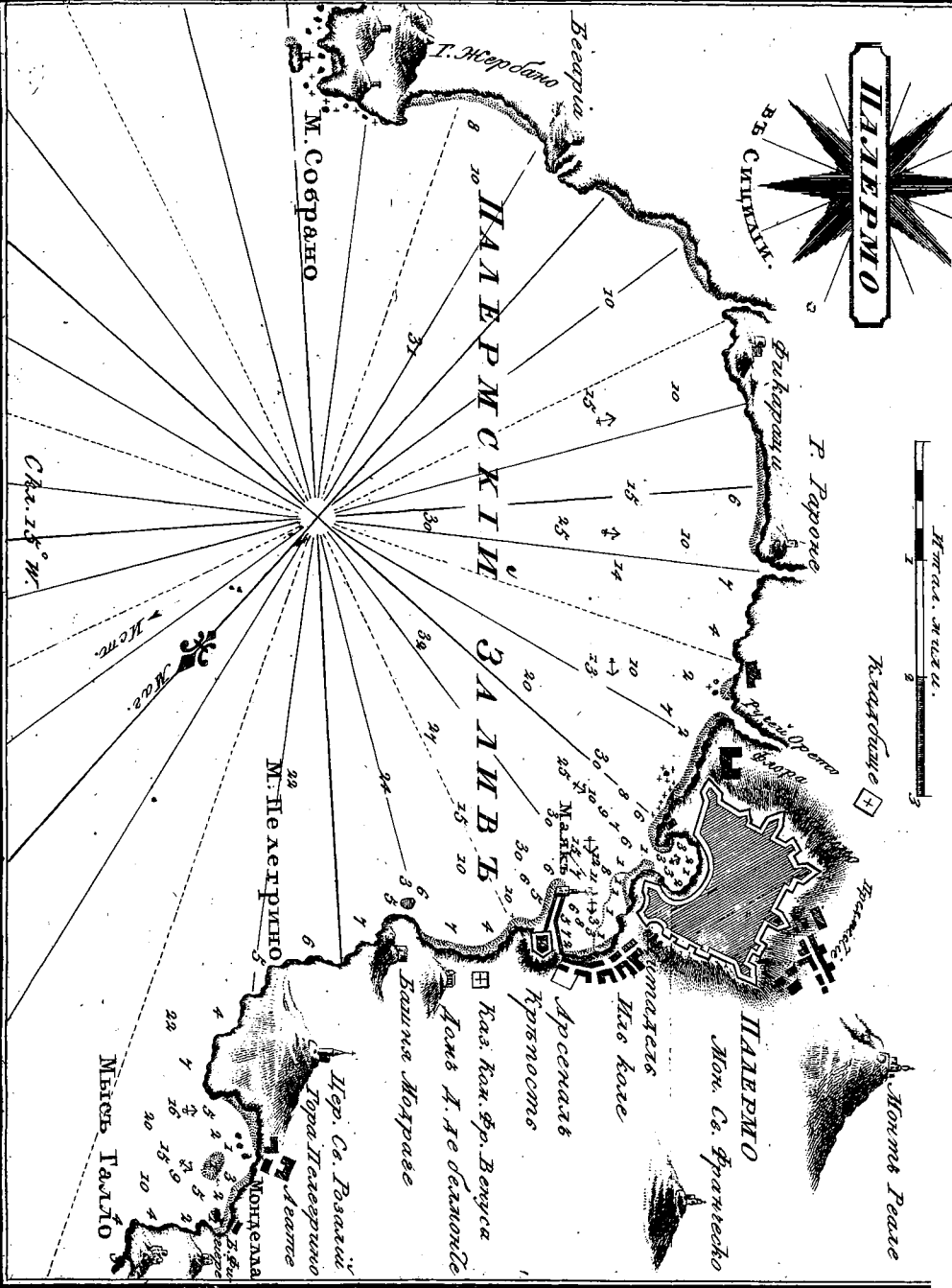
Безария

Т. Неполано

М. Собрано

Мон.
Мон.

С. А. 18° W

ишла продолжавшагося по 21 число, подулъ свѣжій попушій вѣтръ; быспро перешли мы проспранство раздѣляющее Сардинію отъ Сициліи, 22го Ноября, великолѣпная Палерма покрывая легкимъ отъ испареній туманомъ открылась, и мы бросили якорь между Молою и Англинскою эскадрою, состоящею изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ. Вице-Армираль Торнброу имѣлъ флагъ свой на спо-пушечномъ кораблѣ Рояль-Соверинъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПАЛЕРМѢ.

Портъ и укрѣпленія (*).

Обширный заливъ заключенный мысомъ *Собрано* отъ востока и горою *Палегрино* отъ запада, открытый Сѣвернымъ вѣтрамъ, дѣлаеть Палермскій портъ только въ лѣтнее время удобнымъ. Корабли осшанавливающся предъ городомъ на глубинѣ 18 и 20 сажень, грунтъ иль съ правою. Сѣверо-восточный вѣтръ разводитъ большее волненіе; почему прошиву его и должно класть фертоингъ. Въ Моло длиною 200 сажень, укрѣпленной двумя малыми крѣпостями, изъ коихъ въ крайней къ морю зажигаешся каждую ночь фонарь. Три или чешыре корабля и сполько же фрегатовъ на глубинѣ 5 и 6 сажень могутъ укрышьяся отъ

(*) Смощри каршу.

всѣхъ вѣтровъ. Городъ обнесенъ чешыре-угольною стѣною съ башнями, имѣешь чешверо ворошь прямо на Сѣверъ, Югъ, Воспокъ и Западъ; пушекъ на стѣнахъ нѣтъ, и самая Цишадель подлѣ Сѣверной стѣны находящаяся, и редушь на концѣ набережной построенный, не могушь защищать городъ, какъ шолько съ моря и по слабо. Не смотря на неудобство порта, рейдъ всегда полонъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Палерма, по шорговль соперница Мессинѣ, и уступаешь ей шолько по шому, что гавань послѣдней, искусствомъ и природою сдѣлана совершенно покойною. Изъ Палермы опираваешься много хлѣба, вина, масла, плодовъ, шелковыхъ машерій, манны и разныхъ лѣкаршвенныхъ шравъ.

Два знакомства.

Подъ всѣми парусами вошли мы въ гавань и спали подлѣ Архимеда, одного шокмо линейнаго корабля, ошавшагося у Неаполишанскаго Короля. Множешвъ любопышныхъ собралось на Молѣ. Нѣсколько хорошо одѣшыхъ господъ просились взойши на фрегашь; Капитанъ имъ позволилъ; а я съ чешырьмя шоварищами поѣхаль на берегъ. Переѣздъ былъ корошокъ, шпоило шолько шолкнушь яликъ и мы вышли на приспань, скорыми шагами прошли мимо арсенала, пошомъ широкую аллею, чрезъ главные вороша вошли въ улицу Макведа и лишь спушили на шрошуръ, шолца маленькихъ мак-

деревъ, предложили услуги, кому что угодно? мы не могли ихъ опъ себя опогнашь, вечеръ имъ благопріятствоваль. Куда ишпи спросиль одинъ изъ поварищей? Въ саду конечно шеперь ни кого нѣшь, а въ шеашрѣ еще рано, разумѣю что ты хочешь сказашь, поидемъ..... опшвѣчалъ другой...и они пошли за замаранными амурами. Я оштался одинъ, вѣспники Сирень вершѣлись предо мною, выхваляли, божились; я смѣялся и продолжалъ ишпи, какъ вдругъ нѣкто сзади меня сказаль: если позволите спросишь, конечно вы иносстранецъ? Въ первомъ движеніи я хвашился за карманы, но при свѣтѣ фонаря увидѣвъ щеголеваго одѣшаго молодого человѣка въ лицѣ копораго ничего не было злаго. Успокоившись опшвѣчалъ ему, что я Руской, *tanto meglio*, продолжалъ незнакомецъ, не вѣрыше, сударь, эпой городской чумѣ (*Pesta di citta*); наши Сирены очень опасны. Поблагодаривъ за благой совѣштъ, я просиль Барона N. такъ онъ себя назваль, на чашку шеколада. Баронъ выпиль не одну, не опказался и опъ рюмки вина и опорожилъ цѣлую бупылку. Слова шекли рѣкою, compleмешны, высокій шишуль *Esceienza!* похвала моему благоразумію, и наконецъ предложеніе взяшь локу въ шеашрѣ, ни малаго не подавали мнѣ повода, думашь о немъ иначе, какъ о самомъ благовоспишанномъ человѣкѣ. Почишая себя знающимъ физиономисномъ, я обращался съ Барономъ съ довѣренносшію; но обманулся и обманулся жестко. Мы вмѣштѣ

рука съ рукой пошли въ театръ, взяли ложу въ Бенуаръ. Занавѣсъ еще не поднимался, театръ былъ полонъ, разумѣется чшожъ было дѣлать, какъ не смотрѣть на право, на лѣво, въ раекъ и партеръ; замѣшивъ одно прекрасное лице, спросилъ я друга своего (шакъ онъ уже меня называлъ) не знаешь ли онъ этой дамы, которая сидѣла въ противной онъ насъ ложѣ. Очень знаю, я нѣкогда ей нравился, шеперь въ чистой ошспавкѣ и числюсь въ длинномъ спискѣ ея друзей. Я покраснѣлъ ошъ нескромнаго ошвѣща, и досадовалъ на Лафашера, однакожъ не вѣрилъ, чшобы прелестная дама была шакъ вѣтрена. Впрочемъ не слишкомъ желая, чшобы она была поспоянна, скоро согласился на доводы ея спараго друга, которой шупшьже предложилъ познакомить меня съ нею и ручался, чшо я хорошо буду принять. По окончаніи перваго дѣйствія Баронъ подчивалъ меня мороженымъ, ликеромъ, конфектами, и послѣ втораго дѣйствія пошелъ въ ложу къ дамѣ. Вскорѣ по выходѣ его вошелъ слуга и просилъ съ меня червонецъ за лакомство, я догадался кто былъ Баронъ, хватился за карманъ и плашка въ немъ не было. Баронъ больше не возвращался.

Двѣ дамы, сидѣвшія въ ложѣ подлѣ моей, сожалѣли, чшо у нихъ въ столицѣ шакъ много плушовъ, которые весьма искусно обманываютъ добрыхъ иностранцевъ. Эшо сожалѣніе было доспащочнымъ вознагражденіемъ за два червонца и плашокъ. Разговоръ начался, въ

продолженіи котораго я подумалъ, что прекрасная Люкреція (имя Маркизы) должна быть подобна Римской, но скоро поссорился съ Лафашеромъ и первое заключеніе было невѣрно. Театръ кончился, я подалъ руку дамамъ, свелъ ихъ съ лѣшницы, помогъ войти въ карету, меня поблагодарили и напомнили, что завтра въ Флорѣ будетъ большее гулянье. Медленно возвратился я на фрегатъ, а на другой день очень заблаговременно пришелъ въ садъ, и послѣ прехъ часовъ скучнаго исканія, наконецъ встрѣчаю Маркизу съ прекраснымъ молодымъ кавалеромъ! Она меня рекомендовала ему, но такъ холодно, что я поклонившись хотѣлъ итти другою аллеєю; къ счастью подруга ея была одна, надобно было подать ей руку. Маркиза изрѣдка обращалась ко мнѣ съ двумя, тремя словами, и я скоро исправясь опъ перваго впечатлѣнія, увидѣлъ приспанъ куда должно было мнѣ править. Дама, которую я вель, была молодая вдова и сестра Маркизы, Донъ Розаріо, кавалеръ ея, богатый дворянинъ, ловкій и любезный молодой человекъ; онъ старался снискать мою довѣренность, мы съ нимъ въ нѣсколько минутъ познакомились такъ коротко, что проводя дамъ домой ужинали вмѣстѣ, и опъ всего сердца смѣялись двумъ моимъ неожиданнымъ знакомствамъ.

Монастырь Св. Мартына.

Мы располагались пробыть въ Палермѣ только нѣсколько дней, но судьба, которая самонравно располагаетъ всѣми случаями, удержала насъ нѣсколько мѣсяцовъ въ сей мраморной столицѣ Неаполитанскаго Короля; я говорю мраморной, ибо здѣсь оный упопребленъ какъ у насъ кирпичъ и дикой камень. Въ продолженіе пяти мѣсячнаго пребыванія въ Палермѣ я имѣлъ время замѣшпшь въ ономъ много любопытнаго; выберу лучшіе предметы и во первыхъ скажу, монастырь Св. Мартына достоинъ особаго вниманія всякаго путешественника.

Монастырь сей почитается изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, построень въ горахъ въ разстояніи отъ Палермы въ 12 верстахъ. Товарищи мои, бывшіе въ немъ, рассказывали много хорошаго; но жаловались на дурной пріемъ. Се-му была причина, они ошиблись въ выборѣ провожашаго, почно шакъ какъ я въ Баронѣ. Казначей монастыря, чрезъ нѣсколько дней посѣнилъ фрегатъ, объяснилъ причину прежняго холоднаго пріема и просилъ сдѣлать монастырю честь вшоричнымъ посѣщеніемъ, назначилъ день и прислалъ для сопровожденія насъ одного изъ своихъ собратій, монаха умнаго, веселаго и говорившаго по Французски и по Англински. Мы ошправились въ чешы-рехъ наемныхъ весьма красивыхъ коляскахъ. Дорога чрезъ равнину окружающую Палерму

шла между садовъ. Приблизившись къ горамъ, споль величественно равнину облегающимъ, вдругъ всѣ предметы перемѣнились. Излучи-
 сшая бѣлая дорога шла на крутую гору и между скаль опчасу спановилась спрашнѣ и зашруднишельнѣ; по одну спорону былъ высо-
 кій ушесть, по другую пропасть. Лошади ча-
 спно оспанавливались и опдыхъ не укрѣ-
 лялъ ихъ силъ, мы шли пѣшкомъ скинувши
 кафшаны и чрезмѣрно успали, наконецъ вда-
 ли опкрылось великолѣпное зданіе, оно скоро
 опять скрылось и съ нимъ шрудная дорога
 перемѣнилась въ ровное какъ поль шоссе; мы
 въѣхали въ широкую аллею, кошорая привела
 насъ къ спѣнамъ монашпыря.

Колокольчикъ зазвѣнѣлъ, желѣзныя рѣшеш-
 чашныя вороша на шяжелыхъ вереяхъ скрыпну-
 ли, опшворились, монахъ распрысканный духами
 съ благородною осанкою вспрѣшилъ насъ покло-
 номъ и просилъ оспавить наши шпаги у при-
 врашника; въ ушѣшеніе наше онъ прибавилъ,
 что самъ Король дѣлаешъ поже (*). Вошедъ
 на обширный усыпанный пескомъ дворъ, мы
 увидѣли длинный фасадъ монашпыря, у кошо-
 раго фронтонъ и поршикъ, лежащіе на спрой-
 ной колоннадѣ, дѣлали его пошожимъ болѣ
 ма царскій чершогъ, нежели на скромное жи-

(*) Женщинамъ какого бы званія онѣ ни были запре-
 щенъ входъ въ сей монашпырь, но монахамъ неза-
 прещено видѣшь ихъ внѣ онаго.

лице ошшельниковъ. Въ сѣняхъ, ведущихъ къ парадной лѣстницѣ, предсавляется взору монументъ Св. Мартына. Конная спашуя въ Срацынской военной одеждѣ, поставленная на камнѣ подобномъ подножію спашуи Петра Великаго, изображаетъ свяпаго Мартына, раздирающаго свою майтію; подлѣ него бѣжишь нищій и принимаетъ половину оной. Конь, свяшый и нищій хладны какъ мраморъ, изъ котораго они сдѣланы; въ монументѣ нѣтъ искусства, опдѣлка очень посредственна. Споль огромный монументъ въ сѣняхъ, опнимая видъ у себя и у оныхъ совершенно не соовѣшсвуешъ красотѣ лѣстницы. Въ самыхъ сѣняхъ встрѣшили насъ нѣсколько монаховъ. По бѣлой мраморной парадной лѣстницѣ, прикасаясь рукою къ агатовымъ периламъ прошли мы къ огромнымъ дверямъ, онѣ предъ нами раскрылись и мы вошли въ длинную и высокую залу. Мраморный паркетъ, плафонъ разкрашенный, широкіе карнизы и чрезвычайный свѣтъ отражаемый опъ бѣлизны мраморныхъ стѣнъ, дають великое поияшіе о богатствѣ монастыря сего. Проходя попомъ длиннымъ коридоромъ, пересѣченнымъ накрестъ другимъ, гдѣ высавлены были портреты кардиналовъ, свяшыхъ мужей и наспошелей сего монастыря; попирая ногами разноцвѣшныя мраморы, вошли мы въ приемную комнату. Какое великолѣпіе! шпучный полъ изъ зеленаго, сѣровашаго и чернаго мрамора сосавленный,

пурпурный каминь, бѣлыя стѣны съ розовою каймою, широкіе промежутки между оконъ, украшенные огромными зеркалами, рѣзная позолоченная мебель, и весь сей совокупный блескъ изумилъ меня, и въ тоже время возродилъ во мнѣ мысль, что роскошь сія излишня для монаховъ. Что же долженъ я сказать о томъ, что видѣлъ послѣ? Согласись, что монахи хорошо употребляютъ 300.000 рублей своего годового дохода.

Предъ диваномъ, на которомъ мы посажены были, вдругъ отворяются насчетъ многочисленности дверей, одна за другою; въ приемную вбѣгаешь малаго роста монахъ, въ длинной шелковой маншѣ и четверугольной шапочкѣ; за нимъ вдали, съ поникшимъ взоромъ, шли попарно человекъ 30 шучныхъ, румяныхъ монаховъ. Маленькой монахъ былъ Настоятель. Онъ, не дожидая нашего привѣтствія, наскзалъ намъ тысячу вѣжливостей, сѣлся, вставалъ, обращался съ разговоромъ но къ тому, то къ другому, весьма живо и ловко перемѣнялъ всѣ положенія шѣла; пошомъ жаловался, что уже дни при спойнш дурная погода, что онъ не можешь сносить холода, и думаешь; что онъ въ Россіи замерзъ бы при первомъ упренникѣ, пошомъ божился и увѣрялъ насъ, что это есть рѣдкая нечаянность случившаяся съ Палермскимъ климатомъ; наконецъ перемѣнивъ и понизивъ свой голосъ, который былъ довольно громокъ, продолжалъ медленно: „я увѣренъ, что почтен-

вѣйшіе господа Рускіе удостоятъ раздѣлитъ съ нами скудную нашу пранезу. „Поблагодаривъ за приглашеніе, и дабы не дашь ему времени начашъ новый разговоръ, одинъ изъ насъ просилъ позволенія осмошрѣшь церковъ и другія достопамятностіи монашья. Все, что вамъ угодно; располагайте мною, приказывайте; я самъ бы за особое удовольствіе почелъ сопровождать васъ; но спаросъ моя и больныя ноги пому препяшствуюшъ. Конечно вы пожелаеши, продолжалъ Наспояшель, прежде всего видѣшь нашу Библиошеку; она имѣеши 40.000 шомовъ и много древнихъ рукописей. Музеумомъ, надѣюсь будеша довольны, шамъ пригошовлена для васъ нечаянностьъ Тушъ вступилъ онъ въ ученыя разсужденія, разгорячился, говорилъ весьма краснорѣчиво, замысловашо, и опкрылъ въ себѣ умъ обогащенный великими познаніями.

Сперва привели насъ въ библиошеку, помѣщенную въ большой залѣ. Библиошекаръ съ важнымъ видомъ поднесъ намъ кашалогъ, и пошомъ по шребованію нашему подавалъ классическія книги во всѣхъ родахъ наукъ, а въ заключеніе положилъ предъ нами нѣскольکو рукописей Греческихъ, Лашинскихъ, Еврейскихъ и Гошескихъ; мы перебирали лиспы въ первыхъ съ видомъ учености, а на послѣднія шолько взглянули; никшо изъ насъ, да и самыя монахи, какъ я думаю, не разумѣли, что въ нихъ написано. Самая любопытная изъ рукописей

была посланіе къ Римлянамъ Апостола Павла, какъ увѣряли насъ, писанная имъ самимъ; наконецъ показывали намъ какой-то Славянскій свитокъ, въ кофромъ, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ, большею частію съ пергамина спершихся, ни одного слова разобрать не могли. Мы думали, что рукопись сія есть Болгарская или Сербская, писанная въ 12 мѣ или 13 мѣ столѣтіи.

Изъ Библіотеки перешли мы въ Музеумъ. Нѣсколько залъ наполнены всякаго рода рѣдкостями. Разсматриваніе каждой изъ нихъ порознь заняло бы охотника до древностей нѣсколько дней. Но мы на ихъ только взглянули и обошли всѣ залы кругомъ. Первая составляетъ арсеналъ, наполненный ружьями, пистолепами, разныхъ родовъ кольчугами, шлемами, мечами, съкирами, бердышами и булавами. Вторая занята собраніемъ рѣдкихъ древнихъ произведеній, какъ то чашъ, слезохранипельницъ, обломковъ древнѣйшихъ спашуй, вывезенныхъ изъ Греціи, и между прочими шуловище Юпитера, также нѣкоторыя Египетскіе ипсуканы и Греческихъ храмовъ корнизы, барильефы и рильефы. Тутъ же хранится рѣдкое собраніе медалей Сиракузскихъ, Карѳагенскихъ, окаменѣлостей и множествъ Эшрурскихъ сосудовъ. Въ сей залъ по обѣ стороны дверей поставлены двѣ восковыя спашуи во весь ростъ Императрицы Екатерины II и Маріи Терезіи. Въ лицѣ Великой нашей Царицы машери, къ сожа-

лѣнію нѣшь никакого сходства, одежда же ея состоишь изъ фуру на фижмахъ, корсетъ сдѣланъ изъ раковинъ наподобіе чешуи, выдумка неудачная и монахи общали намъ перемѣнишь головной уборъ и сдѣлашь спашую по выше ростомъ. Спашуя Маріи Терезіи еще хуже опрабошана; взглянувъ на нее нечаянно, можно испугаться. Третья зала наполнена произведеніями моря и земли, въ числѣ послѣднихъ показывали намъ на небольшемъ кускѣ бѣлаго мрамора удивительную игру природы, копорая изобразила на немъ дерево споль сходно, что одинъ Англинскій путешественникъ желая увѣришься не нарисовано ли оно, купилъ кусочикъ, разбилъ оный, и подарилъ обратно. Въ числѣ минераловъ находящся и Сибирскіе. Въ четвертой самой большой комнатѣ, видѣлъ я спроусовъ, пеликановъ, пигровъ, крокодиловъ, гіенъ, львовъ, Венеръ, дѣвочекъ, спариковъ и дѣшей, въ чучелахъ, спашуяхъ, наконецъ уродовъ въ спиртѣ и видѣлъ ихъ сполько, что упомился смоспрѣніемъ, и въ заключеніе признаться должно, что я по чпши ничего не видалъ; наконецъ монахъ, насъ провожавшій, съ улыбкою выносишь, кладеть на споль богашый сафьянный футляръ, вынимаешь изъ него черной глины сосудъ, и съ важно-спію говорить: воиъ кубокъ, изъ котораго Сокрапъ принялъ ядъ! (Si signori) да, милоспивые Государи! Сокрапъ принялъ ядъ! При семъ приподнялся онъ нѣсколько, и близко къ нашимъ

глазамъ держаль обѣими руками сосудъ. Товарищи его и мы улыбнулись. Хранитель рѣдкостей не перемѣняя лица, показалъ одному изъ насъ Греческую надпись на сосудѣ: *Socratus* и спросилъ: не ужели и пеперь вы сомнѣваетесь! Чшобъ не подашь повода сему спрашному любителю древностей еще сильнѣйшими убѣждашь насъ доказательствами, мы согласились, и вошли въ послѣднюю комнату, занятую Анапомическимъ шеапромъ достойнымъ особаго вниманія. Восковыя чапли шѣла ошдѣланы, каждая порознь, съ шакимъ искусствомъ и точностію, что предспавляющъ въ совершенствѣ бранный и мудрый составъ внутренностей человѣка.

Изъ Музеума, темными переходами, привели насъ въ церковь. Какая мрачность, обширность и великолѣпіе! вошь первыя слова, кошорыя скажешь при всшупленіи. Едва вышли мы на средину храма, сопряслись своды его, громкій маршь оспановилъ, привелъ меня въ изумленіе. Роскошный блескъ мешалловъ, драгоценныхъ мраморовъ и мусикійское согласіе, перешедшее въ тихій гимнь, напоминали присущствіе того, кого мы не поспигаемъ, но ощущаемъ въ самихъ себѣ и въ каждомъ предметѣ. Органы, конечно были дѣломъ великаго мастера, онѣ подражающъ 40 инструментамъ. Помощію механизма, надувающаго мѣхи, дѣйствуюшъ шакже лишавры и гармоника двухъ родовъ: первая изъ мешалическихъ колоколь-

чиковъ , вторая изъ хрустала. На органахъ играютъ только два челоѣка. Дѣйствіе орго-голосковъ споль сильно, что когда перестали играть, поющіе звуки еще долго были слышимы. На главномъ придѣлѣ Св. Марына, замѣчательна прорѣзная серебряная доска, наложенная на малиновомъ бархатѣ и служащая украшеніемъ престола; работа по истиннѣ искусная и прекрасная. Предъ сѣмъ же олтаремъ стоятъ два большихъ золотыхъ подсвѣчника, они только по тому хороши, что спѣютъ 15,000 унцій (по нынѣшнему курсу около 200,000 рублей). Изъ множества картинъ и спашуй, кошорымъ можно удивляться, три оспались въ моей памяти. 1.) *Жертвоприношеніе Авраама*. Сія картина удивительна по дѣйствію ея производимому. Пашріархъ подьземлетъ жертвенный ножъ для закланія сына; въ лицѣ его, обращенномъ къ небу, видишь вѣру и надежду на Бога, и хотя замѣчаешь Ангела спѣшно парящаго, дабы удержатъ его руку, но привсѣмъ помъ цѣпенѣешь опъ ужаса; боишься, что Авраамъ скоро кончишь свою молишву; ибо Ангель еще далеко, а Пашріархъ кажешся уже обращаетъ голову къ сыну. 2.) *Іаковъ* сидяцій на одрѣ приѣмлетъ окровавленную одежду Іосифа. Горестъ опца сѣдинами убѣленного, расперзанная его одежда, одна рука приложенная къ слезящимъ глазамъ, выпадающая изъ другой руки Іосифова одежда, притворная печаль однихъ, искренняя скорбь другихъ, взаимныя укоризны изобра-

женныя на лицахъ сыновъ его окружающихъ, не имѣюшъ ничего себѣ подобнаго. Искусная кисть оживошворила шуть различныя чувства. Переходя взоромъ съ одного лица на другое, не лѣзя не плакать съ однимъ, не лѣзя не гнушаться пресупленіемъ другаго, а раскаяніе шрепьяго извлекаешъ невольный вздохъ. Не можно даже сказать, что лучше изображено: горесшь ли опца или шерзаніе совѣспи одного изъ сыновъ его? Самый жестокосердый, несосрадашельный сказалъ бы послѣднему: прощаю шебя. 3.) *Статуя Св. Севастіана*, подражаніе рѣзцу Пуджешову. Выраженіе вѣры и крошоспи въ очахъ, бореніе жизни съ смершію шуть удивительно; гоншпели пронзили прекрасное шѣло свяшаго на сквозь шрѣлою и хладный мраморъ шочно шрадаешъ. Моленіе свяшаго за своихъ мучшпелей изображено во взорѣ его не подражаемо; нельзя безъ умиленія видѣшь, съ какою Ангельскою крошосшію, смиреніемъ ожидаешъ онъ послѣдняго вздоха, шой минушы, когда душа перейдешъ изъ временной въ вѣчную жизнь. Въ церкви много превосходныхъ образовъ и спашуй; но послѣ сихъ шрехъ, я сомкнулъ глаза, дабы не выроншъ изъ сердца перваго пріяннаго впечатлѣнія. Я не упомянулъ о наружности церкви. Вошь при слова: мраморъ, шажешъ и неспройность.

Провожавшій насъ монахъ спросилъ, не желаемъ ли видѣшь ихъ кладбища. Товарищи согласились и пошли въ подземелье; я боясь

сырести, туда не пошелъ и съ другимъ монахомъ посѣшилъ прехъ воспитанниковъ. Каждый изъ нихъ былъ запертъ въ особой кельѣ, опяъ коей ключъ у дежурнаго. Не ужели воспитанники ваши навсегда осуждены на споль спроеое уединеніе, спросилъ я у Пріора. О! нѣтъ; всему опредѣлено время, они каждый день когда хорошая погода, могутъ гулять въ саду и должны памъ, что кому угодно обработать своими руками; въ дурное время естъ зала для гимнастическихъ упражненій, и памъ подъ надзоромъ учителя позволены всякія забавы приличныя ихъ возрасту; только на нѣ часы, когда должны пригото-влять свои уроки, они порознь запираются. Монастырь на своемъ содержаніи обучаетъ, кормитъ и одѣваетъ 21 го воспитанника, кои принимаются девяти лѣтъ, а выпускаются 21 года. По истеченіи сего срока каждый изъ нихъ воленъ избрать родъ жизни. По приглашенію сходилъ я въ кельи монаховъ; нѣкошорые занимаютъ шестъ комнатъ, богато но безъ вкуса убранныхъ. Надобно знать, что всѣ монахи изъ лучшихъ дворянскихъ семей, очень обходительны, хорошо воспитаны и большая изъ нихъ часть люди ученые, посвятившіе себя наукамъ.

Въ чешыре часа сѣли мы не за скудную монашескую прапезу, а за обѣдъ самый роскошный, гдѣ *Cassava*, *Mille foglie*, *piato di Priccia o di Premura*, приправленный въ сахаръ ципронъ и всякаго рода сласти съ ванилью

и шеколадомъ, вина и плоды, подавались одни за другими. Наспояшель показывалъ оспрошу ума своего, шушилъ надъ Волперомъ, превозносилъ похвалами Попе, сожалѣлъ, что не разумѣеть нашего Ломоносова и Державина, шушилъ на счешъ женцинъ, и бранилъ наконецъ Бонапарше; когда вспали изъ за спола, онъ приказалъ воспитанникамъ пѣшь нѣжныя аріи Метаспазія и уснулъ на диванѣ. Мы пошохоньку вышли въ садъ.

Распѣнія въ Ботаническомъ саду разсажены по Линнеевой сисшемъ. Монахъ шрудившійся надъ онымъ съ важностію, какъ бы съ кафедры, полковалъ намъ свойшво каждого цвѣшка и дисшка. Вычищенной лѣсъ лучше мнѣ понравился, нежели правильный садъ еще неокончанный. Подъ кровомъ ципронныхъ деревьевъ, на зеленой площадкѣ, въ средопочіи всѣхъ дорожекъ, излучинами какъ бы случайно пробитыхъ, я ошановился и съ полнымъ опъ удовольствія сердцемъ, сказалъ провожавшему меня монаху: вошь по испиниѣ прекрасной садъ и самой Арמידинъ конечно не былъ лучше сего. Не знаю сущесшвовалъ ли оный когда, онвѣчалъ мнѣ монахъ, но шошь, кошорый вы видите ешь плодъ сполѣшвихъ шрудовъ. Мы вошли въ бесѣдку песпроеиную на холмѣ, ошкуда ошкрываются вокругъ монастыря прекрасные виды. Съ одной спороны показывалась часпъ песчаной долины, по коей извивалась рѣчка со многими мѣльницами, съ другой зеленоя горы поросшія лѣсомъ, а въ проме-

жупкахъ ихъ, вдали блиспали сребрисыя волны обширнаго моря. Бесѣдуя съ монахомъ между прочимъ узналъ ошъ него о происхожденіи ихъ брашшва. Въ четвершомъ вѣкѣ, въ памяшь милосердія Св. Маршына, кошорое объясняетъ спашуя посшавленная въ парадныхъ сѣняхъ, основалось ихъ брашшво. Не извѣсно въ какое почно время построень на семь мѣспѣ бѣдный монастырь; при владычешствѣ Испанцевъ оный получилъ богашыя помѣшья, сошпоющія наиболѣе въ мраморныхъ ломкахъ. Монаховъ считаешся вынѣ 80, изъ коихъ 30 живущъ въ Неаполѣ; они Бенедикшпнскаго ордена. Настояшель имѣешъ при Дворѣ не маловажную довѣренность.

Монахи приглашали насъ оспашься ночешь, но намъ должно было возврашиться на фрегашь; и шакъ изъявивъ нашу благодарношь за вѣжливосшь и гощепрімштво, мы сѣли въ коляски, когда уже начинало смеркашься. Вечерь былъ шихій и пріятный, мы шли нѣсколько пѣшкомъ, въ аллеѣ; повара и слуги монастырскіе, какъ бы не нарочно, вышшли пожелашь намъ счашливаго пуши и похвалишь Рускую щедросшь. Я съ удовольствіемъ далъ одному шалеръ, другой съ умильнымъ видомъ просиль не забышь и его, я далъ сему нѣсколько гарлинъ, но прешій и четвершый шакже подспавили руки, эпо мнѣ не показалось, и я не сказавъ имъ ни слова, сѣлъ въ коляску. Кучера наши погнаши подъ гору лошадей шакъ скоро, что можно было

догадаться, что и они также участвовали въ монастырской прачезѣ, мы имъ въ помъ не препяшествовали и хощя на часныхъ поворотахъ могли сломить себѣ шею, однакожь скоро и благополучно проѣхали городъ и прибыли къ приспани.

Монтъ-Реале.

Знакомство наше съ Гвардейскими Офицерами, весьма благовоспитанными молодыми людьми, доставило намъ многія удовольствія, каковыхъ безъ ихъ руководства мы не могли бы имѣть. Вниманіе Министра нашего Д. П. Тапищева, удовольствія наши содѣлало болѣе разнообразными. Его Превосходительство рекомендовалъ насъ многимъ Вельможамъ, а въ новый годъ въ Королевскомъ собраніи представилъ Королю и Королевѣ. Ихъ Величествамъ угодно было приказать открыть намъ входъ во всѣ общественыя заведенія. Всякой почти день получали мы приглашительные билеты, то отъ Театральной дирекціи, то отъ благороднаго собранія, то отъ какаго либо клуба, то отъ монастыря на духовную Орапорію, словомъ мы не видали какъ время прошекало.

Въ одинъ день по приглашенію Гвардейскихъ Офицеровъ, мы поѣхали въ Монтъ-Реальъ обѣдать. Древній городъ сей построень на горѣ въ семи верстахъ отъ столицы; дорога къ нему, высѣченная на боку горы, ведетъ на

вершину оной непримѣнно; съ одной спороны сдѣланы каменные перила, съ другой въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ красивые мраморомъ убранные водомешы и между ими насажены душистые кустарники. Близъ города изъ отвѣсной голой скалы выходитъ быспрый ручей, текущій внизъ по спорону дороги и съ спремленіемъ переходя чрезъ упавшіе съ горы каменья низвергается въ обширный водоемъ, заросшій водяными лиліями. На вершинѣ скалы, изъ коей выходитъ ручей, поспавлена спашуя молодого человѣка, попоромъ поражающаго ползущую въ воду змѣю; другой молодой человѣкъ съ камнемъ въ рукахъ идетъ къ нему на помощь; прешья спашуя изображаетъ крестьянку въ спрахѣ пришившуюся за пнемъ согнившаго дерева. Сію прекрасную дорогу поспроилъ своимъ иждивеніемъ славный Моншь-Реальскій Архіепископъ Францискъ-Марія-Теспа, копорый великое богатство свое употреблялъ на общепользныя и богоугодныя заведенія. Городъ, споящій подъ навѣсомъ скалы, очень не великъ и бѣденъ; но видъ ошъ него на Палерму безподобенъ; названіе Царской горы (*) дано ему по справедливости. Въ городѣ шракшира не было, почему принуждены были заняшь замаранную хижину, и послать своего повара на рынокъ; но шамъ ничего не

(*) Monte-Reale на Ишпаліянскомъ языкѣ значитъ Царская гора.

доспали и мы должны бы были оспашься безъ обѣда, еслибъ Градоначальникъ, посѣпившій насъ, не вызвался прислать все нужное; мы пригласили его съ собою обѣдашь; пока оный готовили, пошли осматривашь древнюю и славную нѣкогда соборную церковь, копорая и донинѣ почитаешься епархіальною одного изъ богатѣйшихъ Архіепископовъ Сицилійскихъ.

Готическій храмъ сей подпершій со всѣхъ сторонъ кирпичными подпорами, стоишь на видномъ мѣстѣ, на самомъ краю скалы, подмышой водою, шакъ что кажешься скоро долженъ упась въ пропасть. Часпію разкрытая крыша, башенки на оной, разнообразныя, узкія съ фигурными желѣзными рѣшешками окна, въ коихъ спекла большею часпію выбишы, мохъ и малыя расшенія проникшія и ушвердившіяся въ ращелинахъ на стѣнахъ, придаюшь храму видъ глубокой и почтенной древности. Два сильныхъ человека едва могли ошворить лишыя мѣдныя врата, лики свяшыхъ изображены на оныхъ выукло. Какая жалость! внушенность церкви представлешь разрушеніе. Моженъ бышь, мы были послѣдніе видѣвшіе оспашки Готическаго великолѣпія древнихъ Греческихъ церквей; ибо сія есть одна изъ богатѣйшихъ построенныхъ Греками, кои и доселѣ имѣюшь свои церкви и своего Епископа въ Палермѣ. Они сущь Уніаты, признающіе надъ собою власшь Папы. Храмъ имѣешь видъ базилики. Древняя Моза-

ика на стѣнахъ, достойна особеннаго примѣчанія. Оная состоишь изъ самоцѣпныхъ и составныхъ камней; лики свяпыхъ представлены во весь ростъ и очень высоки. Фигуры всѣ Греческія, въ нихъ нѣтъ соразмѣрности и вкуса, только нѣни положены съ опмѣннымъ щаніемъ. Главное достоинство сей Мозаики состоишь въ позолотѣ. Все пространство, гдѣ долженъ бытъ воздухъ, небо и земля составляетъ золотое поле, не имѣющее и перья ни одного пшпа. Позолота положена на кремнѣ; меня увѣряли, что искусство сіе нынѣ поперяно и попому Мозаика сія естъ рѣдкость, которую всѣ путешественники нарочно пріѣзжаютъ видѣть и выковыривать изъ стѣны по нѣскольку кусочковъ онаго. Мѣдный помостъ церкви; выпыя, прямыя, полспыя и шонкія гранишныя мраморныя и мѣдныя колонны одна на другую не похожія, украшающія иконоспась, рѣзныя рамы, изъ коихъ образа большею частію вынупы и оставлены только пакія, съ кошорыхъ краски уже сошли, составляетъ нѣчто необыкновенное, нравящееся взору, можеть бытъ по пому, что смотря на сіе опсушпвіе вкуса, невольно переносишь за 800 лѣтъ, когда сооружено было сіе зданіе. Архіепископство Монпреальское основано въ 1174 году.

Сверхъ ожиданія мы имѣли споль самый вкусный, послѣ обѣда пили кофе у Градоначальника. Въ его домѣ собралось нѣсколько провинціальныхъ дамъ, кошорыя были къ намъ

очень ласковы, и немудрено, въ числѣ нашихъ поварищей были Герцоги, Князи и Бароны; пушь были соображенія и надежды; одни не смѣли поднять глазъ; другіе ловили ласковый или чпо либо значущій взглядъ; съ одной спороны приглядывались, задумывались и спарались казаться веселыми; съ другой робѣя, краснѣя сами не зная опъ чего, переходили опъ клавесина на диванъ, проходя зеркало будпо нечаянно поправляли шаль, и кажешся однѣ сожалѣли, чпо имѣли оныя, другія чпо не имѣли. Добродушныя спарушки машери, поправляя локонъ или поясную ленпу у милыхъ дочерей, какъ бы не нарочно бесѣдовали съ своею сосѣдкою о свашовспвѣ, и потому-то о чемъ бы разговоръ ни начинался, оканчивался всегда обрученіемъ, женидьбою и шакъ далѣе

Белведеръ.

Въ одинъ прекраснѣйшій день, съ премея спарищами опправились мы верхами въ Белведеръ, опсшоящій опъ Палермы въ 15 верспахъ. Въ ущельяхъ горъ, въ узкомъ промежушкѣ, окруженномъ опвѣсно споящими голыми скалами, въ прелестномъ уединеніи лежишь небольшая деревенька, въ коей на краю горы построень лѣшній домикъ, называемый Королевскій Белведеръ, обращенный лицомъ къ городу. Къ сожалѣнію Смотришель сего Дворца былъ въ оплучкѣ и мы насилу могли

сыскашь въ крестьянскомъ домикѣ одну свободную компану, гдѣ моглибы помѣспшиться. Servitor di Piazza, (слуга) копораго мы взяли для переводу Сицилійскаго языка, досталь дичи, хорошаго вина, плодовъ и самъ изгоповиль намъ порядочной обѣдъ.

Хошя день былъ жарокъ, однакожь я пошчасъ послѣ обѣда взошель на вершину скалы, подъ навѣсомъ коей спояшь нѣсколькo хижинъ, деревь и простой архитекшуры Белведерь. Видъ подлинно прелестный! Одинъ взглядъ, и взоръ изумляется. Не возможно избрашь лучшаго положенія для столицы. Взоръ оспанавливаея на громадѣ великолѣпныхъ зданій окруженныхъ чешвероугольною зубчатою стѣною, тамъ переходишь оный къ саду Флоры, на набережную (Magineo), къ гавани и наконецъ съ предмета на предметъ блуждаешъ по долини. Тутъ замокъ, тамъ на видномъ мѣстѣ домъ съ прекрасною колоннадою, здѣсь Гопическій монастырь, индѣ хижины скрываются въ пѣни садовъ, въ коихъ олива, пальма, ципрожь и писшашныя деревья не извѣспныя у насъ, составляютъ сплошную и яркую зелень. Водомешы въ видѣ сполповъ, пирамидъ и развалившихся башенъ, издали кажутся обелисками придающими опличный видъ всѣмъ вообще предметамъ. Вдали показывающяся, на необозримомъ пространствѣ моря разсѣянныя Липарскіе оспрова. Не большей въспрь, чупъ песпрившій море, несъ окриленные корабли по разнымъ направлениамъ;

одни спѣшили къ приспани; другіе удалялись отъ нее. Я не смѣлъ свести глазъ съ той черпы, гдѣ море касаясь горъ и долинъ, низкихъ и высокихъ мѣсць, искривленною черпою рисовало многоразличныя мысы, излучины и заливы. Наслаждаясь созерцаніемъ шогликаго множества прелестныхъ видовъ, соединенною силою природы, искусства и вкуса, произведенныхъ, великолѣпное богатство сіе казалось мнѣ волшебствомъ. Восхищенныя чувства мои были безпокойны, жадный взоръ искалъ новыхъ предметовъ, и одинъ изъ нихъ представился прямо подъ ногами моими. Подлѣ дороги, высѣченной въ горѣ и ведущей къ Белведеру, быстрый ручей вырываясь изъ скалы и падая съ шумомъ разбивался о камень, препяшшующія его печенію. Внизу, въ глубинѣ ужасной, видна была мѣльница въ положеніи опасномъ; ручей прегражденный порогомъ прямо съ онаго спремился на колеса, и раздробляясь въ брызги и пѣну, кропиль крышку мѣльницы и грозиль залишь ее. Такое пріятное положеніе Палермы подало мысль Сицилійскимъ Прѣнамъ называть ее золошою раковиною (conca d'oro), золошою долиною (Aurea Valle), садомъ Сициліи, и наконецъ Felice, счастливою. При захожденіи солнца оставили мы Белведеръ, и при свѣтѣ луны возвратились въ городъ.

Пещера святой

Розалии.

Пещера, гдѣ найдены мощи Св. Розалии, достойна благоговѣнія Христіанина и вниманія всякаго путешественника. Святая, какъ полагають одни, была племянница Короля Вильгельма Добраго; по помнѣнію жъ другихъ дочь Графа Синнибалди. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ юности, бывъ еще 15 лѣтъ, отказалась она отъ ушѣхъ свѣта и въ 1159 году избрала жилищемъ гору Квескино, а пошомъ перешла на гору Пелегрино, гдѣ питаясь одними только кореньями, всю жизнь провела въ уединеніи, моливъ и постѣ. По прошествіи 500 лѣтъ совершеннаго о ней забвенія, когда въ Палермѣ въ 1624 году свирѣпствовала чума, одинъ праведный мужъ видѣлъ во снѣ, что если кости Святой, лежащія въ ущелинѣ на горѣ Пелегрино, будутъ шрижды обнесены вокругъ города, то язва прекратится. Откровеніе сіе сначала не было уважено; но когда праведникъ успѣлъ увѣришь въ ономъ духовенствѣ и народѣ, то Правительствѣо принуждено было согласиться на его представленіе. Неплѣнное тѣло святой было найдено, съ благоговѣніемъ обнесено кругомъ города, и зараза въ ономъ скорѣ прекратилась. Съ сего времени Св. Розалія признается покровительницею Палермы; во имя ея начали строить церкви и сооружать монументы. Въ воспоминаніе избавленія города

опъ моровой язвы установлено шоржештво 20 Маія, называемое молишва 40 часовъ. Кому не извѣстенъ великолѣпнѣйшій праздникъ, опправляемый 12. Іюня въ память свяшой, и продолжающійся пять дней сряду. Миѣ не случилось бытъ въ Палермѣ въ сіе время, и пошому скажу шолько о пещерѣ, нынѣ обращенной въ церковь.

Дорога въ пещеру, опстоящую опъ города въ 9 версшахъ, очень шрудна; гора почши опшвѣсна, экипажамъ не можно по оной подыматься, мы проходили дефилями, гдѣ сдѣланы шропинки довольно покойныя для пѣшеходцевъ; съ каждымъ шагомъ опкрывались на долину, окружающую Палерму, новые виды, съ вершины горы показалось море; но какъ скоро сошли мы на другую сторону, шо вдругъ все изчезло. Мы какъ бы нечаянно перенеслись въ пустыню дикую, безплодную и необитаемую; кое гдѣ видны были козы, перебирающіяся съ ушеса на ушесь. Восходя на гору мы чрезмѣрно ушпали, и сѣли опдохнуть на гудахъ камней, кошорые Сицилійскіе писатели называють развалинами одной крѣпости, будшо бы построенной послѣ пошпопа, еще въ царштво вание Сашурна, славной во времена Пуническихъ войнъ, гдѣ Амилкаръ, Кареагенскій полководецъ, при года защищался прешиву 40,000 Римлянъ. Глухой звонъ колокола нарушилъ печальное вокругъ насъ безмолвіе; мы вспали, пошли подъ гору, вспрѣшлились со множештвомъ шилегримовъ съ посохами въ

рукахъ; большая изъ нихъ часть шли босикомъ; и наконецъ увидѣли церковь и нѣскольکو близъ нея домиковъ для монаховъ.

Вошедъ въ двери, ведущія въ пещеру, нельзя не почувствовать благоговѣйнаго пренепта. Въ храмѣ нѣтъ ни мозаики, ни драгоценныхъ украшеній; нѣтъ того великолѣпія, какого ожидать должно отъ великихъ вкладовъ и приношеній. Представше себѣ огромный и темный залъ, со свода коего висѣли листья какого-то распѣнія, стѣны состояли изъ голыхъ высунувшихся каменьевъ. Темнопа, освѣщенная двумя лампадами, горящими предъ престоломъ гдѣ совершали службу, тихое шептаніе молящихся, и наконецъ унылый гимнъ органовъ, внушали уваженіе къ мѣсту и вливали въ душу сладостныя чувства вѣры. По окончаніи обѣдни мы подошли къ одному изъ пяти олтарей, обнесенному серебряною позолоченною рѣшеткою; престолъ онаго украшенъ чепырью серебряными колоннами, копорья какъ и образа увѣшаны золотыми и серебряными изображеніями рукъ, ногъ, глазъ и проч. Намъ подали по восковой свѣчѣ и показали бѣлаго мрамора изображеніе святой Розалии, положенное подъ престоломъ. Она представлена въ шакомъ положеніи какъ бы покоилась въ сладкомъ снѣ, въ одной рукѣ держишь она крестъ, другая прижата къ груди, паспырскій посохъ лежишь подлѣ нея. Она одѣта въ золотое парчевое платье, украшенное брилліантами; лице открыто и пре-

красно. Монахъ увѣрялъ насъ, что всѣ черны очень близки къ насшоящимъ мощамъ, кои перенесены въ Палерму и хранятся въ Соборной церкви. Ангель хранишель, также мраморный, споеишь у изголовья гробницы и наклонившись держишь надъ свяшою миршовую вѣшвь. По спорону олшара монахъ показаль намъ просшаго камня памяшникъ, посшавленый пому праведнику, кошорый ошылсаль шѣло свяшой, а нѣсколькo далѣе и шу ущелину, гдѣ свяшайя дѣва покоилась почно въ шомъ положеніи, въ какомъ она предшавлена въ гробницѣ. Наконецъ привели насъ ко вдѣланному въ стѣну пещеры мраморному водохранилищу, въ кошоромъ со свода капала вода чистая, холодная и въ шакомъ изобилии, что изъ церкви внизъ по горѣ шрубами проведена въ долину и въ городъ. Въ монастырѣ нѣшъ ничего особенно досшойнаго примѣчанія, кромѣ ласковости монаховъ, кои ведутъ здѣсь хошя забашную, но безшужную жизнь. Во всякое время они обязаны служишь молебны приходящимъ поклонникамъ. Покаяніе нѣкошорыхъ необыкновенно сшрого: мнѣ встрѣшилсаль одинъ, кошорый на рукахъ, ногахъ и на шеѣ имѣль шяжелыя вериги. Въ рублищѣ, босикомъ, съ опкрышою головою, шациль онъ ихъ за собою съ чрезшайнымъ усиліемъ. Маска скривала лице его, почему многіе спрашивали: кто бы шакой эшо былъ? Монашвырѣ получаешъ ошъ приношеній набожныхъ великія суммы; попому-шо я видѣль шущъ монаховъ весьма шучныхъ, а молящихся очень шощихъ.

Китайскій домикъ.

Въ сѣверной части долины въ пяти или шести верстахъ отъ Палермы, находится загородный домъ Короля, называемый Кишайскій домикъ. Прекрасная мостовая, ведущая къ нему, обсажена деревьями; съ обѣихъ сторонъ видны сады и палаты Вельможъ. Король большую часть лѣта проводитъ въ семь замкѣ; для входу въ оной мы имѣли билеты. Лишь только подѣхали мы къ воротамъ, шо приврашникъ ударилъ въ колокольчикъ, и лишь отворилъ оныя, толпа придворныхъ слугъ въ зеленыхъ кафшанахъ съ галунами, выбѣжали къ намъ на встрѣчу, приняли лошадей и потчасъ послали за Смотрителемъ. Спарикъ съ тяжелою связкою ключей скоро показался, и спѣша иппи, издали еще, для перевода одышки дѣлалъ намъ низкіе поклоны. Подошедъ, онъ не спросилъ у насъ билета. Увѣрялъ, что Король очень любитъ Рускихъ, и что онъ за особенную честь себѣ пославляешь принявъ и показавъ намъ все, что будешь угодно. Мы уговорили его не беспокоиться; добрый спарикъ роздалъ ключи служителямъ, поручилъ насъ одному чиновнику и просилъ посѣнить его послѣ прогулки.

На четверугольномъ мраморномъ фундаментѣ, пославлень осмиугольный домикъ, весь въ спеклахъ, покрытый изогнутою крышею, украшенною, вмѣсто флюгера, вращающимся дракономъ. Крышка спускается далѣ

стѣнъ феспонами, съ повѣшенными на нихъ колокольчиками, и поддерживается лакированными колоннами, что составляетъ вокругъ дома галерею. Въ архитектурѣ нѣтъ ничего правильнаго, но самое сіе разнообразіе, будучи поставлено между легкой и пріятной архитектуры Европейскихъ зданій, представляетъ Кишайскій домикъ, какъ нѣкимъ чудомъ, волшебствомъ. Внутреннее расположеніе комнатъ совершенно ново. Чшобы перейти изъ одной въ другую, должно сходитьъ и подыматься по кривымъ лѣсницамъ. Мебель, фарфоровыя куклы, драгоценныя обои, обезображенные вышитыми на оныхъ уродами, въ коихъ нѣтъ никакого подобія челоуѣка, птицы или звѣри, нѣтъ ни опшѣнки, ни перспективы, но цвѣтъ красокъ, видъ домовъ, Кишайскихъ храмовъ, mosques, бесѣдокъ и прочаго, дѣлаеть при первомъ взглядѣ сію песпрошу пріятною; смотря на всѣ сіи чучелы думаешь, что находишься въ самомъ Кишаѣ.

Садъ, находящійся подлѣ дворца, подлинно Царскій. Обрабошывая его, не упустили ничего для украшенія. Оный начинается паршеромъ, изукрашеннымъ фигурнымъ цвѣшникомъ, мраморными бассейнами и фоншанами. Далѣе разнообразные холмы покрыты плодоносными деревьями, кустарниками и цвѣшнами. Лаванда повсюду разливаетъ ароматы, шумъ роща, шумъ проспектъ, кроиныя деревья, на площадкахъ и возвышеніяхъ стояшъ бесѣдки, шумъ гладкая дорожка, шумъ на прудѣ фигурная

Лодка, тамъ великолѣпный фонтанъ, а шумъ
подъ скалою журчитъ ручей.

Королевское собраніе.

Такъ называется общество, содержимое по подпискѣ знатнѣйшаго дворянства, гдѣ Король есть первый членъ. Въ домѣ сего собранія даются въ недѣлю одинъ или два бала, а для собесѣдованія съѣзжаются каждый вечеръ. Въ первый день 1808 года Дми. Пав. Тапищевъ представилъ Капитана съ четырью Офицерами Королю и Королевѣ. Когда Министръ подвелъ насъ къ Королю, то Его Величество, осматривая карпы, всталъ, и сказавъ: „я люблю Рускихъ; надѣюсь, что здѣсь не будетъ вамъ скучно“ вошелъ въ другую залу, и издали сдѣлавъ знакъ рукою Королевѣ, сказалъ ей: „рекомендую вамъ Гг. Рускихъ Офицеровъ.“ Ея Величество послѣ Министра весьма ласково разговаривала съ Капитаномъ, а потомъ и съ Офицерами. Слѣдуя примѣру споль благосклоннаго приѣма, Вельможи въ лентахъ и звѣздахъ, дамы въ шелковыхъ робахъ, одни за другими говорили намъ пышныя привѣтствія. Обошедъ придворный кругъ, выслушавъ всѣ роды вѣжливостей, дежурный Директоръ общества Графъ Санъ-Жуани, повелъ насъ въ другія комнаты, гдѣ также представлялъ насъ нѣкоторымъ Господамъ, далъ намъ билеты для входу во всякое время въ собраніе, и наконецъ, когда начались кондрашанцы, подвелъ

насъ къ дамамъ и пославиль съ ними въ первыя пары.

Въ часъ по полуночи балъ кончился. Королевская фамилія уѣхала, придворный шпашъ началъ разѣзжаться. Мы приглашены были Директоромъ ошпашья ужинашь. Скоро отворились двери, музыка заиграла маршь, и всѣ пошли въ столовую. Она была великолѣпно освѣщена, блескъ ошь хрусталей, бронзь и серебра ослѣплялъ глаза. Въ окнахъ пославлены были прозрачныя каршины. На одной представлялось ночное морское сраженіе; на другой горѣло село; на прешьей занималась заря и восходило солнце; а самая лучшая представляла видъ Баи (что близъ Неаполя) съ развалинами, при лунной ночи. Дамы и кавалеры сѣли за общій столъ, насъ посадили за особый, и нѣкто въ шелковомъ шипомъ кафшанѣ, въ кошелькѣ, распудренѣ, въ башмакахъ со спразовыми огромными на нихъ пряжками, подошелъ и съ видомъ значнаго Господина спросиль: „чѣмъ могу служить Гг. Рускимъ. Слуга подалъ длинный рееспрь и мы догадались, что шелковый кафшанъ былъ хозяинъ шракира, онъ просиль насъ выбрать блюда; изъ оныхъ болѣе 20 были означены такими именами, какихъ я съ роду не слыхиваль. Мы приказали податъ блюда самыхъ пышныхъ названій, и вмѣсто *Bef alla mode*, ѣли говядину; вмѣсто *Bombe di Sardanapalo*, сладкій фаршь; шупъ даже хлѣбъ имѣеть свое прилагательное и *alla!* Въ заключеніе самъ хозяинъ подчи-

валь насъ пирожными, подлинно прекрасными, за то и заплашили мы ему недурно. Слуга, получившій червонецъ, восхищенный такою щедростію, проводилъ насъ до экипажей и на лѣспницѣ по секрету объявилъ, что хозяинъ его взялъ съ насъ впроее дороже.

Въ обыкновенные дни, когда баловъ не бываешь, съѣзжаются для собесѣдованія. По значенію сего слова я ожидалъ, что въ такомъ собраніи занимаешься будущъ одними разговорами; но вошедъ въ первую залу, я не узналъ оной; въ ней все перемѣнилось. Большіе сполы занимали обѣ стороны залы, кучи зо-лопа небрежно лежали на споллахъ, мѣшки подъ сполами; на однихъ наклеены были большія каршы для игры въ банкъ фаро, шупъ вершѣлась Рулина, шамъ считалось 31 и 36, шупъ выигрывалъ красный цвѣшъ, шамъ чер-ный, шупъ чешъ, шамъ нечешъ, а счастли-вецъ выигравшій на примѣръ 9й номеръ и вмѣ-стѣ на красномъ цвѣшѣ, девяткѣ и нечешѣ получалъ за нѣсколько пославленныхъ червон-цевъ мѣшки съ тысячами оныхъ, какъ что 10 рублей выигрывающъ 7,000 рублей. Съ од-ной стороны громко повторялось (*giogo fatto*) игра гошова, съ другой провозглашали него, черный, шамъ чешъ, шупъ № 25й и червонцы шуда и сюда передвигаемые лопашочками зву-чали по споламъ. Дамы и кавалеры шумными толпами суешились вокругъ оныхъ, спавили на каршу горстш и болѣе червонцевъ, другую на красной цвѣшъ, шрешью на номеръ и не забо-

пясь о игрѣ спокойно прохаживались по другимъ комнашамъ, и посылали кавалеровъ освѣдомляться выиграла ли ихъ карша или проиграла, не оказывая ни въ помъ ни въ другомъ случаѣ ни радости ни печали.

Прошедъ нѣсколько комнашъ я остано-вился въ одной, гдѣ было не такъ шумно; сѣлъ на диванъ возлѣ дверей и у камина, такъ что всѣ должны были проходить мимо меня. Комната уставлена была диванами и ломберными сполами; на однихъ мѣломъ съ одного почерка черпили вензели; на другихъ каршами показывали проворство въ рукахъ, на иныхъ писали двусмысленные каламбуры; подлѣ меня въ полголоса говорили о любви; другая пара проходя мимо шепшала кажешся о помъже; шамъ въ углу у окна за занавѣсомъ смѣялись; шупъ декламировали стихи и восклицали: прекрасно! безподобно! Одна дама конечно съ намѣреніемъ, уронила подлѣ меня перчатку; я ее поднялъ, и она поблагодаривъ меня сѣла на мой диванъ со своею подругою; онѣ пригласили меня сѣсть, и дали мѣсто между собою. Разговоръ начался, и сколько я ни робѣлъ, ни воздерживался въ словахъ; но былъ увлеченъ вѣжливостію и снисхожденіемъ. Какъ диванъ былъ очень шѣсенъ для шроихъ, шо перешли мы на другой; шамъ, не помню почему, пересѣли на шрепій, и я увидѣлъ себя посреди общесшва Герцогинь, Княгинь и Графинь; шупъ и мнѣ доспалось съ горспями червонцевъ бѣгашъ къ каршежнымъ споламъ

и на мою долю досталось нѣсколько ласковыхъ словъ. Первые дамы занялись другими, другія заняли меня, и разговоръ, можетъ быть къ удивленію многихъ долженъ я сказать, не ограничивался пріятными бездѣлицами, сужденіями о модахъ, городскими новостями и тому подобнымъ; напрошивъ, шупъ и очень молодыя милостивныя дамы разбирали сочиненія какъ Лисерашоры, шутили пріятно, замысловато и остро; никто не задумывался въ отвѣтъ, обращеніе было просто и какъ бы между коротко знакомыми, всѣ вообще и всѣми способами искали путь къ сердцу. Если дамы показывали желаніе нравиться, кавалеры были имъ угодными; но весьма ясно было, что первыя предпочитали одинъ только умъ и ловкость, а послѣдніе обращали вниманіе только на молодость и красоту. Всего для меня удивительнѣе было то, что шупъ говорила весьма смѣло, вы очень любезны! ахъ! какъ онъ милъ! и *Vi Voglio Bene*, которое если перевесть слово въ слово, значишь, "я вамъ желаю добра"; но разумѣйся подъ симъ, я васъ люблю.

Въ двенадцать часовъ колокольчикъ зазвенѣлъ, червонцы пошли по карманамъ, игра кончилась. Въ сіе время банкъ не плашишь за карты, которыя только что были посланы или шли на два и три угла. Послѣ собранія обыкновенно ѣздящъ на Марино и въ садъ Флоры для прогулки или по улицѣ Кассеро, почему прогулка сія и называется *Cassariata*.

Д в о р ц ъ .

Толстыя сѣны, кое-гдѣ преснувшія и почернѣвшія отъ времени, малыя окна, два чешвероугольныя по краямъ отдѣленія въ видѣ башенъ, выше прочаго строенія преме эпажами и между оными шеррасса, украшенная вазами цѣввоеъ и малыхъ плодонбсныхъ деревь, служащая крышею дворцу, придаетъ ему отличныи видъ отъ всѣхъ зданій Палермскихъ. Вицерои Сицилійскіе, жившіе во дворцѣ, поправляя древнее зданіе, въ разныя времена приспособивали къ нему новыя, отъ чего и составилаь безобразная смѣсь разнаго рода строеній, въ коихъ при ошашкахъ Арабскаго зодчешства видны башни Норманской архитектуры. Дворъ усланъ бѣлымъ мраморомъ, изъ чешырехъ водомешовъ неумолкаемо журчишь вода. Чрезъ парадную лѣсшницу, шемными переходами и отккрышыми галлерейми привели насъ въ дворцовую церковь. Куполь и сѣны какъ въ Моншь-Реалѣ, украшены богашою Гречешкою Мозаикою. Выборъ, красота и цѣнность камней заслуживающъ особенное вниманіе. Живописецъ ничего не найдешъ въ ней отличнаго; ибо работа сія принадлежитъ времени Гошическаго варварешства, когда художешства были въ упадкѣ; но сполько вѣковъ не сдѣлали надъ нею никакого впечатлѣнія. Изъ всѣхъ художешствъ одна Мозаика не боишся ни спужи, ни зною; она одна можетъ противишьяся вѣкамъ и спихіямъ.

Церковь слабо освѣщена, но сія темнота при богатствѣ украшеній, въ коихъ серебро и золото попустило опъ времени, понравится набожному. Кто не любитъ тяжелой для взора древности, потъ долженъ посѣщать церковь сію для Корреджіо; его образъ представляющій Богородицу, младенца Іисуса и Св. Екатерину, одинъ стоить всей Мозаики и полновѣсныхъ паникадиль; Спаситель лежитъ на подушкѣ, окруженъ не сіяніемъ, но свѣтомъ доказывающимъ его божество. Богородица стоитъ предъ нимъ на колѣняхъ сложивъ руки; во взорѣ ея видно и материнская вѣжностъ и благоговѣнное умиленіе; въ семь взорѣ ясно изображено и ласки и молитва Божіей Матери. Взирая на ея положеніе не лзя усомниться какъ въ любви ея къ чаду своему, такъ и въ томъ, что молитва ея относится къ сыну Божію. Спаситель Младенецъ, съ улыбкою смотритъ на мать свою; она такъ же къ нему осклабляется, и сіи двѣ улыбки совсѣмъ не похожи на тѣ, какія я видѣлъ во многихъ картинахъ; онѣ божественныя, неподражаемыя. Св. Екатерина, наклонивъ голову, съ живѣйшимъ воспоргомъ взираетъ на младенца. Чувства ея переливаются въ зритель, кошораго душа пошрясенная присуществіемъ святыни, не смѣетъ замѣшить красоту Св. Екатерины, удивляется умиленности дѣвы, и устремляется единственно къ лицу Іисуса. Образъ мученика Св. Плацида работы Мореалезія, и подлѣ Корреджіо, привлекаетъ къ себѣ

вниманіе. Тѣни и цвѣтъ красокъ имѣютъ отличную точность, живость и ясность.

Изъ церкви прошли мы нѣсколько комнатъ, убранныхъ шпофами и рѣзною мебелью; вездѣ спарина безъ вкуса. Въ одной комнатѣ остановились мы посмотришь двухъ спашуй, вновь высѣченныхъ изъ камня, работы какъ намъ сказывали славнаго Архимеда, они велики и больше ничего. Стѣны увѣшаны поршрешами Королей и Вицеровевъ, правительствовавшихъ въ Сициліи. Въ оныхъ, кромѣ спаринныхъ одеждъ, шишаковъ, лашъ и манжетъ, ничего нѣтъ хорошаго. Въ другой подлѣ сей комнаты, каршины задернуты были завѣсами; это обѣщало намъ что нибудь хорошее. Смощритель чистая въ первой комнатѣ имена множества Вицеровевъ по поршрешамъ, замѣшивъ наше невниманіе и здѣсь перехода отъ одной каршины къ другой, открывая покровъ за покровомъ, холодно говорилъ: Даная Тиціанова, Карашіева Венера, Гидовъ Амуръ, Албанова Рахиль, человеклоубіе Шидоня, ученика Корреджіо, вопъ самъ Корреджій, и мы остановились, успремили глаза, и скажу шолько: сколько я ни видалъ дѣвушекъ и дѣпей, прелестныхъ и милыхъ, не могъ бы однакожъ безъ искусства Корреджіо представишь себѣ, чшобы можно было дѣвицу и дѣпя изобразить на холстѣ живыми. Какъ отъ добраго сердца смѣется это дѣпя! ни одна машъ конечно не пройдетъ его мимо, и ни одна женщина не оставишь, чшобы не приласкашь сего милаго

робенка. Дѣвица улыбается ему, и одна сія улыбка заставитъ задуматься и самого хладнокровнаго Квакера. Корреджіо писалъ съ природы, писалъ изъ сердца, былъ человѣкъ чувствительный, конечно любилъ, и сіи нѣжныя чувствованія неподражаемо перенесъ на свои картины, предъ которыми гордость древнихъ и новѣйшихъ живописцевъ должна смиришься.

Товарищи мои пошли смотрѣть собраніе медалей и монетъ, а я ошался въ галереѣ, и продолжалъ разсматривать картины, замѣчалъ въ нихъ съ большимъ вниманіемъ, что первое какъ скажешь бросалось въ глаза, и чтобы не упустишь и малѣйшаго впечатлѣнія, наскоро записалъ мои мысли. Онныя конечно будутъ неудовлетворительны для художниковъ; ибо я описываю только то, что мнѣ болѣе нравилось. Нѣсколько разъ потомъ переписывалъ я мои мысли, старался привести на память всѣ впечатлѣнія; но былъ всемъ не доволенъ и наконецъ остановился на томъ, что означилъ въ записной моей книжкѣ. Въ *Тиціановой Данѣ*, лишь шло прекрасно, а души нѣтъ. *Карашиева Венера*, полна, бѣла, нѣжна, но нагоша ея и распаленные спрасстію глаза показываютъ обыкновенную женщину, какихъ много въ свѣтѣ и на картинахъ. Не помню гдѣ-то я видѣлъ одинъ эстампъ, очень близкій къ сей Венерѣ, съ надписью Поршофранко. *Гидовѣ Амурѣ*, спишь покойно, розовые уста его сохраняютъ опасную, хищную улыбку; еслибы

онъ проснулся, открылъ глаза, красавицы со страхомъ убѣжали бы отъ него; но въ семь положеніи ни одна изъ нихъ не отвращивъ взора отъ наготы его. *Албанова Рахиль*; есть совершенство земной красоты и искусства живописнаго. Юная Рахиль невинна и проста; прекрасные глаза ея полузакрыты длинными черными рѣсницами, непорочность ея видна во всѣхъ чертахъ; словомъ сказать, на нее не льзя довольно насмотрѣться. Покрывало, накинутое на голову, такъ тонко, что сквозь оное видны волосы, которые, хотябы прикоснувшись къ нимъ рукою, покажутся мягки и тонки какъ шелкъ. *Человѣколюбіе Шидонія*; съ перваго взгляда видно, что онъ былъ ученикъ Корреджіо. Молодая женщина, изображенная, къ удивленію зрителей, безъ всякой красоты, раздаешь дѣшьямъ кусочки хлѣба, съ милостію и душевною добротою; но развѣ прелестная женщина не можетъ быть также добра? или Шидоній думалъ, что красавицы весьма рѣдко бывають не щеславны? и потому изобразилъ женщину милосердную и крошкующую. По чертамъ лица ея судить можно, что онъ писалъ сію картину въ Англіи. Добродушіе, изображенное во взорахъ и положеніи, составляло единственную прелесть лица ея, блистало живо изъ ясныхъ, голубыхъ и поммыхъ очей; изображалось въ улыбкѣ и во всѣхъ чертахъ. Въ дѣшьяхъ ожиданіе и радость не совсѣмъ кончены, шуть чего - то не доспаетъ; еще не

много искусства и Шидоній былъ бы равенъ своему учителю.

Подлѣ сихъ знаменитыхъ памятниковъ искусства живописнаго, пославлены двѣ маленькія картинки трудовъ одной благородной Палермитанки. На первой изображены бабочки, на второй виноградная кисть. Дишя спалъ бы ловишь сихъ бабочекъ; самъ Праксипель вглянувъ на виноградъ, сказалъ бы: онъ зрѣлъ, и его безъ вреда ѣсть можно.

Въ собраніи рѣдкихъ рукописей, показывали намъ одну древнюю, писанную на папиру, другую на пергаментѣ. Последняя содержитъ службу Богородицѣ на Латинскомъ языкѣ. Нѣкто Кловіо украсилъ ее миниатюрными виньетками; при вѣкѣ прошло и сіи розы еще не завяли, а сіи персики только что сняты съ дерева. Рукопись, сгорѣвшая въ Геркуланѣ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Нашли средство раздѣлить попорченныя огнемъ листы и съ чрезвычайнымъ трудомъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣли списать съ нее нѣсколько страницъ. Слава терпѣнію ученыхъ, занимавшихся сею скучною работою.

Въ собраніи сосудовъ, спаншуй, бюсповъ и разныхъ инструментовъ Римскихъ, Греческихъ и новѣйшихъ, частію доставшихся Королю по открытіи Геркулана и Помпей, каждая вещь показываетъ или удачную выдумку или изящную работу, или драгоценное вещество. Видѣ сосудовъ, а особливо курильницъ,

слезохранишельницъ и подсвѣчниковъ весьма пріятенъ. Бронзовыя бюсты и статуи, всѣ наилучшаго вкуса и Греческой работы. Изъ нихъ Фавнъ и два борца почитаются превосходнѣйшими. Фавнъ подлинно уснулъ. Нагѣ борцы, приутопляющіеся къ борбѣ какъ ни малы въ разсужденіи обыкновеннаго фротта, заставляють зрителей спрашиваться, что они вдаются въ великую опасность. Во многихъ игрушкахъ, съ удивительною точностію представляющихъ различныхъ живописныхъ, бронза и мраморъ имѣють жизнь. Между музыкальными инструментами лежишь дудочка, на коей Оспитяне играють носомъ, подлѣ нея и одежда ихъ, сшпанная изъ нишей кокосовыхъ орѣховъ. Въ сей же залѣ показывали большія книги, въ коихъ снапы списки и рисунки съ недодѣланныхъ картинъ лучшихъ живописцевъ древнихъ и новѣйшихъ. Мнѣ болѣе всего понравились картины Греческаго изображенія. 1я, Нимфа срывающая цвѣшокъ. 2я, Спящая Дриада, которую Фавнъ нашель и обнимаетъ. 3я Старой Силень поднимаетъ на рукахъ робенка, протягивающаго рученки къ виноградной кисши, которую подаетъ ему съ веселымъ видомъ, чрезъ голову спарика, молодая дѣвушка. Не правда ли, что сими изображеніями красоты, любви и шрехъ возрасновъ челоѣка, Греки умѣли объяснять свои мысли самымъ нѣжнымъ образомъ? Вошь шри бездѣлицы, копорыми кончилось обозрѣніе рѣдкостей: Ма-

ленкій Фазшонъ запряженъ двумя пчелками, пестрая бабочка сидишь на козлахъ вмѣсто кучера и держишь возжи ножками. Другой побольше, запряженъ попугаемъ, а управляемъ саранчею. Третьей вишьешь представляешь также фазшонъ, въ коемъ положенъ кувшинъ, обвитый розами, двѣ стройныя маленькія Нимфы, смѣясь везуть его съ шоропливостію, Вотъ какъ Греки умѣли одушевлять любимыя свои мечшы.

Сошедъ въ нижній этажъ *въ Оружейной*, въ прехъ залахъ я видѣлъ всѣ убійственныя оружія ошъ Каиновой дубинки до Ишалиянскаго кинжала, видѣлъ булавы Ирокезцовъ, дрошкики жипелей Новой Зеландіи, видѣлъ чѣмъ Римляне, Греки и Скибы побѣждали другъ друга, и наконецъ видѣлъ пулѣспницу, по котрой механическія рукодѣлія восходили къ совершенству и злоба людей къ ушонченному искусству умерщвлять другъ друга. Король, какъ спрасный ошонникъ и спрѣлокъ, собираешъ оружія знаменитѣйшихъ масте-ровъ, и его ружейная поиспиннѣ можешъ назвашься Царскою. Лучшія изъ нихъ опдичаюшя чистотою опдѣлки, замысловатымъ механизмомъ и прочностію мешалла, худшіе золошыми насѣчками, перламушомъ, дорогими каменьями и богашыми фушлярами. Ошонники найдущъ шущъ много вещей достпойныхъ ихъ восторга. Я замѣшилъ шолько шри: *ге Двуствольное ружье*, вдругъ, одно за другимъ можешъ сдѣлать 24-ре выстрѣла. Помощію

механизма, 24 папрона вдругъ въ ружейный спволь кладуся; спбѣшь только оборопшпъ внизъ дуломъ и ружье заряжено. 2е, *Духовое ружье* въ просши, и 3е, *Кинжалъ*, копорой по вонзеніи въ пѣло раздѣляется на три часши, и въ сіежь время производпшь выспрѣль изъ маленькаго писшолета, вдѣланнаго въ рукояшку.

Б о л ь н и ц а Б ѣ д н ы х ѣ .
(Alberho di Poveri.)

Зданіе по наружности своей просто, хотпя и огромно; шупь великолѣпіе пожертвовано пользѣ. Позади спроепія садъ съ прекраснымъ фоншаномъ. Поднявшпсь по легкой для восхода лѣстницѣ, украшенной фоншанами и приличными спашуями, вошли мы въ средній этажъ. Муцины и женщины распредѣлены по палашамъ; шупь выздоравливающія, шамъ спяжело больныя, а шамъ неизлѣчимыя и сумасшедшія. Въ огромной залѣ за общимъ спшолемъ болѣе 300 выздоравливающпхъ съ жадностію поглощали куски хлѣба, плавающіе въ жидкомъ супѣ; они просили милосшыню по привычкѣ. Комнашы вездѣ нечиспы и есплбъ не ошворяли оюнъ, то воздухъ могъ бы бышь вредень. Здѣсь лѣчатъ просшными средспвами, покоемъ, пищею и лимонадомъ, котораго употребленіе полезно въ здѣшнемъ климатѣ. Докшоры славящя испуствомъ, и больныя, какъ меня увѣряли, не умирающъ здѣсь преждевре-

менною смертію. Въ приемной залѣ поставленъ портретъ Фердинанда IV во весь ростъ. Онъ очень похожъ, я взглянулъ на него съ уваженіемъ. Фердинандъ любимъ своими подданными, и какъ добрый Государь, заступникъ бѣдныхъ и сирыхъ, достоинъ преданности и благодарности народной.

Въ нижнемъ этажѣ по обѣ стороны длиннаго коридора, въ низкихъ комнахахъ со сводами, на одной половинѣ деживающъ послѣднія минушы жизни, неизлѣчимыя, на другой сумасшедшія. Одинъ изъ нихъ въ сѣняхъ подъ огромными аркадами прикованъ былъ къ сѣнѣ цѣпью, держащую его поперегъ снаца. Руки и ноги обшищъ были у него кожею, шѣмя обрипо, оцщашки волосъ спояли щещиною. При появленіи нашемъ онъ бросился къ намъ, началъ прыгашъ подобно люшой Гіеннѣ, грызъ цѣпь, руки и охриплымъ голосомъ произносишь невнятные звуки; но когда воцель его Сморпришель, онъ бросился въ уголъ и зарылся въ лежащей шамъ соломѣ. Сей несчастной ошвергаешъ обыкновенную пищу и безпреспащно просишь сырова мяса; бѣшенство его чрезъ каждые при мѣсяца продолжается по двѣ и по при недѣли, и уже другой годъ онъ находишь въ больницѣ. Войдя въ коридоръ намъ ошворили 1й N°. Въ немъ лежалъ на постелѣ Кардиналь, онъ со всею важностію благословиль насъ. Эпо нищій, сказалъ Сморпришель. Во 2мъ N° сумасшедшій ошъ честполюбія; 20ши лѣтній студеншъ сей называешъ

себя Генераломъ, безпреспанно чертишь пла- ны и располагаешь войска къ сраженію. Смо- тришель его обходился съ нѣмъ ласково, докладывалъ о нашемъ приходѣ и принимая приказанія, величалъ его Ваше Превосходи- шельство! Въ 3й №, промотавшійся Баронъ, ко- торой помѣщался на шомъ, чпо у него къ 99 не доспавало сошаго жилеша. Большая часть сумасшедшихъ была ошъ честподюбія и болѣе женщинъ, нежели мушинъ. Ештли у васъ су- масшедшіе ошъ любви? спросилъ я у лѣкаря. Теперь нѣтъ ни одного; были, но они скоро у насъ выздоравливаюшъ. Наши женщины че- ловѣколюбивы, продолжалъ шупливо Докшоръ, они не любяшъ сводить съ ума и рѣдко по- даюшъ причины приходишъ въ опчаяніе. И шакъ справедливо сказалъ Панглось, „чшо все въ свѣшѣ къ лучшему“ и въ самомъ здѣ за- ключается добро. Наконецъ показали намъ су- масшедшую дѣвушку. Конечно ошъ любви? Нѣтъ, отвѣчалъ Докшоръ холодно. Она имѣла несчастіе лишиться ошца своего, казненнаго публично за доказанное преступленіе. Она взошла съ нимъ на эшафотъ, сколько ни уго- варивали ее сойти внизъ, но она оспалась при ошцѣ до послѣдней минуцы. Твердость, здо- койствіе духа ея, обмануло исполнителей при- говора; но когда голова ошца покашилась по помосту, когда кровь брызнула въ лице до- чери; тогда несчастная схватила голову, обло- бызала ее, завернула въ шаль и шунже упала безъ чувствъ и лишилась ума. Чрезъ годъ она

пришла въ память, но лишь вышла изъ больницы, вспрѣпшилась съ солдапомъ, вспомнила о казни и снова лишилась ума. Теперь она выздоравливается, и когда совершенно оправилась, Королева приказала удалишь ее въ деревню, гдѣ она будетъ получать ошь Ея Величества достащочной пенсіонъ.

Поле мертвыхъ.

Бывъ немного не здоровъ, въ одинъ красивый день вышелъ я съ кварширы моей, бывшей въ предмѣстїи Саразень, подлѣ Порша-Нуова, просто въ сершукъ, съ шѣмъ, чшобы по близосши нѣсколько прогуляшья. Въ городѣ благовѣспили къ обѣднѣ, шолпы богомольныхъ съ моливвенниками въ рукахъ шли со мною по пуши. Прошедъ съ версту, вижу предъ собою спѣну, растворенныя вороша, и кипарисную аллею, въ концѣ коей монастырь; перемѣняю намѣреніе и иду въ церковь молишья. Набожное расположеніе мое награждено было неожиданнымъ явленіемъ; любопышштво удовлешворено ужаснымъ видомъ смерши. Аллея, по кошорой я шель, пересѣкалась накрешъ другою; шамъ кое гдѣ печально спояли кипарисы; и надгробныя памяшники, большею частію весьма просшыя, занимали все пространштво; мраморныя плишы были исписаны стихами и надписями. Зеленая поляна опдѣляла монастырьскія спроенія ошь сада. Я спросилъ шедшаго подлѣ меня, какъ

монашпырь называется? онъ опвѣчалъ мнѣ: „вы находитея на *полѣ мертвыхъ* (Campo di Morti). Такое названіе удивило меня, и сказанное незнакомымъ подтвердилось самымъ дѣломъ. Монашпырскій колоколь нѣсколькими унылыми ударами возвѣспилъ о прибытіи покойнаго. Я ошамовился, обратился къ ворошамъ и увидѣлъ въ оныхъ нѣсколько поршшезовъ, предъ коими несли на длинномъ древкѣ чернйй деревяннйй крешъ; носильщйики были въ шраурномъ плашѣ, на поршшезахъ нарисована Адамова голова. Вмѣшѣ съ поршшезами вошелъ я въ церковь и представше себѣ мое изумленіе. Посреди церкви, на кашафалкѣ, обшпомъ чернымъ сукномъ, на верху и на ступеняхъ лежало болѣе 20 шѣлъ безъ гробовъ; одни одѣшы были въ приличныхъ плашьяхъ, но безъ покрововъ, другіе просто обернушы только холшшиною. Я видѣлъ смершь во многихъ видахъ, не спрашилъ ее по долшжности и чешти; но признаюся, новое сіе явленіе, какого я не ожидалъ, привело меня въ шрепешъ; слабощь послѣ болѣзни, печальныя псалмы, музыка раздйрающая душу, горешшныя лица, вопли и слезы окружающйихъ кашафалкѣ, заставляли меня опасашься, что я не могу выдержашь печальнаго обряда погребенія; но любопышшество видѣшъ оное побудило меня ошашься. Обѣдня кончилась, родшшвенники послѣднимъ цѣлованіемъ просшшлись съ умершшими, всѣ вышли, церковь заперли. Мнѣ ничево болѣе не оставалось дѣлашъ, какъ

просишь проходящаго мимо меня Капуцина, расскажешь мнѣ обрядъ ихъ погребенія.

Капуцинъ былъ ужаснаго вида, босикомъ, въ толстой рыжевапаго сукна рясъ, и очень неопрященъ. По такой наружности я не ожидалъ, чтобы онъ былъ ѣздивъ, но вышло напропихъ, онъ былъ даже очень снисходителенъ. По первому моему вопросу, Капуцинъ съ ласковымъ видомъ общалъ удовольстворить мое любопытство; потомъ спросилъ, съ кѣмъ имѣешь честь говорить, и услышавъ, что я Руской, поклонился и продолжалъ; очень радъ, милосивый государь! что буду имѣть случай чѣмъ нибудь услужить Рускому. Онъ пошчасъ приказалъ принесть себѣ ключи: между шѣмъ мы подошли къ длинному спроеию, составляющему лѣвый флигель монастыря, оперли дверь, опворили, и, Боже мой! что я шущъ увидѣлъ. Тысячи человѣческихъ ошвововъ, споявшихъ и привязанныхъ къ спѣнамъ, сложенныхъ на сполахъ и валяющихся по полу. Я побѣднѣлъ, содрогнулся, укорялъ себя за пущое любопытство, но уже поздно было разкаяваться, спыдно было опказаться, и я вошелъ за Капуциномъ въ длинную невысокую галлерей, освѣщенную сверху и шо весьма слабо. На груди каждаго скелета повѣшена была черная дощечка съ надписью кому принадлежали бранные си опшатки, годъ и число, когда родился и умеръ. Проходя далѣе, я видѣлъ нѣсколько гробовъ или лучше серебряныхъ и бронзовыхъ ящиковъ, гдѣ лежали коспи знашнѣйшихъ Вельможъ. Гробницы си

были заперты и ключъ оныхъ обыкновенно хранится у ближайшаго родственника. Жители Палермы часто посѣщаютъ монастырь смерти; живо выбираютъ себѣ мѣста въ галлереяхъ, и плачущъ на гробахъ предковъ своихъ, умершихъ за 200 лѣтъ. Въ саду, только для виду сдѣланныхъ монументы. Я очень обрадовался, что мы скоро вышли изъ галлерей; но Капуцинъ повелъ меня къ другому строенію, обнесенному высокою стѣною въ углу ограды монастырской и въ отдаленіи отъ жилыхъ покоевъ. Служба открыла намъ желѣзную калитку. Посреди двора стояло низкое не болѣе двухъ аршинъ высоты зданіе, покрытое толстымъ сводомъ. Небольшія вокругъ онаго окна заперты были желѣзными спаньями. Вотъ общая могила всѣмъ умершимъ въ Палермѣ. Погребъ наполненъ извѣстью, тѣла привязанныя къ желѣзнымъ лопашамъ на длинныхъ древкахъ ушверженнымъ, опускающіяся въ погребъ, засыпающіяся извѣстью, и, когда тѣло будетъ испреблено, скелетъ сдвигаютъ въ галлерей. Тѣла знающіихъ господъ, вынувъ напередъ внутренность, засушиваютъ въ небольшой пещерѣ, и шрупъ сохраняешь на себѣ кожу довольно долгое время.

Въ жаркомъ климатѣ такое погребеніе очень благоразумно; моровая язва, испребившая половину жителей Палермы, была поводомъ къ оному; плачевный опытъ научилъ брашь сію необходимую осторожность. Уже

болѣе 200 лѣтъ постановлено закономъ, умершихъ не оппѣвать въ городскихъ церквахъ, а шощасъ безъ всякихъ церемоній изъ домовъ переносить въ сей Капуцинскій монастырь, гдѣ по совершеніи обряда погребенія, шѣла изъ церкви переносятся сначала въ погребъ, гдѣ, изъ предосторожности, дабы не погребли лишившихся жизни опъ продолжительнаго обморока, оставляюща оныя на пять или на семь дней, смотря по обстоятельству. Анашомить умершихъ прежде сего срока шакже запрещено.

Дворянское собраніе.

Пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ доставило намъ многія знакомства. Въ саду не блуждали уже мы посреди пышнаго общества подобно отчужденнымъ; на балѣ не сидѣли въ дальнемъ углу безъ дѣла; въ саду кланялись намъ издали; на балѣ мужчины встрѣчали насъ ласково, дамы охотно съ нами шанцовали; наконецъ, въ театрѣ вмѣсто того, чтошобъ заниматьса представленіемъ, уже должны были, слѣдуя шамошнему обыкновенію, ходить по ложамя. Въ Дворянскомъ Собраніи принимали насъ какъ своихъ родственниковъ. Мы шѣмъ охотноѣ посѣщали сіе общество, что въ шомъ друзья наши, гвардейскіе Офицеры, и вся военная молодежь, обыкновенно назначали какъ провести завтрашній день, и приглася дамъ собирались въ саду *Флорѣ* или

въ какомъ маскарадѣ, духовномъ концертѣ, кофейномъ домѣ Липерашоровъ, любительей музыки и наконецъ въ мѣщанскомъ клубѣ. Читашель не дѣлай скорого заключенія; если судишь будешь по своимъ обычаямъ, шо можешь ошибишься и бышь несправедливымъ. Здѣшнее мѣщанское общество, состоящее изъ трудящихся купцовъ, простыхъ ремесленниковъ, и цѣховыхъ мастеровъ, не шо, что могло бы бышь у насъ. Здѣсь дочь поршняго, даже ба-шманника, танцуетъ минууетъ, кадрили, вершишься въ вальсѣ; говоришь не обласпнымъ, но благороднымъ Тосканскимъ нарѣчїемъ. Здѣсь хошя нѣтъ, какъ въ Королевскомъ собранїи, брилантовъ и многоцѣнныхъ кружевъ, но всѣ дѣвицы одѣшы чисто, щеголе-вашо и прилично; всѣ цѣшущъ какъ Майскїя розы; бѣлы, румяны, нѣтъ почти ни одного дурнаго лица, нѣтъ шой блѣдности, упомленнаго взора, кошорого спараешся избѣгнушь, и пошому-шо мы чаще были въ мѣщанскомъ и дворянскомъ, нежели въ Королевскомъ собранїи. Дѣвицы въ обхожденїи очень ласковы. Онѣ привыкнувъ къ Испанской гордо-спїи своего дворянства, (кошорое однакожь ошошно посѣщаешъ ихъ общество,) и за малѣйшее вниманїе были признашельны. Машери ошавляли дочерямъ всю свободу, ошнюдь ни въ чемъ насъ не подозрѣвали; и случалось, что нѣкошорыя изъ нихъ замѣшивъ, что Руской предпочитаешъ ея дочь другимъ, ошошно и часто съ нею танцуетъ, всшавали съ мѣстѣ

своихъ и искренне благодарили за честь, дѣлаемую ихъ дочерямъ.

Въ продолженіи Карнавальныхъ праздниковъ, мы закружились въ вихрь большаго свѣта. За нѣсколько дней приглашали насъ на какую либо прогулку, на концертъ, на балъ и маскарадъ. Въ семъ послѣднемъ ясно видѣнъ характеръ и нравъ шушливыхъ Испанцевъ. О карнавальныхъ увеселеніяхъ я буду говорить послѣ; теперь скажу нѣсколько словъ о маскарадѣ, называемомъ *Ve-glione!* продолжающемся во всю ночь. Послѣ театра, зрители изъ партера вышли, скамейки были вынесены и въ полчаса сцена сравнена съ партеромъ, что составило обширную залу. Пока дѣлались сіи приуготовленія, въ ложахъ ужинали, музыка играла симфонію. Король съ дѣшми былъ въ своей ложѣ; при немъ не было ни какой спражи; любовь народная замѣняла оную, присущіе его не мѣшало веселости, напротивъ болѣе одушевляла публику. Лишь зала была готова, ударили въ лишаеры, музыка заиграла маршъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ начали входить маскированные лица съ ужимками приличными своей одеждѣ; зала скоро наполнилась, сдѣлался шумъ, визгъ, всѣ говорили не своими головами, одинъ ревелъ коровою, другой пѣлъ арію, шощъ мяукалъ кошкою, шамъ въ странномъ положеніи поэты декламировали стихи, всѣ прыгали, кривлялись, кружились и ломались, и это щакъ всѣхъ забавляло, что зрители

смѣялись опъ доброто сердца. Маскированные разсыпались по ложамя, входили даже въ Королевскую, забавляли Его Величество шутками, замысловатыми спихами, остроуміемъ или шолько нарядомъ. Король въ самомъ дѣлѣ былъ очень снисходителенъ и милосѣивъ, и повидимому утѣшался симъ.

Гримальди.

Скажи те мнѣ кто такъ прекрасно играетъ на скрипкѣ въ театрѣ Санъ-Фердинандо? спросилъ я однажды у Профессора музыки Чичилиано. Это Гримальди, ошвѣчалъ Профессоръ, славнѣйшій нашъ Артистъ, камеръ-музыкантъ, Геній, какого Ишалия едва ли когда имѣла и при шомъ чудака, милой, лѣнливой и безпечной. Не уже ли вы ничего о немъ не слышали? его жизнь и спранности обращаютъ на него общее вниманіе; онъ очень извѣстенъ, уважаемъ всѣми и любимъ самимъ Королемъ. Я вамъ расказу объ немъ нѣчто продолжалъ Чичилиано. Онъ имѣетъ шакое даръ, что въ театрѣ, когда ему должно играть Соло, вдругъ по вдохновенію восхищаетъ всю публику и еще болѣе удивляетъ музыкантовъ тѣмъ, что, когда ему вздумается, безъ приутошвленія и шруда сочиняетъ важнѣйшую музыку, иногда пишетъ ноты на память, безъ помощи инструмента, или взявъ оный приказываетъ писать ноты другимъ, а какъ рѣдко имѣетъ онъ терпѣніе дожидатъся, чтобы

успѣли музыканшы писашь за нимъ, но онъ для сего держишь при себѣ слѣпаго ученика, копорый обладаеть такимъ рѣдкимъ слухомъ и привыкнулъ понимаешь своего учителя такъ, что перенимаешь у него длинную фанпазію съ одного раза. Гримальди дѣлаешь все по первому движенію, ни къ чему себя не принуждаешь, даже играешь у Короля тогда, когда ему придется охопа. Будучи не богашь, онъ ни у кого не играешь за деньги, подарковъ ни ошь кого не принимаешь; между шѣмъ живешь на чужей счешь, жалованье раздаешь нищимъ, словомъ, золшомъ не дорожишь и о себѣ ни мало не печешься. Холосшымъ онъ вель безпорядочную и самую безмятежную жизнь. Король желая удержашь его при Дворѣ, приказалъ женишь его. Сыскали невѣспу, ввели Гримальди въ домъ ея родителей, и спустили слухъ, что онъ женится. Король проздравиль его; удивленный чудакомъ, поклонившись спросиль: развѣ Вашему Велич спешу угодно, чшобъ я былъ рогоносцемъ? Лучше нежели разсѣяннымъ и лѣнивымъ. Вы шого желаете, я согласенъ. Король на другой же день приказалъ кончить свадьбу, щедро наградилъ Гримальди и прибавиль ему жалованья. Чшо же сдѣлалъ Гримальди, послушайше: онъ послѣ обѣда гдѣ-то встрѣпился съ своимъ пріятелемъ, копорато давно не видалъ, зашелъ съ нимъ въ кофейной домъ и увлеченный дружескою бесѣдою, забылъ, что невѣспа дожидаетъ его въ церкви. Когда онъ на разсвѣшъ ворошилъ

домой, но на упреки своихъ знакомыхъ онъ холодно отвѣчалъ: друга своего я давно не видалъ, а женишься и нынѣ успѣю.

Какъ бы мнѣ желалось послушать его вблизи, сказалъ я. Это очень трудно, отвѣчалъ Чичилиано; однакожъ я постараюсь доставить вамъ къ тому способъ. По наставленію его, поварищъ мой Н. пошелъ въ кофейный домъ, гдѣ часто бывалъ Гримальди, познакомился съ нимъ весьма коротко, и Гримальди пришелъ съ нимъ на кварширу, оспался обѣдая, послѣ театра въ тотже день пришелъ ужинать и общалъ безъ приглашенія ходить къ намъ чащѣ. Онъ сдержалъ свое слово. Мы съ своей стороны никогда не просили его что либо сыграть; но въ одинъ день Гримальди нашелъ у насъ пятерыхъ лучшихъ въ Палермѣ Вирпуозовъ. Послѣ обѣда, распроганный одною піекою сочиненія Чичилиано, Гримальди послалъ за своею скрышкою и ученикомъ и наконецъ я слышалъ его игру. Не знаю кому больше удивляться, ему ли или слѣпому его ученику, который споя подлѣ одного музыканта игралъ поже самое что и сей, точно такъ какъ бы предъ нимъ лежали ноты. Гримальди довольный похвалами своему слѣпцу, беретъ наконецъ свою скрышку, наспраиваетъ, дѣлаешь пробу и начинаешь играть въ полномъ расположеніи. Музыканты окружающъ его, одинъ приклоняетъ ухо къ его инструменту, другой беретъ бумагу что бы писать ноты, только Чичилиано осмѣливается тихо акомпанировать ему на Ман-

долинѣ; слѣпецъ игралъ только тогда, когда ему приказывали. Начинается Адажіо; инструментъ издаешь живой голосъ, всѣ звуки сливались, миноръ коснулся сердца; музыканты устремивъ глаза на своего Орфея не смѣлидохнуть, и еслибъ печальный миноръ еще продолжился, то конечно заславилъ бы насъ плакать; но рондо, веселое, плавное, взятое съ народной пѣсни Еспаньола называемой, покапилось по струнамъ, оживило, обрадовало насъ. Музыканты взяли инструменты, играли всѣ вмѣстѣ и каждый одинъ за другимъ продолжалъ соло по своей фанпазіи и игралъ превосходно. Послѣ того Гримальди ударомъ смычка вдругъ перемѣняетъ тонъ, начинаетъ одинъ новое Аллегро, музыка упирается поспешенно, онъ уходитъ въ нишъ и мы вдали слышимъ гобой, шамъ арфу, скрипъ ворошь, лай собаки, и подражаніе голосамъ нѣкоторыхъ птицъ; словомъ шума забавлялъ онъ насъ болѣе двухъ часовъ, чудесами искусства музыкальнаго, и все изъ головы или лучше изъ его души изливалось.

Рыбная ловля.

Въ продолженіи лѣша ловля рыбы Тона составляетъ лучшее удовольствіе дворянства. Рыба сія идетъ изъ Океана, большими спаями, обыкновенно шрется около береговъ, и пошому ловъ бываетъ очень прибышочень. Ее соляшь, и пошомъ отправляютъ за гра-

ницу; она составляетъ важную отрасль торговли Палермской. Рыба подь имѣеть при аршина длины, несоразмѣрно толста, мясо ея сочно, красно и похоже на дососину. Способъ ловли довольно замысловатъ и неизвѣстенъ въ другихъ частяхъ Европы. Я нарочно ѣздилъ въ Монделло, видѣть домъ, такъ называемый топпаго, составленный изъ толстыхъ сѣней, занимающій пространство отъ двухъ до трехъ и болѣе верстъ, раздѣленный на нѣсколько комнатъ, изъ коихъ каждая зовется по порядку, на примѣръ: первая пріемная зала, вторая столовая, третья спальня, и такъ далѣе, послѣдняя всегда именуется комната смерти. Сѣнь сія, помощію грузилъ, опускается до дна и утврждается якорями. Когда рыба войдетъ въ первую залу, по малое отверстіе закрывается особливою сѣтью, караульный подаетъ знакъ, нѣсколько десятковъ лодокъ приближается, составляютъ вокругъ шонаро чепвероугольникъ, и когда рыба не имѣя выхода назадъ, обходя вдоль сѣнъ, находитъ другое отверстіе и чрезъ оную переходитъ въ слѣдующую комнату, по, дабы всю снаю скорѣе загнать въ послѣднюю комнату смерти, старшій рыболовъ даетъ знакъ и промышленники всѣ вдругъ поднимаютъ радостный крикъ и, вачиная отъ первой комнаты, бьютъ по водѣ веслами, когда вся рыба свѣснится въ послѣдней комнатѣ, тянутъ оную къ берегу, осторожно и помалу, ибо рыба очень сильна; шумъ дается послѣдній

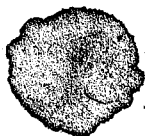
знакъ, рыбаки и зрители нападають, бьютъ рыбу острогами, другіе бросаюся въ воду и плавають вмѣстѣ съ рыбами; одни поражаютъ ее малыми дрошиками, другіе убишюу вышаскиваютъ на берегъ. Радостныя восклицанія, крикъ, шумъ и необыкновенное само по себѣ зрѣлище сіе, доставляютъ зрителямъ великое удовольствіе. Тотъ, кому принадлежитъ шоня, приглашаетъ къ себѣ гостей и угощаетъ ихъ въ раскинутыхъ на берегу палаткахъ. Участвовавшіе въ ловлѣ рыбаки получаютъ награжденіе, пляшутъ и поютъ, что и составляетъ самый веселый простый сельскій праздникъ. Меня увѣрили, что иногда въ одну шоню попадается по тысячѣ и болѣе рыбъ, и коши оная во время лову продаются очень дешево, со всѣмъ шѣмъ пять такихъ шонь близъ Палермы, принадлежащихъ Королю и чепыремъ Вельможамъ, приносятъ въ годъ доходу до 800.000 рублей.

Ловля рыбы извѣстной подъ именемъ *Меза*, также и многихъ другихъ меньшихъ, какъ то: Морены, большаго рода угрей, золотой рыбки и проч. и проч. доставляетъ зрителямъ еще пріятнѣйшее зрѣлище, шѣмъ болѣе, что оная, въ маломъ видѣ, въ почности представляетъ ловлю Кишовъ. По захожденіи солнца, въ шихую погоду, нѣсколько лодокъ вдругъ опваливаютъ отъ берега, разсыпаясь по заливу; на носу каждой, одинъ рыбакъ близъ воды держитъ зазженной факель, другой съ острогою спощь на но-

гахъ въ готовности нанести вѣрный ударъ. Свѣшъ факеловъ привлекаешь рыбу, она выходитъ на поверхность моря и вмгъ поражается острогою въ голову. Какъ Мечъ рыба очень сильна и велика, по рыбаки гоняются за нею иногда довольно долгое время, и при каждомъ появленіи поражаютъ ее острогою и нѣсколькими дрошиками. Уязвленная такимъ образомъ, она бьется близъ лодки, колешъ швердою шпагою своею, длиною около двухъ аршинъ, и, поднимая хвостомъ воду, заливаешь оною лодку и угрожаетъ пощпленіемъ; наконецъ упомившись и изойдя кровію умираешь. Рыбаки берутъ ее на лодку, или привязываютъ къ кормъ оной веревкою. Въ свѣшлую и шихую лѣшнюю ночь, великое множешво лодокъ, выходящихъ на сію ловлю, освѣщенныхъ факелами, предспавляетъ на морѣ большой городъ великолѣпно освѣщенный. Ловля сія употребляетъ во всей Италіи, и рыбаки, копорые бьютъ рыбу острогами, очень ловки и искусны въ семь дѣлѣ, и поштому пользуются общимъ уваженіемъ своихъ шоварищей.

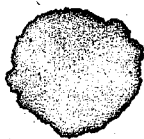
День моднаго свѣта.

Въ Палермѣ живутъ всегда въ общешвѣ, между чужими людьми, и домой возвращающпся для шого шолько, чшобъ спать. Жизнь моднаго свѣша ешп вѣчное разсѣяніе; кажепся нишпо здѣсь не любятъ мирнаго семейшвен-

наго уединенія; роскошествуютъ чрезъ-мѣру, ни мало не думаютъ о хозяйствѣ, вездѣ и во-всемъ ищутъ наслажденія, ищутъ онаго съ не-шерпѣнїемъ, смѣются, радуются всему, ушѣща-ются каждою бездѣлицею, никогда не зани-маются важными спорами о полипикѣ, вѣрѣ и правленїи, не осуждаютъ никого, шутятъ, поютъ, танцуютъ, сочиняютъ стихи; нѣ-жнѣйшіе изъ нихъ чипаютъ дамамъ; словомъ оба пола помышляютъ объ одномъ и томъ же: какъ бы прїятнѣе провести время; и можно сказать, что Сицилійское дворянство, въ шеапрахъ, маскарадахъ, церковныхъ праздни-кахъ, народныхъ зрѣлищахъ, прогулкахъ и собранїяхъ, проводитъ время въ совершенной нѣгѣ, живетъ въ непрестанномъ восторгѣ, и ведетъ жизнь самую веселую.

Чтобы дать понятїе о препровожденїи времени моднаго свѣта, послѣдуемъ за Баро-номъ свѣтскимъ, человекомъ молодымъ, хоро-шо воспитаннымъ, нѣжнымъ почтшашелемъ прекраснаго пола, любезнымъ, милымъ и зна-ющимъ жить. Поутру до десяти часовъ не слышно стуку экипажей; одинъ только на-родъ, купцы и ремесленники шолпятся на улицахъ, и какъ Палерма очень многлюдна, по улицы, а особливо площади, ходятъ всегда на ярмонку. Въ полдень начинаютъ показы-ваться экипажи; полусонныя горничныя слу-жанки открываютъ жалузи, поднимаютъ гар-дины въ окнахъ. Нашъ молодой Баронъ не вспа-вая пьетъ въ это время въ постелѣ шеколадъ;

въ три или чешыре часа, если не слишком жарко, выѣзжаетъ, посѣщаетъ на примѣръ знакомую ему Маркизу, которая въ небрежной одеждѣ, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ принимаетъ его роскошно лежа на поспелѣ. Скромныя чипашельницы, краснѣющія при чшеніи сихъ спрокъ, побраняшь можешь бышь меня, что я выславляю сіе нескромное обыкновеніе. Въ оправданіе свое скажу; здѣсь такая мода, а мода вездѣ есть законъ; къ помуже въ эшомъ соблазнительномъ для насъ обыкновеніи, здѣшніе мущины даже застѣнчивые не видяшь ничего дурнаго и смотряшь на хорошую только онаго сторону; женщины спыдливыя, застѣнчивыя и самой строгой нравственности также скоро къ оному привыкають, ибо въ неловкомъ для нихъ сначала семъ положеніи, онѣ скоро открывають вѣрное средство понравиться. Послѣдуемъ за Барономъ далѣе. Онъ Маркизы онъ пріѣзжаетъ къ Герцогинѣ, которая уже встала, сидишь за шуалешомъ, перебираетъ листки новаго сочиненія и съ улыбкою слушаешь ловкаго парикмахера, рассказывающаго ей городскія новости. Баронъ прибавляетъ что нибудь и ошь себя, хвалишь головной уборъ, находить, что сивій или розовый цвѣшь идетъ ей какъ не лзя лучше къ лицу, бѣгаешь, суешишь, упреждаешь служанку, подаешь Герцогинѣ духи, помаду, шпильки или прозрачный плащичкъ, словомъ одѣваетъ ее, споришь съ горничною, хвалишь черныя плу-

шовскіе ея глазки; Герцогиня прищуривъ свои съ хипрою и какъ бы недовольною миною смѣешся; наконецъ вспаешъ и говоришь: addio Caro! до свиданія. Послѣ сихъ упрененныхъ посѣщеній Баронъ заходишь въ лавки, модные магазины, посѣщаешъ кабинетъ скульпшора и живописца, которые обыкновенно живутъ въ нижнихъ этажахъ и окончанныя свои работы выславляющъ на улицу у дверей. Баронъ, какъ знапокъ, замѣчаешъ недоспашки, даешъ совѣтъ, и видя что либо изящное съ восклицаніемъ ославляешъ художника и отправаляешся въ великолѣпно-убранный кофейный домъ болѣе другихъ посѣщаемой.

Тутъ многочисленное общество волнуешся, знакомые и незнакомые сославляющъ одно шумное семейство: шумъ спорящъ, шумящъ другъ надъ другомъ, не оскорбляющъ оспрымъ словомъ, отражающъ ихъ замысловатыми рѣчами; забавляющъ смѣшными анекдотами, счастливыми или неудачными любовными приключеніями. Стихотворцы, литераторы, профессоры и Абаты въ углахъ читающъ свои сочиненія; если они дурны, другіе зеваютъ; если хороши бьютъ въ ладоши и кричатъ: неподобно! неподражаемо! Толпы переходящъ безпрестанно отъ одной двери къ другой, продавцы галантерейныхъ вещей, игрушекъ и бездѣлушекъ, румяныя поселанки съ корзинами цвѣшовъ, съ поклономъ предлагающъ бужешы тому, кто на нихъ взглянешъ. Капудынь съ крестомъ въ одной рукѣ, съ шар-

дочкою въ другой, съ поникшимъ взоромъ, чиняя молишвы и прославляя милосердіе къ бѣднымъ принимаетъ со смиреніемъ полушки! Голодные нищіе споя у открытыхъ дверей и оконъ, воиють и просятъ милосшыни; слуга нося по заламъ курильницу, заставляешъ ихъ молчать или прогоняешъ ошъ дверей. Нашъ Баронъ, какъ знашый господинъ, для лучшаго шона не снимая шляпы сидишь на софѣ небрежно, приказываетъ слугѣ подашъ себѣ маленькую чашку кофе или мороженаго и перебирая лисшы въ газетахъ не чиня ихъ, слушаешъ разговоры другихъ; любуешся своимъ бриліаншовымъ перспнемъ или спройносною своей ноги, съ припворнымъ неперпѣніемъ смотришь часшо на часы и, чшобы убишь время, разсмашриваетъ на спѣнахъ дурные эшпампы, поправляетъ предъ зеркаломъ галсшукъ и манжеты или наконецъ ласкаетъ миловидную служанку, которая на позолоченныхъ креслахъ, сидишь за бубенпомъ и кокепшсшвуешъ. Симиь ошачиваетъ ушро.

Въ пять часовъ Баронъ возвращается домой, одѣваетъ, ѣдетъ въ лучшую Респорацию обѣдаеш, гдѣ за общимъ споломъ спшраешся сѣстъ подлѣ какой нибудь пригожей женщины, а не успѣвъ въ шомъ съ удовольствіемъ разговариваетъ съ двумя незнакомыми сосѣдами, подчуешъ ихъ и каждый плашишь за себя. Послѣ обѣда Баронъ раздѣвшись ошдыхаетъ обыкновенно до седьмага часа на пошелѣ. Какъ шолько зажгушь на улицахъ фо-

нари, то начинается ужасный шумъ. Кареты, коляски, гики (*) и фаешоны, освѣщенные двумя пылающими факелами пошрясають мощную, скачуть, перегоняють одна другую, встрѣчаются, разъѣзжаются; одни ѣдутъ смѣшавъ трагедію, другіе оперу, иные національный диверсисиманъ и ш. д. Въ 9ть часовъ Баронъ ѣдетъ въ Королевское Собраніе; отсюда жена его одна посѣщаетъ дворянскіе и многіе другіе клубы, занимается шамъ игрою въ карты, охотно слушаетъ и принимаетъ нѣжныя слова кавалеровъ, оспроуміе награждаетъ милымъ взглядомъ, а любезному назначаетъ рандеву.

Въ полночь шумъ и шумъ увеличивается до чрезвычайности. Въ Палермѣ сіе время почти тоже, что у насъ полдень. Вся публика съѣзжается на Марино и въ садъ Флору. Набережная (Marino) имѣетъ еще лучшій видъ, нежели наша дворцовая или Англинская. Съ одной стороны ея обширный заливъ, всегда покрытый линейными и купеческими кораблями; съ другой часть городской стѣны и длинной домъ, котораго нижній этажъ покрытъ широкою террасою, на оную входъ изъ вѣтраго жилья, надъ которымъ находясь еще два. Посреди набережной построены круглый павильонъ съ куполомъ и красивою

(*) Гикъ въ Англїи употребляемый экипажъ подобный Кабриолетъ.

колоннадою; шумъ большой оркестръ музыки играетъ симфоніи и концерты. Пѣшеходы идутъ по проходу, экипажи тѣснятся между онымъ и стѣною. Не лѣзя не замѣшишь, что здѣсь на экипажи еще бѣлая роскошь, нежели въ нашихъ столицахъ. Всѣ вообще кареты и коляски даже наемныя въ послѣднемъ Англинскомъ вкусѣ. Дворянинъ, если бы осмѣлился показаться на улицѣ пѣшкомъ, былъ бы неминуемо осмѣянъ. Кромѣ Королевы и Архіепископа всѣ ѣздятъ парой въ шорахъ, у богачѣйшихъ ливреи залиты золотомъ, нѣкоторыя употребляютъ еще скороходовъ. Лошади, особенно верховыя, прекраснѣйшія, Варварійской и лучшихъ Сицилійскихъ породъ. Многолюдное общество, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по Марино въ экипажахъ, выходитъ изъ оныхъ въ садъ Флоры; экипажи возвращаются къ Порто-Феличе, лакеи гасятъ факелы, въ садъ съ оными и съ фонарями никому входить не позволяется, нищій и никто дурно одѣтый (исключая музыкантовъ) также въ оный не допускаются. Въ чепырехъ бесѣдкахъ по угламъ и на средней площади сада пять оркестровъ духовой музыки разливаютъ сладостную гармонию. Не можно представить себѣ занимательнѣе сей прогулки для всѣхъ вообще и выгоднѣе для молодыхъ людей, особенно влюбленныхъ. Тутъ всѣ состоянія смѣшиваются; блестящіе наряды дамъ, красота ихъ, ласковое обращеніе даже незнакомыхъ,

представляють какъ для взора такъ и сердца пріятный обманъ. Я не видалъ, чшобы шухъ кшо нибудь сидѣлъ задумавшись; шихой шопохъ и шорохъ ногъ, улыбка или вздохъ, развлекли бы и самага невнимательнаго чело-вѣка. Сады Флоры приличнѣе было бы наз-вашь садомъ Венеры; оный въ самомъ дѣлѣ ешь храмъ любви и волокишества; Князья и Графы, военной, шпатской и духовной; Мар-кизы, Баронессы, акприсы, горничныя и луч-шія общія красавицы, ищухъ въ немъ при-ключеній, веселой ночи, наслажденія и при-были. Тухъ не различишь кшо кого пре-слѣдуетъ; всѣ чего-то ищухъ, у всѣхъ, ду-машь должно, ошъ неперпѣнія сердце беш-ся; одни заглядывають подъ шляпки, другіе всмапривають въ лице; двѣ подруги саднш-ся въ густой шѣни; два кавалера робкими шагами къ нимъ приближають и если кра-савицы благосклонно улыбушся, они шох-часъ подають имъ руки и идушь вмѣстѣ въ большую аллею, гдѣ разносять прохладншель-ныя, копорыя кажешся шолько увеличивають жаръ. Въ шемношъ крышыхъ проспектовъ, встрѣчаютьшя иногда замаскированныя; почти передъ каждымъ проходя шепчухъ онѣ въ полголоса паролъ, копорый поняшь можешъ одинъ избранный счастливецъ; словомъ въ большихъ прямыхъ аллеяхъ, съ открытымъ лицомъ, съ невинною улыбкою гуляють су-пруги и дѣвицы непорочныя, въ крышыхъ,

замаскированный порокъ и распушество. Отсюда - по завернувшись въ длинной плащъ, надвинувъ шляпу на глаза, опустивъ вуаль и наклонивъ какъ можно голову ниже, пара за парой выходящъ изъ сада чрезъ калипку, гдѣ съ пощаенными фонарями *Servitor di Piazza* предлагающъ услуги. Въ переулкѣ ожидаютъ легкія коляски и фашоны, садяся въ нихъ и скачущъ въ средину города къ заднимъ дверямъ домовъ, шѣхъ добродушныхъ шарушекъ, и содержательницъ модныхъ магазиновъ, копоры изъ сосраданія къ женамъ ревнивыхъ мужей на часъ ошдающъ въ наемъ прекрасно убранный кабинетъ, гдѣ на свободѣ и въ шипинѣ, какъ здѣсь говорится, можно *Savage il Sargicchio!* Послѣ двухъ часовъ за полночь оканчивается музыка; Баронъ ошыскиваетъ свою жену, не спрашиваетъ гдѣ она была и что дѣлала, ибо на вопросъ сей и самъ не зналъ бы что ошвѣчать. Вошъ почему такіе мужья бывающъ очень снисходительны и охотно позволяющъ женамъ своимъ всякія вольности. Съ восхожденіемъ солнца одни ѣдушъ домой, другіе ужинашъ въ респорацию, мало по малу шукъ ошъ карешъ умолаешъ и всѣ ложашся спать.

Въ большіе жары лѣпомъ, дворянство живешъ на дачахъ въ Бегаріи и Иль-Колле, однакожь Марино ошъ пого не бываешъ пусто. Зимой въ пасмурныя и дождливыя ночи, вмѣсто прогулки въ саду, экицажи послѣ со-

бранія, ѣздяпъ взадъ и впередъ по улицѣ Кас-серо, и на оной иногда бываешъ шакъ шѣсно, какъ у насъ подъ качелями. Въ зимнее время гулянье въ саду начинается въ полдень, но лучшее общество собирается шамъ въ 6-ше часовъ по полудни.

Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ.

Сицилійцы проницательны и поняшливы, любяпъ праздность, увеселенія, имѣюпъ навъкъ въ обманахъ и по происхожденію отъ Грековъ не ушупаюпъ имъ въ хипросяхъ и понкоспи ума. Небо, временно бурями помрачаемое, почти всегда покрытое свѣпшою лазурью, разность годовыхъ временъ дѣлаешъ едва примѣпшою, зимою равно какъ и лѣпомъ можно жишъ здѣсь на открьпшомъ воздухѣ, отъ чего шѣло получая гибкость, воображенію представляешъ болѣе идей и наиболѣе способствую дѣйствію разума, наполняешъ его огнемъ крошкимъ и плодоноснымъ; посему-шо можешъ бышъ, характеръ Сицилійца ясно написуешся въ умныхъ говорящихъ глазахъ его. По чрезмѣрной живоспи своей, предпочишая припшныя упражненія важнымъ, они не брегутъ о усовершенствованіи своихъ мыслей, ибо не любяпъ глубокомыслия, совѣмъ не имѣюпъ шого хладнокровія, которое необходимо для окончанія работы шрудной и продолжительной. Въ изящныхъ наукахъ и ремеслахъ, ваянни,

Архитектуры, музыки и живописи они наиболѣе упражняются; въ издѣліяхъ ихъ художниковъ видѣнъ хорошій выборъ мыслей; но оцѣлка всегда не кончена; къ механическимъ рукодѣліямъ они не имѣютъ склонности, и если что работаютъ, то очень посредственно. Будучи расположенія безпокойнаго, нетерпѣливаго и горячаго, они въ добродѣтеляхъ и порокахъ чрезмѣрны. Страсши ихъ касаются двухъ крайностей. Нѣжны въ любви, снисходительны къ супругамъ; но если кто ревнивъ, то мщеніе его ужасно. Въ несчастіи пшверды, переносятъ пощери безъ унынія, любящъ Короля, покорны повелѣніямъ властнамъ; но малѣйшія угнѣшенія не могутъ снести безъ явнаго ропота. Набожность ихъ есть суевѣріе; добродушіе кажется имъ обманомъ ума, искренность только живосщью сложенія, хипрость значить искусство жизни, подлогъ принимаетъ видъ добросердечія. Мужество есть смѣсь жестокости и великодушія. Въ Италіи Сицилійскіе разбойники славятся возвышенностию чувствъ и благородствомъ духа; если бы правительство пожелало направить духъ сей къ надлежащей цѣли и воспользоваться имъ къ чести опечества, то военныя доблести народа, нынѣ непримѣнныя, могли бы быть блескомъ истиннаго героисства.

Сицилійцы имѣютъ привѣпливый взглядъ, услужливы, очень внимательны къ иностранцамъ и всегда веселы. Кто въ первый разъ увидитъ ихъ паншомину, то ловкостъ, жи-

вось ихъ пешпральныхъ движеній неминуемо должна ихъ удивить и разсмѣшить. Еслибы добраго, смирнаго Нѣмца со всею его неповоротливостію и флегмою, вдругъ перенесъ въ Сицилію, то онъ не примѣчая шой поспешенной распоропности, кошорая идя отъ сѣвера къ югу, очень замѣшна въ народахъ, подумалъ бы сначала, что онъ находишся между шумами, вѣчной воспоргъ коихъ, вѣрояшно, въ короткое время заспавиль бы его двигашся сворѣе и наконецъ онъ спалъ бы съ ними плясашъ, дикимъ голосомъ пѣшъ и смѣяшся отъ добраго сердца. Самая низкая чернь въ пантоминѣ гораздо искуснѣе даже Неаполитанцевъ. Сицилійцы, не говоря ни слова, движеніемъ глазъ, рукъ, ногъ и всего шѣла, объясняющъ мысли свои споль ясно и сильно, что даже иноспрамецъ, не знающій ихъ языка, легко поймешъ о чемъ идешъ рѣчь. Начало сего обыкновенія приписывающъ пиранамъ Сиракузскимъ, кошорыя боясь заговоревъ, запрещали на сходбищахъ говорить другъ съ другомъ. Сіе, какъ думающъ здѣсь, подало поводъ сообщашъ мысли чрезъ нѣмые знаки и живыя чувшва, пламенное воображеніе Сицилійцевъ искусство сіе довело до совершенства. Сіи безмолвныя изъясненія, влюбленные, находящіеся подъ спрогимъ надзоромъ, употребляющъ съ удивительною ловкостію и объясняющъ чрезъ оныя спольже удобно, какъ разговоромъ и письмомъ. На примѣръ: положивъ палець на верхнюю губу,

означають симъ, *лицина*; показавъ обѣими руками на длинное плашье означають, *женщина*; показавъ одною рукою на косу, *дѣвица*; сложеніе пяти пальцевъ и поцѣлованіе ихъ, значить *прекрасная*; поцѣлованіе ладони и дуновение съ оной, значить *цѣлую тебя*; положеніе руки на сердце и вздохъ, значить *люблю тебя*; согласіе объясняется также. Ежели кто упретъ уста плашкою, это значить *отказъ*; опустили глаза внизъ, сіе означаетъ *сомнѣніе*; движеніе головою, послѣ сомнѣнія значить: *не вѣрю, что любишь меня*, а предъ онымъ означаетъ *не понимаю* или вопросъ, *что такое? повтори еще*. *Ревность* означается грызеніемъ ногтей; укушеніе пальца, значить *злобу* или *угрозу*. Къ таковымъ и другимъ симъ подобнымъ знакамъ прибавляются цѣвны, изъ коихъ каждый имѣетъ свое значеніе и особаго рода шелеграфъ дѣлаемый посредствомъ пальцевъ; къ облегченію любовныхъ сношеній и къ сообщенію мыслей и желаній придуманы всѣ возможные средства.

Женщины вообще прелестны. Въ Италіи, особенно Палермитанки и Капанъезки, почитаются красавицами; ихъ называютъ: *Вел Воссопе!* Въ лицѣ обоихъ половъ сохраняется и донинѣ нѣчто Греческое. Сициліанки подлинно прекрасны; онѣ высокаго роста; спашны, имѣють полные живоспи пламенные черные глаза, и, что удивительно для столь жаркаго климата, очень бѣлы; сему конечно обязаны онѣ чистотѣ, свѣжести и тонкости воздуха. Къ тому (говоря о Палер-

мишанкахъ, которыхъ больше знаю) всѣ онѣ любезны, ловки, всегда веселы и милы въ полномъ смыслѣ сего слова. Не смотря на то, что дѣвицы 11 и 12 лѣтъ ошдають за мужъ; не смотря на то, что слишкомъ рано начинаютъ здѣсь чувствовашь нужду любви, не смотря даже на распоченіе, женщины и въ 30 лѣтъ, спольже свѣжи и прелестны какъ и въ осьмнадцать. Напротивъ того дѣвицы около сихъ лѣтъ очень блѣдны и томны. Красота, сей даръ неба, конечно сохраняется блаторазтвореннымъ воздухомъ; въ Сициліи же, какъ мнѣ кажется, наиболѣе къ тому способствуетъ нѣга, образъ празднои и беззаботной жизни, спрасвъ къ удовольствіямъ и всякія удобности къ удовлетворенію склонностей сердца. Женщины почти всупили здѣсь въ права мужчинъ, въ любви господствуютъ здѣсь своенравіе, прихоти, иногда мода, рѣдко щеславіе, а еще рѣже корысполубіе; напросивъ мужчины не стыдясь жить на счетъ увядшихъ прелестей. Любовь большого свѣта есть пламенный непродолжительно горящій, рѣдко освѣщаетъ онъ нѣсколько мѣсяцовъ, еще рѣже годъ или два; чаще же всего погасаетъ въ одинъ день, или въ двѣ, при недѣли. Быть невѣрнымъ почитается здѣсь большимъ пресупленіемъ, нежели быть невѣрною. Мужинъ не позволительно здѣсь ошказашься ошъ любви прежде, нежели его уоляшъ ошъ оной; однакожь на сіе непосоянство не многіе жалуются; ибо перемѣчивый вкусъ обоимъ поламъ равно

вращаются. Модные дамы свободно говорят о своих любезных; мужья благосклонно принимают друзей жены; мать добродушно признается, что дочь ее влюблена и выговариваетъ се не краснѣя, почто шакъ какъ бы у насъ она сказала: у нее болитъ голова.

Супружескія обязанности не имѣютъ никакой цѣны. Счастливые супружества случаются болѣе въ нижнемъ классѣ; рѣдко, и какъ бы не значай, въ знатномъ; наложничества же въ среднемъ классѣ почти общее. Опцы, мащери, мужья и братья не дорожатъ честью дочерей, женъ и сестеръ; многіе даже явно ими торгуютъ. Родители выдавая замужъ дочерей малолѣтнихъ, не допускаютъ дѣлать выбора по сердцу. При подписаніи свадебныхъ контрактовъ выговаривается, что она можетъ въ послѣдствіи избрать себѣ кавалеръ-Сервенше, или шутже съ ея согласія назначается въ сію должность одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ. Кавалеръ Сервенше есть законный посредникъ между мужемъ и женою, попечитель и ходатай по всѣмъ ея дѣламъ; приданое жены мужъ долженъ обезпечить залогомъ своего имѣнія. По симъ связямъ, Кавалеръ - Сервенше, получая вѣкошорую власть надъ мужемъ, конечно удобнѣе другихъ соискателей, можетъ пріобрѣсть благосклонность его супруги. Но склонности сердца не подлежатъ законамъ и Кавалеръ - Сервенше ничего болѣе не значить, какъ родственникъ или другъ участвующій въ домашнихъ дѣлахъ. О Чичи-

сбяхъ у насъ полкуюшъ превращно. Чичисбей по Руски сказать естъ обожатель, котораго однакожъ не всегда обожаютъ. Подъ общимъ именемъ Чичисбеевъ разумюшся здѣсь пяшь, шестъ и болѣе особъ, которыя соспавляютъ кругъ знакомства дамъ большаго свѣта; каждый изъ нихъ имѣетъ свою должность или ролю; напримѣръ знапный спарикъ для поддержания связей, богашый для займу, Кавалеръ - Сервенше для услугъ, ученый, поэтъ или любитель музыки для препровожденія времени; если въ числѣ сего домашняго шпаша, находится миловидной молодой человекъ или два, при, по наспоющаго Чигисбея въ милоспи находящагося легко опличить можно; онъ обыкновенно сидитъ раскинувшись на софѣ, плюетъ на шелковый коверъ или насвисываетъ двусмысленную арію. Наконецъ одинъ изъ Чичисбеевъ называется il Patito, (спрадалецъ). Учасъ сего Селадона подлинно жалоспи достойна: вздыхая, старая спраспю по пущому, онъ долженъ съ перпнѣемъ сносить насмѣшки другихъ угодниковъ. Сіе множесство соперниковъ, болшею часпю довольствуюшся однимъ ласковымъ взглядомъ, живутъ мирно и не смѣюшъ ссориться. Ловкосп естъ свойство общее здѣшнимъ женщинамъ. Если онѣ шакимъ образомъ на свободѣ и опъ скуки забавляющся, по и самая виновная жена не прибѣгаетъ къ обману и лжи; ибо невѣрносп не почиается здѣсь смерп-

нымъ грѣхомъ, и развращенность сія никакимъ дальнѣйшимъ пресуупленіемъ не обезображивается. Но, спросяшь, чтожь такое Кавалеръ-Сервенте? Какія его права и до какой степени оныя простираются? Комедія: *жена двухъ мужей*, служишь сему лучшимъ отвѣтомъ. Здѣсь сполько женъ, имѣющихъ двухъ мужей, сколько есть женщинъ. Для дамы спольже неприлично показаться въ обществѣ безъ Кавалеръ-Сервенте, сколько придти въ собраніе съ мужемъ. Кавалеръ-Сервенте обязанъ сопровождать даму всюду, долженъ увеселять или наскучивать ей вездѣ, имѣть во всякій часъ свободный къ ней входъ, и мужа нимало о семъ не беспокояща. Сіи полусупружескія связи бывають по любви, но чаще по расчетамъ. Модный мужъ имѣетъ свое общество, и между шѣмъ, какъ жена окружена молодыми людьми, онъ ищетъ занятій внѣ дома, ищетъ случая воспользоваться чужою собственностію; почему и справедливо, если жена плашитъ ему поюже монетою. Словомъ супруги съ общаго согласія живутъ независимо другъ отъ друга; каждый слѣдуетъ своимъ склонностямъ, и вошь одна причина, по кошорой пищина семейственной и общественной жизни нимало у нихъ не нарушается.

Такой обычай имѣетъ однакожь великія неудобства. Отець не можетъ назвать дѣшей жены своими, и сія неизвѣстность часпо не подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію; холодность

къ дѣшамъ есть слѣдствіе онаго. Въ такихъ супружескихъ союзахъ, кои дѣлаются для приличія, и продолжаются по нуждѣ, въ коихъ нѣжная любовь не имѣетъ никакого участія, въ такихъ, говорю союзахъ нѣтъ никакого удовольствія супружества; ибо они не связуются дѣшми, копорыхъ только одна жена, а не мужъ можетъ назваться своими. Трудно найти союзъ, не имѣющій ни сладостей любви, ни ушѣшенія брака. Италіянцы нашли его, они называютъ сіе *Чичизбеиз-молъ*.

Впрочемъ нѣкошорыя модныя дамы окружаютъ себя Чичизбеями только по тому, что такъ водится; другія же и конечно многія изъ одного кокетства, только для того, чтобы нравиться, кружить головы и дурачить спаричковъ, копорыхъ иногда на порожнее мѣсто избираютъ они своими Кавалеръ-Сервентами, дабы они берегли ихъ отъ наглцовъ, и къ сему обыкновенно избираются такіе почтительные люди, копорые уже давно перешли быть дерзкими. За всѣмъ шѣмъ и при такомъ упадкѣ нравственности истинная любовь и здѣсь случается; вопреки общаго разврата пламенный непорочной спраши также воспламеняетъ сердца и счастье супруговъ также бываетъ здѣсь продолжительно, какъ и вездѣ.

Знашныя дѣвицы воспитываются, подъ надзоромъ матерей, наставницами; только не-

доспапочные опцы, слѣдуя общему въ Ишаліи обыкновенію, отдають дочерей до возраста въ Монашырь. Сицилійскія Баронессы (*), имѣя хорошее воспитаніе, очень любезны въ обществѣ; онѣ привыкають къ людскости съ малолѣтства, имѣють полную свободу въ обращеніи и пресшупленіи, споль частыя въ Монашыряхъ, въ большемъ свѣтѣ не слышны или очень рѣдки. Родители не боясь здѣсь, чшобы дочь ушла; ибо несчастіе сіе случается полько съ тѣми, кощорые не позволяють дочерямъ своимъ и словечко молвить, не смѣють выпустить ихъ изъ виду; въ общество привозять полько на показъ. Такіе родители конечно не думаютъ о томъ, что ничто сполько не возбуждаетъ молодыхъ особъ къ пороку, какъ запрещеніе невинныхъ забавъ. Потому-то Монашырки въ спрогомъ заключеніи своемъ, ни о чемъ болѣе не помышляя какъ бы полько скорѣе вырваться на волю, предаваясь мечшательности, какъ дѣши наряжающія куклу, въ воображеніи своемъ сопвояють себѣ близкаго къ оной суженаго и вышедъ въ свѣтъ влюбляются въ первую живую куклу, копорая имъ вспрѣтнпся.

Поэзія въ шакомъ здѣсь уваженіи, что хотя невѣсны и увѣрены, что объявленіе любви прозою бываетъ искреннѣе, нежели спи-

(*) Здѣсь Дворянство вообще присволяетъ себѣ названіе Баронства.

хами; однакожь женихъ, дѣлающій предложеніе стихами, получаетъ преимущество предъ шѣмъ, кою которой объяснился бы прозою. Поэзія Сицилійская, подобно пламенному ихъ небу, дышетъ нѣжностію, сладоспрасніемъ, украшается прелестными вымыслами, обнаруживающими духъ народа спраснаго къ изящному, и Сициліяцы въ изліяніяхъ лести, сполько нравящейся прекрасному полу, по справедливости должны почесться природными и удивительными стихотворцами.

При бракахъ дворянства нѣтъ никакихъ суевѣрныхъ обрядовъ; но пышность и распаченіе на свадебныхъ пирахъ, по законамъ моды есть болѣе, нежели суевѣріе. Между простымъ народомъ наблюдается слѣдующее: по совершеніи бракосочетанія дружка подноситъ жениху и невѣстѣ большую ложку меду приговаривая: „живите въ согласіи и любви, будьте такъ счастливы, какъ сладокъ сей медъ.“ Очень бы не дурно, если бы къ меду примѣшивали чего нибудь горькаго, дабы чрезъ сіе вразумить молодыхъ, что въ рѣдкомъ супружествѣ не встрѣчающся непріятности, что пушь жизни усѣянъ шерніемъ и что нѣтъ розы безъ шиповъ. По выходѣ изъ церкви, новосочетавшихся сажаютъ на обвѣшанныхъ цвѣтами и леншамі ословъ; сельская музыка, состоящая изъ волюнокъ, кларнетовъ и фляжелетъ, или гитары начинается играше ве-

селья пѣсни; сващъ и дружка, въ предвѣщаніе, что супруги будутъ имѣть многихъ дѣшей, безпрестанно до самаго дому, жениха бросаюшь на молодыхъ горспями пшеницу. Сіе предвѣщаніе самымъ дѣломъ исполняется; ибо Сицилійскія женщины очень плодородны; многія имѣюшь по 20 дѣшей, а другіе какъ увѣряюшь Фацелло и Каррера раждаюшь до 40. Обычай посыпашъ новобрачныхъ пшеницею сохранился опъ языческихъ временъ; ибо поже самое употреблялось при служеніи Церерѣ, копорая почишалась первымъ божествомъ острова Сициліи. Наконецъ въ ознаменованіе перпѣнія и умѣренности, молодыя за споломъ не должны ѣсть, послѣ же обѣда, дабы напомнить мужу, что онъ въ новой жизни приемлетъ на себя трудныя обязанности и заботы, опецъ молодой подаетъ ему кось съ сими словами: „обгложи ее, и вѣдай, что ша кось, копорую глодашь тебѣ предстоишь, гораздо шверже и труднѣе къ сваренію.“ Жениться въ Маіѣ Мѣсяцѣ, почишаемомъ несчастнымъ, крайне стараюшься избѣгашь. Суевѣріе сіе перешло опъ Римлянъ ко многимъ Европейскимъ народамъ, и хотя не вѣряшь сему почно, шакъ какъ первому числу Апрѣля, однакожь оно и донынѣ въ употребленіи.

Сицилійцы въ пицѣ умѣренны и воздержны; мяса употребляюшь очень мало; зелень, плоды, рыба и разнаго рода сладкія кушанья сосшавляюшь самый роскошный ихъ столъ.

Большое употребленіе мороженаго и лимонада, въ шоль жаркомъ климатѣ, служатъ къ прохладенію, и, какъ Врачи увѣряють, къ укрѣпленію желудка; но излишество разныхъ прохладительныхъ, приправленныхъ пряными зеліями, производяшь болѣзнь называемую здѣсь *Umori Salsi*, отъ скопленія кислотъ происходящую. Продажа льду и снѣга доставляетъ великую выгуду; ибо сохраненіе онаго споишь большихъ трудовъ. Въ зимнее время, когда на горахъ выпадаетъ снѣгъ, лежащій только нѣсколько часовъ, крестьяне какъ нѣкую драгоценную манну смѣшаютъ и набиваютъ онымъ пещеры на вершинахъ горъ находящіяся, и помощію воды и соли пошчасъ претворяють снѣгъ въ ледяную массу, кошорой будучи щщательно закрышь отъ солнца, сохраняется довольно долгое время; но какъ не каждый годъ выпадаетъ на горахъ снѣгъ, шо и неудивительно, что ледъ бываетъ иногда шоль же дорогъ, какъ сахаръ. Пьянство почищается величайшимъ порокомъ, и хотя съ перваго взгляда на народъ, судя по ихъ воспоргу и веселости, покажется оный иностранцу причастнымъ сему пороку; но мнѣ никогда не случалось видѣшь, даже изъ черни, пьянаго валяющагося на улицѣ.

Дворянство одѣвается по Англински; дамы слѣдуютъ Парижскимъ модамъ. Палермская чернь и вообще во всѣхъ приморскихъ городахъ носятъ мапрозкое платье и кра-

снoй шерстяной колпакъ; крестьяне же и въ самые жары не скидаютъ своихъ полсшыхъ бурокъ съ Капуцинскимъ капшономъ, кошорой очень удобенъ въ должливую погоду; въ холодное время надѣваютъ по двѣ и по при бурки. Таковая одежда предохраняешъ ихъ ошъ опасныхъ въ семь климатѣ просшудъ; ибо въ горахъ во время сильнаго зноя просширающагося до 70, а при Сирско до 80 и болѣе градушовъ, шешлый вѣспрь вдругъ перемѣняешся на холодный. Въ женскомъ нарядѣ сохранилось нѣчто Греческое. Поселянки весьма ловко носятъ покрывала, и спанъ перевязываютъ кушакомъ.

Сицилійцы, какъ въ черпахъ лица, такъ и характерѣ сохраняютъ какую-шо суровость; судя, по наружности и дѣламъ, эшо еще шотъ самый народъ, кошорый обагриль руки на Сицилійской вечери. Въ 1800 году, когда Французскія войска возвращались по договору изъ Египша, одно шранспортное судно ошановилось въ Агостѣ; 93 Французскихъ солдата, не умѣвшихъ снести грубыхъ насмѣшекъ, были побиты каменьями и кинжалами. Въ Палермѣ, съ Турками случилось подобное же несчастше, и еслибы не было шамъ Адмирала Ушакова, командовавшего шогда соединеннымъ Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ, шо приведенные въ бѣшенство Турецкше машрозы, изъ коихъ у одного воръ среди дня и въ лавкѣ вырвалъ изъ рукъ кошелекъ съ деньга-

ми, шо могли бы произвеспи ужасное кровопролише. Народъ хошя и зависить отъ Дворянства и Духовенства, однакожь страхъ кинжаловъ воздерживаетъ несправедливостъ и прищъненія и дѣлаешъ господъ ихъ крошкими и снисходительными. Поселяне не сполько лѣнны, каковыми почитающъ ихъ нѣкошорые пушешественики. Порокъ сей принадлежишъ черни скипашейся въ большихъ городахъ; убійство и воровство кошорой произходяшъ не отъ избѣжанія горести или нужды; но отъ привычки къ разсѣянной и развращенной жизни. Многіе преступники признавались, что они совершили убійства едияшвенно для шого, чтобы на одинъ вечеръ доспавить себѣ удовольствіе. Сіи пакъ называемые Лозарони бродяшъ по улицамъ, просяшъ милосшину, и если иногда въ нуждѣ выработывающъ что нибудъ на пристани, шо всѣ деньги несущъ въ шинокъ, нанимающъ подругу, кошорыхъ весьма много, пьюшъ съ нею, поюшъ и пляшущъ, и какъ говоряшъ они „наслаждающъся жизнью.“ Печальная мысль, что болѣзнь и старость лишить прощпанія, никогда не беспокоитъ его воображенія; ибо состояніе нищаго старца, по похвальной набожности богатыхъ, ешъ самое беззаботное въ разсужденіи пици и пріюшу. Правительство не имѣя способовъ занять работою такое множество шунедцевъ, не въ силахъ ошвратить многія убійства ими совершаемыя; однакожь

со времени пребыванія Короля въ Палермѣ оныя случающіяся не столько часто какъ прежде. Ночью по всѣмъ улицамъ и переулкамъ сползають драгуны на лошадяхъ и съ заряженными ружьями; въ 10 часовъ запирають шинки, чернь прогоняють въ подвалы и никому безъ фонаря не позволяють ходить по улицамъ. При правленіи Виццеровъ нанять убійцу стоило не болѣе 100 и 150 рублей, теперъ же по строгости полиціи и за тысячу такое злодѣйство рѣдко купишь можно.

Сицилійцы не смотря на то, что столько преданы удовольствіямъ и праздности, не утрапили еще, подобно Италіянцамъ, военнаго духа. Они, любя забавы, не потеряли изъ виду опечесства, и хотя военное званіе не въ такомъ уваженіи, какъ бы надлежало ему быть; однакожь на храбрость солдатъ и усердіе народа, Король можеть надѣяться, и въ случаѣ нужды можеть оными воспользоваться.

Церковныя обряды на Страстной и въ недѣлю Пасхи.

Народъ набоженъ и церкви всегда полны; но какъ служба опправляется на Лашинскомъ языкѣ, то исповѣдываються и приобщаються, не пропускають обѣдни или вечерни, особливо когда бывають освѣщенія и концерны, значить имѣть вѣру и быть усерднымъ Кашиоликомъ. Какъ наибольшая часть народа не

чищаетъ почти ни какихъ книгъ Священнаго писанія, по духовенство почитаетъ нужнымъ занимать его наружными обрядами, какъ походами, фейерверками и музыкою. Каждый городокъ имѣетъ особенную какую либо церемонію своего изобрѣшенія и не входящую въ постановленныя общія всѣмъ церковныя шоржества. Если такая вѣра не просвѣщаетъ народъ, по въ семь наружномъ Богопоклоненіи онъ находить все нужное, дабы безложныхъ умщвованій, въ простиотѣ сердца бытъ Христіаниномъ.

Въ Палермѣ кромѣ 46 мужескихъ и 25 женскихъ монаштырей считается 121 церковь; онѣ принадлежатъ разнымъ орденамъ монашества. Въ преспольные праздники всякой почти день бываетъ въ городѣ пальба и церемоніальный ходъ, причемъ монахи шого прихода убраншвомъ церкви или музыкою, изъ лучшихъ виршуозовъ, первыхъ пѣвиць и пѣвцовъ составленную, стараются привлечь болѣе народа, и дабы превзойши или сравняшься съ богашѣйшими монаштырями, распочають на сіи праздники великія суммы. Я не стану говорить о многихъ шоржествахъ, какъ шоопраздникѣ шѣла Божія (*Cognus Domini*), Рождества Христова, умовенія ногъ, общиць всѣмъ Каполикамъ, не упомяну о славномъ шоржествѣ свяшой Розаліи, а замѣчу шолько объ обрядахъ на Сшрасшной и въ недѣлю Пасхи совершаемыхъ, какъ шакихъ, копорые не были еще описаны ни однимъ путешешвенникомъ.

Въ первую недѣлю поста, чрезъ повѣстки объявляется, во первыхъ о нужномъ покаяніи, запрещеніи или позволеніи употреблять въ пищу мясо или молочное; потомъ извѣщающъ о прибытіи въ городъ какого либо славнаго и извѣстнаго проповѣдника, который въ такой-то церкви на примѣръ и въ такой день будешь говорить на такой-то шекспъ. Проповѣди начинающіяся со второй недѣли и бывающъ каждый день по очереди во всѣхъ церквахъ. Какъ оныя говорятся на Италіанскомъ языкѣ, то посему спеченіе народа бываешь великое. Одинъ прибывшій изъ Мессины проповѣдникъ, не помню его имени, имѣешь истинный даръ слова; онъ говорилъ всегда ошь глубины души шакъ убѣдительно, шакъ при шомъ краснорѣчиво, чшо слушатели не одинъ разъ приведены были въ умиленіе и плакали. Въ первой рѣчи о покаяніи, онъ съ шакимъ чувствомъ бросился на колѣни предъ распятіемъ, съ шакимъ жаромъ прижалъ оное къ груди, заплакалъ, зарыдалъ, чшо я не привыкнувъ еще къ столь смѣлымъ движеніямъ, неупотребляемымъ на нашихъ кафедрахъ, невольно со всѣми прочими со скамьи опустился на колѣни. Упомянувъ о смѣлыхъ движеніяхъ прибавлю, чшо если бы оныя употреблялись шокмо въ испушеніи восторга, то были бы приличны; но какъ Италіанскіе проповѣдники починающъ нужнымъ помогашъ себѣ во всѣхъ случаяхъ пан-

помимого, по по святошности мѣста, оная кажешся не вездѣ кшапи. Къ чему на примѣрь служишь, когда проповѣдникъ обращаясь къ алтарю или Распятію, предспавляешъ будпо онъ ходишь по кафедрѣ длиною не болѣе 5 или 6 шаговъ; если говоришь онъ къ слушаателямъ, по иногда совсѣмъ перевѣшивается чрезъ перила или угрожая грѣшникамъ машешъ на нихъ плашкомъ; если же рѣчь обращаешъ онъ къ одному лицу, по положивъ предъ собою на поручень свою шапочку, дѣлаешъ видъ будпо садишься, облакачиваешся и разговаривая перемѣняешъ голосъ.... Словомъ, если проповѣдникъ не искусень, по сія пантомима не только не прилична; но даже не позволипельна.

Въ чистой четвертокъ съ ушра началось въ городѣ великое движеніе. У нѣкоторыхъ церквей и по большему проспекту поставлены были восковыя спашуи въ группахъ, изображающія спраспи Христовы; шупъ Искупишель молишься въ вершепѣ, тамъ Іуда продаешъ его воинамъ, шупъ приводишься онъ на судъ къ Пилату, и шакъ далѣ... Апостолы, Архіереи, книжники, Римскіе воины и народъ облечены въ великолѣпныя и настоящія того времени одежды; спашуи опличнымъ образомъ ошрабшаны и всѣ кажушся живыми. Когда Архіепископъ читая Евангеліе произнесъ: „земля пошрясешся и завѣса церковная раздрася,“ въ Соборѣ ударомъ колоко-

да возвѣспили о началѣ Церковнаго праура. Съ сего времени до воскресенія Христа, не позволяешся выѣзжать въ экипажахъ, звонъ умолкаетъ, всѣ дамы и кавалеры являющіяся въ глубокомъ праурѣ, изъ оконъ вывѣшивающіяся черные ковры. Король съ непокровенною главою и вся Королевская фамилія, въ сопровожденіи придворнаго шшапа, въ праурныхъ робахъ, пѣшкомъ посѣтили Соборъ и другія церкви; вечерню слушали въ женскомъ монастырѣ св. Цециліи. Хоръ молодыхъ воспишаниць, скрыпыхъ ошъ любопышнаго взора за непроницаемымъ занавѣсомъ, пѣвшихъ на хорахъ, восхищили всѣхъ слушащелей. Въ 9-ше часовъ, когда я вышелъ изъ церкви, въ самой срединѣ города находящейся, былъ я ошановленъ и изумленъ блескомъ освѣщенія двухъ главныхъ улицъ. Между проуаровъ поставлены были аркады, а между оными въ равныхъ распояніяхъ пирамиды и шолбы, перья увѣшаны были разноцвѣтными фонарями, послѣднія ушавлены плашками, вдали чешверо Палермскихъ ворошъ горѣли сплошнымъ огнемъ. До двухъ часовъ ночи на улицахъ была такая шсноша, что вездѣ надобно было съ шрудомъ продирашьяся, дворянштво сопровождаемо было множешвомъ слугъ, несущихъ предъ ними пылающіе факелы, служеніе продолжалось до свѣша, и всѣ церкви, не смощря на шо, что беспрешашно переходили изъ одной въ другую, были полны народа.

Въ пятницу, въ чепыре часа послѣ обѣда, началась великая процессія погребенія Христа. Обрядъ сей вкупѣ благочестивъ и великолѣпенъ. Я былъ изумленъ освѣщеніемъ Собора, восхищенъ пѣніемъ и музыкою, и до глубины души пронущъ погребеніемъ. Опъ дворца до Собора, войска поставлены были въ двѣ линіи; знамена, пушки и барабаны увишпы были чернымъ одѣяніемъ; дорога, гдѣ долженъ былъ итти Король и его фамилія, ушлана была краснымъ сукномъ. Не смотря на шо, что я пришелъ въ Соборъ еще за два часа до службы, едва могъ прополкаться до хорошаго мѣста. Церковь была убрана и освѣщена шакъ, что, признаюсь, я никогда не видалъ ничего сему подобнаго. Обращая вокругъ себя изумленный взоръ, казалось мнѣ, что я находился въ чершогъ небесномъ, гдѣ солнце и всѣ планеты, въ обширныхъ сводахъ церкви помѣщены, освѣщали оную. Церковные огромные своды увѣшаны были зеркалами, окна закрышы прозрачными картинами, изображающими спраданія Христовы; стѣны обшпы чернымъ сукномъ, ушяннымъ звѣздочками, изъ золошой и серебрянной бумажки съ фольгою; колонны увишпы бѣлою и черною шафшою. Посреди церкви прошиву главнаго алшара на обшомъ бархатомъ подъ балдахиномъ кашафалкѣ, усыпанномъ перлами и драгоцѣнными каменьями, несомомъ Херувимами и Ангелами, спояла изъ

камня изсѣченная гробница и въ ней лежалъ Спаситель въ шерновомъ вѣнцѣ. Богородица у подножія гробницы въ глубокой горести на ступеняхъ кашафалки пала ницъ, Іосифъ поставленъ у головы, два Апостола спояшъ съ боковъ также въ печальномъ положеніи. При такомъ убранствѣ надобно предсавишь себѣ по крайней мѣрѣ 10,000 восковыхъ свѣчъ, горящихъ подъ сводами въ хрустальныхъ люстрахъ, предъ принадлежашю алшарями и вокругъ кашафалки въ большихъ кандебрахъ; свѣшъ сей отражаясь ошъ зеркальныхъ сводовъ разливалъ шакой ослѣпительной блескъ, что церковь казалась бышъ объята пламенемъ. Громъ барабановъ возвѣспилъ шествіе Короля, Архіепископъ вспрѣшилъ Его Величество въ поршикъ и служба началась. Я былъ внѣ себя ошъ музыки, но когда пѣли стихъ „благобразный Іосифъ,“ шо я до шого былъ разпроганъ, что едва могъ удерживашъ слезы. По окончаніи службы гробъ вынесли изъ церкви и поставили на погребальную колесницу. Король, Архіепископъ и два Принца крови, подняли съ престола драгоцѣнную плащаницу, унизанную бриліантами и жемчугомъ, и покрыли оную гробъ Спасителя. Шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ: впереди шли со знаменами цѣхи ремесленниковъ; за ними дворянство, градоначальники; пошомъ духовенство, за коимъ эскадронъ Римскихъ всадниковъ; Евреи и Римскіе войны окружали огромную коле-

сницу везомую двенадцатью лошадьми, за гробницею непосредственно шель Король съ своею фамилією, за нимъ опрядъ гвардіи, и наконецъ народъ. Представше себѣ нѣсколько тысячъ факеловъ, представше себѣ мелодическіе звуки тысячи инструменшовъ и голосовъ, представше болѣе 100,000 народа, шолпящаго по улицѣ, споящаго у оконъ и на крышахъ домовъ, и можеше вообразить благоговѣйное впечатлѣніи, какое въ душѣ Христіанина должно произвешъ сіе священное шествіе, шоль близко напоминающее о смерти Спасителя нашего. По чрезвычайной шѣсношѣ я не могъ иппи за колесницею, копорая обѣхавъ главныя улицы возвратилась въ Соборъ и церемонія кончилась. Служба, какъ и въ чепвертокъ, продолжалась во всю ночь; народъ переходя изъ церкви въ церковь прикладывался къ плащаницѣ, и самыя бѣдныя клали на оную что нибудь въ пользу нищихъ, даже и сіи удѣляли опѣ милосшыни своей; духовенство, въ чеспи ихъ сказашъ должно, не шокмо не пользуется симъ значительнымъ сборомъ, но прибавляетъ еще свои деньги, дабы въ день Пасхи, надѣлшъ оними всѣхъ нищихъ своего прихода.

Въ субботу въ три часа послѣ обѣда, пушечныя громы съ кораблей и крѣпостей, ужасная шшукшня Марсова огня у каждой церкви, возвѣсшили о воскресеніи Христовомъ. Въ Италіи для палбы употребляюшя чугу-

ныя морширки, называемыя *Масколи*; ихъ заряжаютъ малымъ количествомъ пороха, забиваютъ дуло мягкаго дерева клиномъ и кладутъ въ одинъ или въ сколько рядовъ, такъ что между каждыми девятью малыми помещается большая морширка, отъ чего мушкетный огонь малыхъ и пушечная пальба большихъ, происходитъ совершенно правильно. Для произведенія Марсова огня, кладутъ Масколи въ улишочную черпу или въ четвероугольники сходящіяся въ одинъ центръ; помощію разстояній соблюдается мѣра времени, звукъ грома увеличивается какъ величиною морширокъ, такъ и постепеннымъ отъ краевъ къ центру прибавленіемъ числа оныхъ. Проводникъ написанный мякочью кладется на заправки, и зажигается съ конца; огонь бѣжитъ по ниткѣ, отъ чего не можешь случиться, чтобы какая Масколи не выстрѣлила. За недоспашкомъ чугунныхъ употребляются глиняныя морширки. По причинѣ дурной погоды, а болѣе боясь въ шѣсношѣ повредить раненую руку, я не видалъ церемоній, въ день Пасхи совершаемой. Освѣщенія, продолжавшіяся во всю Свяшую недѣлю, были съ ошмѣннымъ вкусомъ. На Толедо и Кассаро, во всѣхъ домахъ и въ каждомъ окнѣ поставлены были транспаранты, которые будучи освѣщены сзади поставленными лампами, представляли по обѣимъ сторонамъ улицы каршины, столь хорошія, что думаешь, будешь находишься въ эрмишажѣ.

Въ понедѣльникъ на Святой, переходя изъ церкви въ церковь, разсмащиваль я убранства оныхъ и не могъ одну другой предпочесть; однакожь соборная понравилась мнѣ болѣе прочихъ. Колонны въ оной увиты были гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, алтари и образа душистыми цвѣтами, стѣны обложены зеленью перемѣшанною блестящею фольгою и разноцвѣтными бумажками. Въ продолженіи семи дней Пасхи, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ собирается милосыня для бѣдныхъ, обычай доспойный общаго подражанія. Предъ окончаніемъ литургіи и въ продолженіи концерта, три прекраснѣйшія дѣвицы, по собственному ли благочестію или по выбору, того не знаю, подходятъ къ алтарю; Священникъ подаетъ одной серебряное блюдо, покрываетъ ее покрываломъ и благословя налагаетъ на голову цвѣточной вѣнокъ; другія двѣ украшаются чрезъ плечо гирляндю изъ розъ; всѣ три вмѣстѣ ходятъ по церкви и кто положитъ на блюдо монету, то двѣ крайнія, держащія концы покрывала, одна за другою, пошупивъ взоръ, кланяются и идутъ далѣе. Слѣдуя здѣшнему обыкновенію, я приготовилъ нѣсколько грошей; но признаюсь, по мѣрѣ, какъ дѣвицы ко мнѣ приближались, я прибавлялъ гривну къ гривнѣ, а когда онѣ ко мнѣ подошли, положилъ червонецъ, и шѣмъ заспавилъ всѣхъ шрехъ взглянушь на себя. Между шѣмъ,

пока собирается милосшыня, на дворѣ монашырскомъ или позади церкви нищїе приглашаются за общую трапезу, предъ окончанїемъ которой дѣвицы, какъ ангелы утѣшишели выходящѣ къ нимъ и раздѣляютъ собранное каждому поровну. Другой способъ собиранїя милосшыни доспавляетъ бѣднымъ значительнѣйшее пособїе. Звашнѣйшія дамы, пользующїяся наибольшимъ уваженїемъ, принимаютъ на себя обязанность приглашать къ сему благородному дѣлу всѣхъ желающихъ къ подпискѣ. Въ семь году, собирала милосшыню Принцесса Пашерно; я встрѣшилъ ее однажды ѣдущую по Толедо, въ открытомъ Лондо и въ шесть лошадей; она имѣла на себѣ черное покрывало, предъ нею поставлено было распятїе; народъ сопровождалъ ее благословенїями; она часто оспанавливалась, входила въ дома и принимала даже отъ проходящихъ всякую бездѣлицу; и такимъ образомъ какъ меня увѣряли, въ недѣлю собрала 100,000 рублей, которые въ Воскресенїе розданы были ею неимущимъ частїю деньгами, другимъ ссудою, инымъ одеждою и хлѣбомъ; сверхъ того она угощала на дворѣ своего дома три тысячи нищихъ.

Въ Субботу на Спраспной, вмѣсто спашуй, изображающихъ спраспи Христовы, въ богатыхъ алковахъ поставлены были восковыя опличной работы изображенїя Богородицы со вкусомъ и великолѣпно одѣшой. Предъ сими алковами отъ ушра до вечера

въ продолженіе недѣли Пасхи, музыка состоящая изъ Калабрійскихъ волюнокъ не умолкала, а въ перемѣну оной, нищіе пѣли гимны и просили милоспшины. Театральные, полковые и церковные музыканты, также какъ у насъ въ новый годъ, ходятъ по домамъ поздравляя съ праздникомъ. Въ заключеніе замѣчу объ одномъ обрядѣ достойномъ особаго вниманія. Въ Субботу на святой недѣли, Король по представленію Уголовнаго суда, прощаетъ (исключая смершубійць) нѣсколько преступниковъ. Обрядъ сей, называющійся очищеніемъ преступленія, совершается слѣдующимъ образомъ. На площади противу шюренаго замка, спавишся висѣлица, окруженная войсками. 12 избранныхъ преступниковъ въ цѣпяхъ и за конвоемъ, выводятся изъ шюремы такимъ почно порядкомъ, какъ бы они ведены были на казнь. Чиновникъ Уголовнаго Суда читаешь имъ смершый приговоръ. Палачъ надѣваетъ на голову каждаго холщинные колпаки, и одного за другимъ подводя къ висѣлицѣ надѣваетъ пешлю на шею; по данному знаку, плянутъ веревку, которая снимаетъ съ преступника колпакъ, шупъ объявляющъ ему, что Король беретъ на себя его грѣхъ и даруетъ ему прощеніе; войска дѣлающъ на караулъ, бьютъ въ барабаны и вмѣстѣ съ народомъ кричатъ, да здравствуетъ Король! Послѣ сей церемоніи преступники идутъ въ церковь, приносятъ по-

каяніе, моляться съ колѣнопреклоненіемъ, приобщающа Святыхъ Таинъ и увѣщающа быти впредь честными, полезными обществу гражданами, и дабы шѣмъ заслужилъ Царскую милосшь. Въ церкви надѣвають на нихъ бѣлые саваны и съ музыкою водять по городу собирають подаваніе.

Дворянство.

Графъ Рожеръ, въ 1130 году признанный Папою Королемъ Сициліи, раздѣлилъ оную на три части; первую отдалъ Духовенству, вторую начальникамъ своего войска, третью оставилъ себѣ и симъ положилъ основаніе Феодалной системы, которая давно уже не существовала въ Европѣ, но въ Сициліи сохранилась и до сего времени. Дворянство или, какъ здѣсь называютъ, Баронство, составляя военное сословіе, за право владѣнія обязано, по первому требованію Короля, выходить въ поле съ опредѣленнымъ числомъ своихъ вассаловъ, и за сію обязанность имѣетъ преимуществва *Mero et Mixto Imperio*, то есть власть осуждать на смерть своихъ подданныхъ, только съ шѣмъ ограниченіемъ, что прежде исполненія приговора, должно извѣстить Короля. Владѣтельнаго Баронства, имѣющаго сіе право, считалось 378 особъ. Старшій сынъ

имѣешь пишуль опца, младшіе называются Донъ, дочери Донна, что соотвѣстствуетъ Нѣмецкому Фонъ или Англинскому Лордъ и Леди. Въ Сициліи очень много Дворянства, не имѣющаго сихъ преимуществъ, почему первенствующее очень дорожитъ своею родословною; пришла оныхъ суть слѣдующія: Князь (principe) Герцогъ, Графъ и Маркизь. Хотя первые два и почищаются спаршими послѣднихъ; но какъ имѣющіе Княжескія и Герцогскія пришла, возведены въ сіе достоинство въ новѣйшія времена Филиппомъ II, и Карломъ V Испанскими Королями, а Графы происходятъ отъ древняго Нормандскаго дворянства, Маркизы же жалованы еще въ 15 столѣтіи отъ Короля Алфонса; по посему важность Сицилійскаго пришла съ ихъ древностію, находишься въ обратномъ содержаніи.

Сицилійское Дворянство, подобно Англинскимъ Лордамъ, любитъ странствовать по чужимъ землямъ. Тамъ занимая полезныя званія и обычаи, дворяне возвращаются домой безъ предразсудковъ и столько же какъ Духовенство упражняются въ наукахъ, наиболѣе въ словесности. При такомъ воспитаніи, и образѣ жизни они въ обращеніи не имѣютъ высокоумной Испанской гордости, напротивъ они очень внимательны къ иностранцамъ и въ вѣжливости не уступаютъ Французамъ, въ гостепріимствѣ же равняются Рускимъ. Щедрость ихъ къ бѣднымъ всякой похвалы достойна,

роскошь въ убранствѣ домовъ, или лучше своихъ дворцовъ, въ собраніи спашуй, карпинъ, библиошекъ, музеумовъ, особенно же спрасъ имѣшь лучшей экипажъ и ливрею, производящъ удивленіе въ каждомъ пушешесвенникѣ и должно опдашь имъ справедливостъ, что во всѣхъ родахъ распоченія они показывающъ много знанія и болѣе вкуса, нежели сосѣди ихъ Неаполишанцы.

Духовенство.

Въ Сициліи считаешся при Архіепископа и восемь Епископовъ. Архіепископъ Палермскій, Примасъ Сициліи и глава духовенства въ Парламентѣ, имѣешъ 16,000 талеровъ (*) годоваго доходу; въ его Епархіи соспоашъ Епископы: Жирженшскій, Машцарскій и Малшійскій. Архіепископъ Мессинскій имѣешъ наибольшую Епархію и меньшей доходу; Епископы: Цефалу, Липари и Пашши принадлежашъ къ его Епархіи. Архіепископъ Моншъ - Реальскій при малой Епархіи еспъ богашійшій Прелашъ Королевсшва. Годовой его доходу просшираешся до 72,000 талеровъ. Епископы Каманскій и Сиракузскій принадлежашъ къ его

(*) Талеръ цѣною въ одинъ рубль, 20 копѣекъ серебромъ.

Епархіи. Губернашоръ Монть-Реальскій избирается отъ Архіепископа; ибо городъ есть его собшвенность.

Духовенство, получа отъ Короля Рожера прешью часшь ошрова, обладаетъ великими капиталами, кои не приносятъ Государству никакой пользы. Въ числѣ 1,700,000 полного населенія Сициліи, 500,000 полагается одного Священства; въ Палермѣ въ числѣ 180,000 жилищей, считается 40,000 монаховъ; въ Мессинѣ въ числѣ 40,000 гражданъ почти половина монаховъ; пошому и не должно удивляться, что въ городахъ улицы шемнѣють отъ черныхъ ихъ одеждъ. Такое множество праздныхъ почти безъ всякаго занятія людей, изъяшыхъ всякой повинности, живущихъ пакъ сказашъ на счетъ народа, и ни чѣмъ не вспомошествоующихъ Правительству, кромѣ часшныхъ и произвольныхъ нищимъ подааній, отъ кошорыхъ классъ сихъ шунедцевъ ни мало не уменьшается, не только могутъ назваться бесполезными членами общества; но шакое великое число Монаховъ, есть причиною слабости правленія и многихъ безпорядковъ отъ оной происходящихъ. Свѣшская власть духовенства, бывшая причиною многихъ золъ, нынѣ очень ослаблена и хошя оно въ помѣшьяхъ своихъ, подобно дворянству, можетъ рѣшишь часшныя ссоры, но приговоры его не имѣють силы.

Н а р о д ъ.

По малому населенію Сициліи и по рѣдкому плодonoсію ея, можно судить о крайнемъ ушѣсненіи народа, который не столько лѣнивъ какъ вообще о томъ думаютъ. Народъ плашитъ Дворянству извѣстную подать; жилищные крестьяне берутъ помѣстья ихъ на ошкупъ; земля, на которой другіе крестьяне поселены, есть ихъ собственнoсть; контракты на ошкупъ заключаются не менѣе какъ на 20 лѣтній срокъ. Если при семъ положеніи незатрудняемы были бы средства къ возможности пріобрѣтать и умножать снѣжаніе, то Сицилійцы могли бы почестъ себя счастливыми; но Дворянство, чрезъ происки съ давняго времени присвоивъ хлѣбную торговлю и сдѣлавшись Монополистами, разорили землепашцевъ; и хотя со времени пребыванія Короля въ Палермѣ употребляются всѣ средства къ истребленію сего закоренѣвшаго зла, но съ одной стороны продолжающаяся война на швердой землѣ, препятствуетъ благому намѣренію Короля, а съ другой, народъ обнищавши не можетъ такъ скоро поправиться. При всѣхъ употребляемыхъ поощреніяхъ, земледѣлецъ испыталъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, запрещеніе и позволеніе вывозить хлѣбъ не подлежатъ постоянному закону, и нынѣ по мѣрѣ ходатайства Англійскаго министерства у Двора, иногда

мгновенно перемѣняются, по неизвѣстности принесеть ли урожай какой прибытокъ, побуждаеть поселянина не слишкомъ спарашься о улучшеніи земледѣлія. Лѣность и небреженіе его суть необходимыя слѣдствія слабости Правленія и злоупотребленій власти высшихъ чиновниковъ.

Народъ, живущій на землѣ плодородной, влачащій жизнь въ крайней бѣдности, ищеть другихъ средствъ къ пропитанію своему. Праздность, какъ машь пороковъ, пораждаеть злодѣянія. Правительство не искореняя ихъ въ самомъ источникѣ, по медленности судопроизводства, въ нѣкоторомъ отношеніи поощряеть пресупленія, и многочисленныя шайки разбойниковъ, на свободѣ грабашь внутреннія провинціи Сициліи. Въ уѣздныхъ городахъ, принадлежащихъ Дворянству и духовенству, нѣтъ никакой земской полиціи; ибо сіи властители почишають себя въ замкахъ своихъ безопасными. Кромѣ приморскихъ городовъ, во всѣхъ другихъ нѣтъ ни одной роты солдатъ, малые отряды полицейскихъ сыщиковъ, находящихся въ городахъ Королю принадлежащихъ, будучи не въ силахъ воспренятствивашь разбоямъ, чрезъ послабленіе только обогащаются; пошому-то здѣсь бышь разбойникомъ и збиромъ почишаешь выгоднымъ ремесломъ. Путешественникъ не иначе можешь сохранить жизнь и имущество свое, какъ нанявъ для сопровожденія се-

бя сильный опрядь молодыхъ людей, кошорыхъ во всякомъ селеніи находишь доста-
точное число и на чеспность и храбрость
кошорыхъ совершенно положиться можно. Мно-
гіе изъ природныхъ жителей, плащяшь раз-
бойничему ашаману за пропускъ и получають
опъ него билешъ, для безопаснаго проѣзда чрезъ
извѣстное разспяніе. Еслибы что у нихъ бы-
ло опняшо, шо по предъявленіи билеша, все
безъ малъйшей ушрапы и замедленія будешъ
возвращено или уплачено деньгами.

Правленіе (*).

Король Рожерь по изгнаніи Сарациновъ
изъ Сициліи, верховную власть поручилъ Пар-
ламенту, состоящему изъ слѣдующихъ шрехъ
Государственнхъ сословій: 1е, *Полѣстнаго*
Дворянства, предводитель кошораго Князь
Бушперо ешь наследственнй Президентъ и
непремѣнный Генераль-Капшанъ военной си-
лы; 2е *Духовенства*, состоящаго изъ шрехъ
Архіепископовъ, всѣхъ Епископовъ, Аббашовъ,
Пріоровъ и Депушашовъ опъ разныхъ орде-
новъ числомъ до 70; Архіепископъ Палермскій
ешъ глава духовенства. 3е *Представителей*

(*) Спашья сія заимствована изъ крашкаго описанія
острова Сициліи неизвѣстнаго сочинштеля, кошо-
рая во Французскомъ изданіи прибавлена къ пись-
мамъ Г. Брайдона о Сициліи и Мальтѣ.

народныхъ, назначаемыхъ Депушапами ошь 42 главныхъ городовъ и 310 малыхъ, принадлежащихъ Баронамъ. Каждый подданный, имѣющій собственность, при избраніи Депушаповъ подаетъ голосъ. Глава сего сословія (Vescio Dominiale) есть Прешоръ или Градоначальникъ Палермы. Доспоинство сіе въ великомъ уваженіи; ибо Прешоръ въ отсутствіи Призидента засшупаетъ его мѣсто, и кромѣ шого, какъ глава народныхъ представителей имѣетъ великое учаспіе въ правленіи. Парламентъ сей ешь верховное судилище и всѣ власти ему подчинены; онъ налагаетъ подати и назначаетъ суммы разходовъ. Король имѣетъ право созывать и распускаетъ Парламентъ по своей волѣ, чрезъ Канцлера онъ предлагаетъ на совѣщаніе онаго всякій новый законъ. Канцлеръ (il Protonotajo) предложивъ волю Короля и избравъ 12 Депушаповъ, называемыхъ защитниками народа, выходитъ изъ присутствія. Не смотря на сей обрядъ, власть Королевская содѣлываетъ рѣшенія Парламента безсильными.

Гражданское правленіе состоитъ изъ четырёхъ Трибуналовъ. 1-й, *Королевская Палата*, раздѣляемая на Гражданской и уголовный судъ, рѣшитъ окончательню всѣ дѣла. 2й *Трибуналъ Королевскихъ имуществъ* (Patrimonia del Re, o Della Regia Camera) управляетъ Королевскими доходами. 3й *Юнта* есть Мессинское городское правленіе, учрежденное съ шого времени,

какъ городъ сей лишень за возмущеніе великихъ своихъ преимуществъ. 4й Консисторія, рѣшишь апелляціонныя дѣла или разсматриваетъ опредѣленія первыхъ двухъ Трибуналовъ. Совѣшники сихъ чепырехъ Требуналовъ, судьи, Президентшы, адвокаты и фискалы назначающя Королемъ.

Папа Евгений III, предоспавиль Королю Рожеру права своего Легата; почему Короли Сицилійскіе издревле и одни изъ Каптолическихъ Королей въ духовномъ и свѣшскомъ опношеніи почитаются опъ Папъ независимыми. Въ слѣдствіе сего преимущества, владѣтели Сициліи для управления дѣлъ, Папскому Легату присвоенныхъ, учредили духовный Трибуналъ называемый *la Monarchia Regia*, Трибуналъ сей состоишь изъ чепырехъ духовныхъ Министровъ, Доктора Каноническихъ правъ, называемаго *Monsignor della Monarchia*, Адвоката, Фискала и Прокурора. Апелляціонныя духовныя дѣла окончательно рѣшашся въ семъ Трибуналѣ. Другое духовное судилище называется *Трибуналъ крестовыхъ походовъ*. Въ 1095 году Папа Урбанъ II, предоспавиль пѣмъ подданнымъ Христіанскихъ Государей, копорые пойдуть въ Палестину для завоеванія гроба Господня, многія преимущества, между прочими, позволеніе въ посты ѣсть молочное. Папа Александръ VI, новою буллою, по особенной благосклонности къ Королю Фердинанду Каптолику, подшвердилъ сіе преимущество для его подданныхъ Королевства Испаніи и

Сициліи. Архієпископъ Палермскій, какъ При-
 мась духовенства, естъ Генераль-Коммиссарь
 сего Трибунала, коему подлежатъ другіе во
 всѣхъ городахъ учрежденные. За позволеніе въ
 постъ упошребляшь молочное, Трибуналь сей
 получаетъ ежегоднаго дохода до 600,000 руб-
 лей, копорые обращаются на содержаніе га-
 леръ или на выкупъ Христіанъ, въ плѣну у
 Турокъ находящихся.

Инквизиція существуетъ только по одно-
 му названію; власть сего судилища очень
 ограничена и пресѣчены всѣ способы къ зло-
 упошребленіямъ. Не смотря на сіе, ни кто
 однакожь не смѣетъ похваляться своимъ без-
 вѣріемъ или превратно шолоковашъ приняшые
 обряды вѣры. Судилище сіе и при первоначальномъ
 своемъ учрежденіи Испанскими Королями не смѣло
 упошребляшь шѣхъ жестокихъ средствъ, кои
 были въ обыкновеніи въ Испаніи и Италіи;
 народъ прошивился сему, дворянство не шерпѣло,
 чшобы Испанскій монахъ самовлашвовалъ надъ
 ними. Всѣ слишкомъ ревностныя Инквизишоры,
 за малѣйшее насиліе, особенно, когда они
 дерзали входить въ разбирашельство поведе-
 нія и мнѣній Баронства, неукоснительно
 были умершвляемы рукою убійць.

Городъ Палерма, по древнимъ своимъ пре-
 имуществамъ, управляешся особымъ *Сенатомъ*,
 сосшоящимъ изъ Прешора и шестнхъ Сенаторовъ.
 Прешоръ сверхъ сего управляетъ хозяйшвен-
 ною частію и естъ глава народныхъ пред-

спавишелей въ Парламентѣ. Сенаторы, избираемые изъ Грандовъ Испанскихъ первой степени, подобно Римскимъ Сенаторамъ, носятъ пурпуровыя тоги. Въ *уголовномъ судѣ* предсѣдательствуетъ такъ называемый Юстицъ-Капитанъ; онъ же есть и Предводитель дворянства. Въ *Преторіанскомъ судѣ* засѣдаютъ шрое судей, избираемыхъ погодно Королемъ изъ Палермскихъ гражданъ; они присутствуютъ также въ уголовномъ судѣ и, участвуя въ распоряженіи городскихъ доходовъ, состоятъ въ повелѣніи Претора.

Законы и судопроизводство.

Сицилійскіе законы, разсѣяны и смѣшаны во многихъ старыхъ полсныхъ томахъ и кипѣ новыхъ указовъ, которые въ рукахъ судей, подобно Хамелеону, принимаютъ на себя всякой цвѣтъ и измѣняютъ оный въ шѣхъ вещахъ, къ коимъ приближаютъ они сіе живое; ибо одна власть, которая превышаетъ всѣхъ законовъ, не судитъ, а только соглашается, что всякой цвѣтъ хорошъ. Власть сія иногда видитъ, что безпорядки со дня на день умножаются, что болѣзнь въ шѣлѣ Государственномъ укореняется; слышитъ вопли страдающихъ; знаетъ, что для пресѣченія сего зла надобно принять на себя нѣкоторой шрудъ, или споитъ только пожелать онаго; но предполагая отъ излишняго напряженія силъ своихъ болѣе вреда, нежели пользы, не дѣлаетъ ни-

какого движенія... И такимъ образомъ борясь между предположеніями и сущностію, не замѣчаешь смяшенія, не внемлешь спонамъ, приываетъ къ немощи, и излѣченія оной ожидаешь ошь случая, или повѣряешь его такимъ людямъ, кои для пользы своихъ, единственно стараются о продолженіи болѣзни.

Судопроизводство въ Сициліи есть самая недосшашочная, самая запушанная часть народоправленія. Прежде, нежели дѣло достигнетъ Трона, оное должно пройти, считая ошь Баронскаго, чрезъ шесть судовъ, и часто, случается, что Государственный Секретарь, (*Maestro Secreto*), замѣшивъ малѣйшее отступленіе ошь приказнаго обряда, отсылаетъ оное назадъ для разсмотрѣнія снова, начиная съ нижней инстанціи, и потому дѣла праведныя и неправедныя продолжаются цѣлые вѣки. Посему-шо шажбы здѣсь безчисленны, ябѣда составляетъ игру, изоощряющую хипросшь, подлогъ и обманъ; все небогашое дворянство въ оной упражняется для шого, чтобы чѣмъ нибудь себя занять, избавишься военной службы, гдѣ не лезя нажисься спрасшю богачей имѣшь безъ нужды надобность въ чловѣкѣ, знающемъ ябѣду для защищенія ихъ въ судѣ ошь напраслины.

Сприячіе называющся здѣсь Докшорами правъ, и названіе сіе имъ весьма прилично; они лѣчашъ сушягъ шочно такъ, какъ у насъ Лѣкари пришворно-больныхъ; берутъ деньги, и даютъ шолько пишь воду съ сахаромъ. Не смощра на шо, что Докшоровъ здѣсь очень много, каждый

изъ нихъ нерѣдко получаетъ въ годъ ошъ до 30, 000 рублей, и сіе дѣлается однакожь законнымъ образомъ по условію. Если дѣло сомнительно или запущано, приглашаются на совѣтъ другіе правовѣдцы, общее мнѣніе скрѣпляющъ они подписью и довѣренный Докторъ по сему наставленію ведетъ дѣло. Заботы Докторовъ соспошъ въ томъ, чтобы согласить судей, которые получивъ за труды свои воздаяніе наличною монетою, безъ труда убѣждаются въ томъ, въ чемъ кому угодно. Судьи, а болѣе Секретари, на коихъ судопроизводство вращается какъ шаръ земный на своей оси, съ давняго времени слѣлавъ привычку получаютъ великую прибыль, не берущъ мало и считающъ за грѣхъ нажить въ годъ менѣе 60, 000 рублей. Они всякими способами спѣшашъ набить свой карманъ; ибо Король перемѣняетъ ихъ чрезъ каждые два года. Судьи и Секретари получаютъ малое жалованье и избираются изъ спрянчихъ.

Я одинъ разъ ходилъ въ Королевскую Палашу. Какой шумъ, тѣсноста, нечистота и духота! Это храмъ неправды, гдѣ всѣ ябѣдники, криводушные толкователи законовъ, приказные проидохи, спремашся опличить себя на поприщѣ обмановъ. Президентъ, Адвокатъ-фискаль и шрое Судей сидѣли вокругъ спола; всѣмъ имъ вмѣстѣ было не менѣе 400 лѣшъ. Одинъ изъ нихъ пошѣлъ подъ шяжестію большаго парика, другой прохладаль себя вѣромъ, шрешій зѣваль, четвертый спаль; Спрянчій поднявшись на носки, держа

въ рукахъ толстую шепрадь, кричалъ во все горло: *La senta! La senta!* послушайте! послушайте! и ни кто его не слушалъ: ибо дѣла чипаютъ только для одной формы. Рѣшенія суда, будучи основаны на сбивчивыхъ и сомнительныхъ законахъ, не имѣютъ силы, и только одна воля и желаніе Короля приводишся въ исполненіе. Судьи, обязанные давать опчетъ въ своихъ мнѣніяхъ высшимъ чиновникамъ, зависящимъ отъ самопроизвольной власти, не могутъ быть неприспрасными хранителями законовъ, и никогда не спрашатся наказанія за несоблюденіе оныхъ; ибо когда бы законы были ясны и точны, то не нужно бы было столь часто испрашивать Королевскія повелѣнія, и судьи, шакъ сказашь, на каждомъ шагу никакъ не смѣли бы ошибаься. Тогда и самый хипрый правовѣдецъ изъ противорѣчій указовъ не могъ бы извлечь своего оправданія; ибо наказаніе немедленно бы слѣдовало за преступленіемъ.

Приказный слогъ ученъ и надушъ; въ немъ сполько повпореній, сполько вышерѣченныхъ, нижеименованныхъ, дондежѣ, паки, убо и сугубо, сполько выходокъ изъ Римскихъ правъ, и примѣровъ изъ древней и Священной Истории, что чипая или слушая дѣло, какъ говоришся, уши вянушъ; нѣтъ никакой связи, нѣтъ силы, краснорѣчіе самое педаншическое; ибо дѣла пишутся единственно для того, чтобы длиннымъ, безтолковымъ разглагольствованіемъ, наскучишь судьямъ, принудишь ихъ скорѣе подписашь оныя, что и дѣлаешся ими; ибо

они зная, что дѣло послѣ ихъ будетъ разсматриваться еще нѣсколько разъ, и что за сумбуръ имъ ни слова не скажутъ; ибо и самыя злоупотребленія остаются безъ вниманія. Они не входя въ обстоятельства дѣла, не внимая даже здравому смыслу, подписываютъ только шѣ изъ нихъ, за которые опщисано имъ звонкою монетою.

Въ Уголовномъ Судѣ дѣла шекуютъ столь же медленно какъ и въ Гражданской Управѣ. Сажаютъ въ шюрму безъ разбора; почему иногда невинные еще до разсмотрѣнія ихъ обвиненій, опъ заразительнаго пара, омерзительной нечистоты умираютъ въ оныхъ. Въ сравненіи совершаемыхъ здѣсь убійствъ, смертная казнь очень рѣдко бываетъ. Въ уголовномъ преступленіи, не смотря на несомнительныя обличенія, законъ требуетъ добровольнаго признанія; но доколь преступникъ не признался, его сажаютъ въ шюрму, и если въ сей гробницѣ, лишенный свѣта и воздуха, высидитъ онъ чепыре года, то опсылаютъ на галеры. Тому несчастному, которому уже прочтенъ смертный приговоръ, дается для оправданія опсрочка на мѣсяць; шущъ не лзя не замѣшить благошворной цѣли законовъ. Въ сію ужасную для осужденнаго опсрочку, къ защитѣ его является такъ называемый *Странтій бѣдныхъ*, на котораго праводушіе и честность всякій несчастный положиться можеть; ибо Король на почтенное званіе сіе обращаетъ особенное свое вниманіе и изби-

раешъ въ оное наиболѣе мужей безкорыстныхъ, богатыхъ, а болѣе всего крошкнхъ и великодушныхъ.

Въ споль многихъ недоспашкахъ, въ семь хаосѣ гражданскаго управленія, котораго безпорядки конечно угнѣшашъ могутъ подданныхъ болѣе самой войны, есть и нѣчто доброе. Я разумѣю сословіе спряпчихъ, которые не подражая и не слѣдуя правилу собратій своихъ: „любишь ябѣду и жить на разореніи шяжущихся,“ имѣють свое честолюбіе и свою славу. Первосташейные Спряпчіе добрыми дѣлами своими заслужили въ обществѣ великое уваженіе. Они имѣя надзоръ надъ младшими, безъ прозбы берутъ на себя защищать бѣдняка отъ неправды богатаго; берутъ на себя всѣ издержки судопроизводства и ни подъ какимъ видомъ и малѣйшаго знака признательности за труды въ такомъ случаѣ не принимаютъ. Другіе не иначе принимаютъ на себя ходатайство по дѣлу, какъ по убѣжденіи въ правотѣ и справедливости просящаго, и если сіи получаютъ условленную плату, то равно какъ и первые могутъ гордиться именемъ защитника невинности. Объявленіе судебныхъ приговоровъ раждаетъ удивительное соревнованіе и есть основаніе той чести и правоты, которая безъ робости въ благородномъ стремленіи заслужить одобреніе и похвалу благомыслящихъ, въ судахъ смѣло возвышаетъ гласъ истинны, часно изъясняется въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на

счесть Правительствва, и къ чести Короля должно сказать, что онъ сихъ достойныхъ людей особенно уважаетъ и старается оплечать ихъ своею милостию и ласкою. Примѣръ такого поведенія первосепенныхъ Спрятчихъ имѣетъ благотворное вліаніе и на подчиненныхъ, видящихъ, что одно средство нажишься честнымъ образомъ, естъ заслужишь довѣренности публики, которая не иначе приобретаетъ какъ прилѣжаніемъ, знаніемъ и безкорыстіемъ. Трудъ ихъ не осмается безъ награды, ибо болѣе извѣстные Доктора правъ, имѣютъ значительныя имуществва.

Власть Короля.—Доходы.—Войска.

Власть Короля неограниченна; она подкрѣпляется любовью народа, и нынѣ со времени пребыванія его въ Сициліи отъ феодальной системы едвали стѣнь ослабась. Могущество Дворянства отъ многихъ причинъ ослабло и Королю для присвоенія законнымъ образомъ власти Баронства препяшствуютъ нынѣшнія его стѣсенныя обстоятельствва, политическая его зависимость отъ Англичанъ, а наиболѣе то, что отъ лишенія Дворянства вдругъ всѣхъ преимуществъ, народъ неминуемо былъ бы разоренъ; Престолю лишился бы сильной опоры, казна отъ своевольства празднаго народа лишилась бы большой части доходовъ, и Король вмѣсто безпорядковъ отъ малаго числа дворянъ про-

изходящихъ, долженствовали бы бороться съ буйствомъ шолпы невѣжей, которые до сего времени удерживались въ должномъ повиновеніи только властію и попеченіемъ Дворянъ. Освободишь народъ отъ всякой подчиненности, къ которой онъ уже привыкъ, значилобы дать ему оружіе и противу самой Самодержавной власти, отъ которой неминуюемо онъ спалъ бы пребывать не однихъ повелѣній; но и причинъ, побуждающихъ къ объявленію оныхъ; ибо вольность народа съ самовластіемъ несовмѣсна.

Государственный годовой доходъ, состоящій изъ разныхъ податей и сборовъ простирается до 5,000,000 рублей. Регулярныхъ войскъ, включая и Гвардію, счисляется 22,000. Солдаты хотя не такъ выправлены, не такъ ловко маршируютъ, однакожь стрѣляютъ исправно и очень мѣтко. Конница легка, и на прекрасныхъ лошадяхъ. Войско одѣто красиво и даже богато; содержаніе получаетъ безнужное; но что всего важнѣе оживлено духомъ мужества. Многіе полагаютъ, что Ипаліянцы вообще не способны къ военной службѣ; но сіе, говоря вообще, несправедливо. Ипалія во всѣ времена славилась хорошими Генералами, и хотя Ипаліянцы не походятъ болѣе на Римлянъ и изнѣжены до того, что солдаты не имѣютъ воинственнаго вида; однакожь, если они подчинены будущъ искусному Генералу, то ни-

какому народу не уступяшь въ храбрости. Италіянскія войска, подь предводительствомъ Наполеона сполько отличившіяся во многихъ сраженіяхъ, особенно въ Ваграмской битвѣ, мнѣніе о ихъ неспособности могутъ совершенно опровергнуть. Сицилійскіе гренадеры подь начальствомъ Герцога Гессенъ-Филипсальскаго, защищавшіе Гаэшу, также заслужили имя храбрыхъ даже и отъ самыхъ Французовъ, которые не всегда и не очень охотно отдають справедливосшь своимъ непріятелямъ.

Въ началѣ 1808 года, когда въ Неаполь готовилась экспедиція для покоренія Сициліи, Фердинандъ объявилъ объ опасности опечества. Народъ, Дворянство, Духовенство, всѣ сословія вообще изъявили неожиданную многими готовность умереть за Короля. При семъ обнаружилась закоренѣлая ненависть Сицилійцевъ къ Неаполитанцамъ. Народъ главно просилъ дать имъ Начальниковъ изъ природныхъ Сицилійцевъ, и когда Король снизошелъ на просьбу сію, то въ три недѣли явились добровольно на службу 52,000 чел. подвижной милиціи, кои иждивеніемъ Дворянства были уже одѣшы, а оружіемъ снабжены Англичанами. Намъ пріятно было видѣшь, что мундиръ и экзерциція сего народнаго ополченія были точно такіе, какіе наша пѣхота имѣла въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Съ нѣкошораго времени носились слухи, будто Бришанское Правительствво вознамѣри-

лось воспользоваться безсиліемъ Короля и предложить ему за корону пансіонъ; но едва милиція спала подъ ружье, всѣ непріятныя вѣсти умолкли, и конечно оныя были неосновательны; ибо Англичане, занимавшіе Мессину, Кашаньо, Сиракузы и Мелацо, будучи малочисленны для защищенія сихъ крѣпостей отъ Французовъ, и какъ сохраненіе Сициліи было имъ необходимо для удержанія Мальты; шо всѣ укрѣпленныя мѣста противу Калабріи лежація, были сданы безъ малѣйшаго сопротивленія Королевскимъ войскамъ, и Англичане, до сего бывшіе господами, сдѣлались гостями; войска ихъ оспались въ тѣхъже крѣпостяхъ подъ названіемъ вспомогательныхъ; сверхъ того отъ Англинскаго Парламента назначено Королю пособіе, для содержанія въ готовності всей его арміи. Со всею вѣроятностію сказать можно, что Наполеонъ въ покореніи Сициліи встрѣтитъ многія препятствія, онъ не найдетъ здѣсь своей паршіи; ибо хоша и есть недовольные Правительствомъ, но сіи равно какъ и преданные, спрашашся его владычества. Сицилійцы еще не забыли тиранства Нормандскихъ прищельцовъ, и они еще тѣже самыя, копорые на Сицилійской вечери обагрили руки въ крови Французовъ.

Флотъ Неаполитанскаго Короля состоитъ изъ одного корабля, 3 фрегатовъ и 20 канонирскихъ лодокъ.

Фердинандъ IV, есть самая благость; ясное, всегда веселое лице изображаетъ всю крошность души его. Судьбѣ угодно было обременить его многими несчастіями и потерями; но онъ не унываетъ, надѣется на Бога и переноситъ всѣ неприятели съ непоколебимою твердостью. Когда Наполеонъ пророческимъ тономъ объявилъ арміи своей, занимавшей Неаполитанское Королевство, скорое завоеваніе Сициліи, то добрый Фердинандъ въ шутку тогда сказалъ: „Наполеону не удастся согнать меня съ земнаго шара, я съ оружіемъ въ рукахъ и моими Борбонами (*) всегда буду Королемъ.“ Симвъ Его Величества хотѣлъ сказать, что онъ какъ Царь будетъ защищаться и умретъ съ честью Бурбоновъ. Король обожаемъ народомъ. Нѣкогда проѣзжалъ онъ городомъ на любимую свою охоту, пшичную ловлю; народъ шакъ сполнился на улицѣ, что коляска его на силу могла двигаться. Король съ добрымъ видомъ, давъ поцѣловатьъ руку ближайшему къ нему Лазарону, едва успѣлъ сказать „перестаньте же кричать и дайте мнѣ дорогу!“ какъ народъ разсупился, клики да здравствуетъ Отецъ нашъ! умолкли и чтожь я увидѣлъ? едва Король нѣсколько отѣхалъ, чернь обратилась къ нему нищему, кошорой удостоился поцѣловатьъ Королевскую

(*) Борбони шакъ называется здѣсь царская рыбка. Известно, что Король любитъ охоту и рыбную ловлю.

руку и всѣ стремились обнимать его, какъ освященнаго прикосновеніемъ Помазанника. Конечно думалъ я въ себѣ, и самыя побѣды не заспавили бы любить Короля болѣе, сколько шеперь любяшь его въ несчастіи. Король ѣздишь всегда безъ свиты, проспо въ сершукѣ, рѣдко въ мундирѣ. Онъ такъ близокъ народу, такъ досшупенъ, что благодушіе его иногда дѣлаещъ Лазароновъ слишкомъ докучливыми и наглыми. Одинъ разъ, когда въ Неаполѣ вздорожалъ хлѣбъ, народъ бѣжа за его экипажемъ, кричалъ: Отець нашъ! хлѣбъ дорогъ! Король также ѣхалъ на охоту, и что же онъ сдѣлалъ? велѣлъ везти себя въ Городовое Правленіе, и вошедъ въ присущствіе спросилъ: почему хлѣбъ такъ вздорожалъ? Президентъ объяснилъ и доказалъ, что цѣна очень умѣренна и уменьшивъ оной не возможно. Очень хорошо, отвѣчалъ Король, уменьшите отъ фунша ползолотника и объявите цѣну полбаіономъ меньше. “

Фердинандъ будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ спаросши, съ нѣкотораго времени большую часть заботъ правленія предоспавилъ Королевѣ, и Каролина обладая высокимъ умомъ матери своей Маріи Терезіи, имѣетъ и ея характеръ, и также управлещъ Сицилію, какъ сестра ея Марія Аншпанеша управляла Францією. Она, искусною рукою швердо держишь бразды правленія; она распоряжаещъ всемъ; даещъ повелѣнія Миниспрамъ; располагаещъ движеніями войскъ; спронши-

воспѣ Дворянъ обезоруживаетъ леншами, ласками и призываніемъ ихъ ко Двору; своевольства Палермской черни воздерживаетъ сурогою Полиціею: она все знаетъ, что во кругъ ея дѣлается; знаетъ, что дѣлають и думаютъ въ Неаполѣ, соображаетъ свои дѣйствія съ обстоятельствомъ и тайными сношеніями съ прежними подданными, болѣе беспокоитъ Неаполитанскаго Короля, нежели опасаешься его силы. Будучи въ видимой зависимости отъ Англинскаго Министрства, она не иначе уклоняется предъ необходимостію, какъ съ достоинствомъ. Въ сношеніяхъ съ неприятелемъ она непреклонна. Наполеонъ предложилъ чрезъ бракосочетаніе дочери ея съ Мюратомъ, соединить въ потомствѣ ихъ, наследство короны обѣихъ Сицилій. Королева изъявила несогласіе свое такимъ пономъ, что униженный, приспѣженный онымъ побѣдоносный Рыцарь, въ движеніи гнѣва положилъ во что бы ни спало покорить Сицилію, и въ прокламаціи своей къ Неаполитанской арміи, употребилъ неприличныя выраженія. Не смотря на предсавленіе, что безъ кровопролитія флота, не возможно украдкою высадить на рыбачьихъ лодкахъ, достачнаго числа войскъ для покоренія Мессины или какой другой крѣпости, защищаемыхъ значительною арміею и сильнымъ корабельнымъ и гребнымъ флотомъ, Наполеонъ далъ рѣшительное повелѣніе исполнить его намѣреніе, и изъ 10, тысячнаго корпуса, ночью во время штиля перевезеннаго

изъ Реджіо, къ югу отъ Мессины, едва ли претѣя часъ спаслась; прочіе нѣсколькими канонерскими лодками безъ защиты были пощоплены въ проливѣ и весьма малое только число досталось въ плѣнъ.

Королева поступки свои съ Французами соображала по точной взаимности съ ихъ дѣйствіями, и сія мысль, какъ извѣстно очень, превозжила Наполеона; ибо онъ опасался, чшобы и другіе его непріатели не вздумали также съ нимъ обходиться; щогда конечно пришлось бы ему отъ многихъ выгодъ опказаться. Фра-діаволо, славный Парпизанъ Калабрскій, по несчастію попался въ плѣнъ, Неаполитанскій Король опредѣлилъ, какъ преступника, замучить его лютою казнію; Королева узнавъ о семъ предупредила, что она за смерть своего Генерала, прикажетъ казнить щѣмъже образомъ 6 Французскихъ Шпабъ-Офицеровъ, находящихся у нея въ плѣну. Іосифъ не послушалъ; Фра-діаволо былъ колесованъ и чешвершованъ въ Неаполѣ; 6 щъ несчастныхъ Французовъ въ Палермѣ, какъ преступники казнены были на эшафотѣ. Мюратъ смѣнившій Іосифа, опредѣлилъ всѣхъ солдатъ и Офицеровъ, уроженцевъ Неаполитанскаго Королевства, оставшихся въ службѣ Короля Фердинанда и попавшихся въ плѣнъ, какъ измѣнниковъ расширѣливать. Королева увѣдомила его, что она рангъ за рангъ и число за число, будетъ расширѣливать Французовъ, находящихся у нея въ рукахъ. . . .

Древности.

Въ заключеніе описанія достопамятнѣйшей Палермы, считаю не безполезнымъ, для пополненія моихъ замѣчаній, предложить нѣчто о древносняхъ Сициліи, о которыхъ въ Рускомъ переводѣ прекрасныхъ писемъ Г-на Брайдона ничего не упомянуто, вѣроятно по тому, что Г. Кампе, издавшій путешествіе Брайдона, на Нѣмецкомъ языкѣ, спашью о древносняхъ выпустилъ.

Большая часть Сицилійскихъ писателей согласно утверждаютъ, что Сицилійцы происходятъ отъ Хама, сына Ноева, которой есть Самурнь, построившій великій городъ Камезену. Берозъ думаетъ, что оный отъ испортившагося перваго имени назывался потомъ Камарина; напрошивъ Гварнери, Каррера и другіе увѣряютъ, что Камазена была у подошвы горы Эпны, между Ачи и Каманью, противу трехъ голыхъ скалъ, кои и донынѣ сохранили имя Циклоповъ. Каррера упоминаетъ объ одной надписи, видѣнной имъ на развалинахъ Ачи, оправдывающей его предположеніе. Онъ къ тому прибавляетъ, что Хамъ былъ великой злодѣй и прозванъ за то Есеуцъ, по есть безчестный. Фацелло говоритъ, что онъ женился на родной своей сестрѣ Реѣ. Церера, дочь ихъ, царствовавшая въ Сициліи, не имѣвшая пороковъ отца своего, славилась красою, кротостію и мудростію. Она изъ пшеницы и винограда, кои сами собою

въ великомъ изобиліи тогда произрастали, научила подданныхъ своихъ приуголовлять хлѣбъ и дѣлать вино. Прозерпина была спольже прелестна и добродѣтельна, какъ мать ея Церера. Оркусъ, Царь Эпирскій, желалъ имѣть ее своею супругою, что и подало Грекамъ случай къ вымышленію басни о похищеніи Прозерпины Плутономъ, богомъ Ада; ибо Оркусъ былъ нрава суроваго и угрюмаго.

Церера была первымъ божествомъ Сициліи. Говорять, что и нынѣ находящаяся медали съ прекраснымъ изображеніемъ Богини, а на оборотѣ съ хлѣбнымъ колосомъ. Она построила свою столицу на вершинѣ высокой горы, въ срединѣ острова и назвала оную по имени горы, Энна. Нынѣ на мѣстѣ семъ стоить городъ Каспрожовани, въ коемъ никакихъ остатковъ отъ Энны не видно.

Цицеронъ, по мѣстоположенію Энны въ самой срединѣ Сициліи, называетъ ее *Umbilicus Siciliae*; спрану же вокругъ оной уподобляетъ земному раю, наполненному шѣнистыми рощами, чистыми ручейками и лугами, кои во всякое время года покрыты душистыми цвѣтами. Храмъ Цереры, въ Эннѣ находившійся, былъ въ великомъ уваженіи. Фацелло повѣствуетъ, что когда городъ былъ взятъ рабами и варварами; то они не смѣли коснуться къ сокровищамъ храма, коихъ въ ономъ было гораздо болѣе, нежели во всемъ городѣ. Развалины сего капища нынѣ едва примѣшны.

Храмъ Венеры Еречинской (Eresine) по-
 ко славный и извѣстный во времена идоло-
 поклонства, построень былъ на вершинѣ го-
 ры Ериксъ или по Сицилійскому произноше-
 нію Еричѣ. Нынѣ гора сія называется Санъ-
 Жуліано. Греческіе, Римскіе и Сицилійскіе
 историки согласуются, что храмъ сей столь
 же древень какъ и храмъ Цереры въ Ениѣ.
 Діодоръ пишетъ, что Дедалъ послѣ бѣгства
 своего изъ Крита, украсилъ зданіе сіе мно-
 гими статуями. Эней по разореніи Трои
 прибывшій со флотомъ своимъ въ портъ Дра-
 пани (нынѣ Трапаны), находящійся у подошвы
 горы Еричѣ по смерти отца своего Анхиза,
 принесть храму сему богатые дары. Виргилій,
 недовольный щедростію своего героя, вопреки
 мнѣнію всѣхъ писателей, утверждаетъ, что
 Эней положилъ и основаніе храму, которой
 въ послѣдствіи и Римляне столькоже уважали,
 какъ и Греки. Число жрецовъ и жриць было при
 ономъ столь велико и издержки на храмъ сей
 столь немѣрны, что 17 городовъ едва мог-
 ли содержать оный съ надлежащимъ приличіемъ.

Вольшія стаи голубей, почитавшихся,
 какъ извѣстно, спутниками Венеры, перелетая
 въ началѣ осени и весны изъ Италіи въ Аф-
 рику, или возвращаясь отсюда для отдохну-
 ть, садилась на горѣ Ериксѣ вокругъ храма. Суе-
 вѣрный народъ думая, что сама Богиня посре-
 ди ихъ находится, въ сіе время приносила
 ей жертвы. Женщины обязаны были испол-
 нять въ почтении обряды на сей случай у-

спановленные, боясь прослышь лицемѣрками; и самыя цѣломудренныя изъ нихъ охотно онымъ слѣдовали и не подавали повода упрекать себя въ уклоненіи ошъ жертвоприношеній. Увѣряють, что женщины Ерикскія и Драпанскія съ нестерпнѣиємъ ожидали появленія голубей, и чтобы удержать ихъ долѣе близъ храма, онѣ приносили съ собою для нихъ кормъ. Красота женщинъ сихъ мѣстъ и понынѣ прелестныхъ, конечно подали мысль на горѣ Еричѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, какъ говоритъ въ описаніи древностей Сициліи Баронъ Ріедезель, уснаовишь сей особенной обрядъ въ честь Богинѣ любви, почто какъ и въ древней Греціи по причинѣ красоты женщинъ; въ Книдахъ чествовали Венеру подобнымъже безспудіемъ.

Храмъ свяаго Жуліана заступилъ нынѣ мѣсто капища Венеры. Сицилійцы имѣють большую вѣру къ сему Святому; ибо думаютъ, что когда Тропани былъ стѣсненъ осадкою, въ то время Св. Жуліанъ вооруженный явился на стѣнахъ, и явленіемъ своимъ шолико устрасилъ непріателя, что оный обратился въ бѣгство; и съ тѣхъ поръ городъ никогда не былъ угрожаемъ нападеніемъ.

На горѣ Еричѣ и нынѣ находятъ медали, но кромѣ кусковъ мрамора съ едва примѣшными слѣдами надписей, нѣтъ никакихъ болѣе ошашковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи храма Венеры. Светоній увѣряетъ, что оный въ царствованіе Тиверія

Кесаря былъ возобновленъ; напротивъ Спрабонъ ушверждаетъ, что оный въ его время былъ оставленъ, и сіе болѣе вѣрояшно; ибо ошатки многихъ зданій воздвигнутыхъ при Тиверіи еще сохранились.

Сицилійскіе писатели, согласно съ Virgiliemъ, полагаютъ, что Еней, оставшись послѣ сожженія кораблей своихъ на сушѣ, построилъ городъ Еричѣ, въ честь матери своей Венеры; другіе же ушверждаютъ, что храмъ сея Богини построилъ Ериксъ, другой сынъ ея, старѣйшій Енея, шопъ самый, который былъ убитъ Геркулесомъ. Мѣсто сіе и донынѣ называется Геркулесово поле. (il Campo d'Hercole).

По причинѣ удивительнаго плодородія долинь, окружающихъ Палерму, городъ сей въ древнія времена назывался *Панормусъ*, что на древнемъ Греческомъ языкѣ означало, Все-садъ; другіе же съ большею вѣрояшносію ушверждаютъ, что оный именовался *Рап-оттус* отъ Греческаго слова Все-Портъ, по причинѣ обширности и удобности гавани, его которая даже и въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ могутъ прислывать только небольшія суда, была споль глубока, что Велизарій во время войны съ Готтами, обладавшими Сицилією, пославилъ корабли свои подъ самыми стѣнами Палермы. Последняго названія шеперь по значенію слова Все-Портъ не можно приписать Палермѣ; ибо малая гавань обмѣлела отъ ужаснаго наводненія, ко-сму Фацелло былъ очевидецъ. Сей историкъ

говорить, что вода съ ужаснымъ спир мленіемъ вырвавъ часть стѣны подлѣ дворца, разрушила до основанія двѣ тысячи церквей, монастырей и домовъ, поглотила три тысячи челоуѣкъ, и малая гавань наполнилась развалинами домовъ.

Послѣ Камезены, Палерма почитается древнѣйшимъ городамъ въ Сициліи. Епископъ Луцерскій полагаетъ, что она основана была во времена Пашриарховъ. Онъ доказываетъ сіе одною Халдейскою надписью, найденною боолѣтъшю пому назадъ въ царствованіе Вильгельма II, и переведенною на Лашинскій и Италіянскій языки. А какъ и нынѣ находятъ въ окрестностяхъ Палермы оспашки надписей на семь языкѣ; то Епископъ и заключаетъ, что городъ построенъ былъ Халдеями, въ первыхъ вѣкахъ ошъ созданія Мира; вошъ буквальный сей надписи переводъ: „Когда Исаакъ, сынъ Авраама, царшвовалъ въ долину Дамской и когда Исаіа (Esaia) сынъ Исаака управлялъ Идумеєю, тогда великое число Евреевъ, послѣдуемые жителями Дамаса и Финикіи, пришли въ сему треугольному оспрову и поселились въ сему прекрасномъ мѣстѣ, кошерому и дали имя Рап-ошмцъ.“

Епископъ перевелъ другую Халдейскую надпись, находящуюся на древнихъ западныхъ городскихъ ворахахъ: переводъ сдѣланъ на Лашинскомъ. Здѣсь сообщается оный ошъ слова до слова на Рускомъ языкѣ: „нѣтъ другаго Бога кромѣ единаго Бога: нѣтъ другой власни, кромѣ

сего самаго Бога. Нѣтъ другаго побѣдителя кромѣ того Бога, которому мы поклоняемся.“ Начальникъ сей башни есть *Сафю* (Saphu) сынъ Елифара (Eliphar), сына Исаи (Esaï) брата Іакова, сына Исаака, сына Авраама. Имя башни есть *Баухъ* (Bauch), а къ ней ближайшей *Фаратъ* (Pharat). На первой башни были и другія надписи, но такъ изгладились, что оныхъ, при всемъ стараніи, Фацелло разобрать не могъ.

Одинъ ученый Палермскій Аншикварій увѣряетъ, что *Ran-ormus*, на Халдейскомъ равно какъ и на Еврейскомъ, значить рай или прекрасный садъ, и что Греки, поселившіеся на томъ мѣстѣ, гдѣ жили первые, оставили городу прежнее его имя. Онъ присовокупляетъ къ тому, что *Ran-ormus* на Арабскомъ языкѣ означаетъ *Все - Вода*, почему и Арабы, обладавшіе онымъ, сохранили городу тоже древнее названіе.

Въ архивѣ хранятся толстые томы о достопамятныхъ древностяхъ Палермы. Вотъ еще одна и послѣдняя басня, которая, какъ относящаяся къ чести женщинъ, достойна быть здѣсь помѣщена. Историки Сицилійскіе повѣствуютъ (неизвѣстно почто въ какое время и въ какое царствованіе), когда Палерма осаждена была Сарацынами, шерпѣла голодь, и у воиновъ не доставало матеріаловъ для дѣланія шевивы къ лукамъ, и когда городъ былъ уже въ томъ состояніи, что не могъ долѣе сопротивляться, одна женщина (имя также пропущено) изъ любви къ опече-

спву, предложила другимъ женщинамъ, пожертвовашъ для спасенія онаго волосами, дабы войны могли употребить ихъ на шепивы. Палермишанки обрѣзали прекрасныя свои волосы, и какъ уже извѣстно, что нѣжный полъ есть и будетъ первую побудительную причиною для возбужденія храбрости въ мужчинахъ; но войны Палермскіе, одушевленные сею великою для красоты и прелестей жершвою, съ такимъ мужествомъ продолжали защищаться, что Сарацины были ушомлены, разбиты и городъ освобожденъ отъ осады. Палермишанки могутъ гордиться симъ славнымъ для нихъ происшествіемъ, воспѣшимъ какъ того и ожидашь должно, многими имъ преданными поэтами. „Волосы нашихъ женщинъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, всегда употребляюшя для тойже цѣли; но они нынѣ бросаюшъ только шѣ сирѣлы, кои приуговоряюшя самимъ Купидономъ, и употребляюшя только для любовныхъ связей.

Минеральныя воды — произведенія — торговля.

На всемъ пространствѣ Сициліи находится много минеральныхъ водъ; однѣ изъ нихъ слишкомъ горячи, другія споль холодны, что восходяшъ одною степенью выше почки замерзанія, и однакожь никогда не обращаются въ ледь.

Во многихъ мѣстахъ острова находящяся источники, на поверхности коихъ плаваешь родъ масла; земледѣльцы жгущъ оное въ своихъ лампадахъ и упошребляющъ на многія другія надобности. Источникъ при Никосіи, называемый иі Fonte Canalotto, заслуживаетъ особое примѣчаніе. Онъ всегда покрытъ бываетъ толстою смоленого свойства пѣною; поселяне упошребляющъ оную, какъ самое дѣйствительное лѣкарство отъ сильныхъ простудъ и другихъ болѣзней. Вода одного небольшого озера при Назо, будучи чиста и прозрачна какъ стекло, имѣетъ удивительное свойство, чернить всѣ вещи, въ оную погружаемыя. Сѣрныхъ бань въ Сициліи очень много; въ Тримиши находящіяся почитаются лучшими. Онѣя бани славны были во времена Римлянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи и на островахъ близъ ея лежащихъ, изъ нѣдръ земли выходящъ испаренія. Въ большемъ отдаленіи отъ Эпны находятъ лаву, пемзу, и ноздреватые камни, извергаемые огнедышущими горами, почему и должно заключить, что Сицилія, такъ какъ и Липарскіе острова, произошла отъ подземнаго огня. Въ прехъ верстахъ къ западу отъ Палермы, у самаго морскаго берега, находятся многіе горячіе ключи, которые со дна моря съ такою силою выбиваются, что песокъ шамъ волнуется, вода высокою до двухъ аршинъ очень горяча, а далѣе холодна какъ ледъ. Гдѣ глубина не

велика, шамъ испаренія выходяшь ошь холодной, а не ошь теплой воды.

Главное произведеніе и можно сказать богатство Сициліи естъ пшеница. Почва земли безъ унавоживанія, и при дурномъ воздѣльваніи, споль плодоносна, что одна жатва обыкновеннаго урожая, даешь для продовольствія всего народонаселенія, на семь и восемь лѣтъ впередъ. Сицилійцы молошяшь хлѣбъ, какъ у насъ Крымскіе Ташары, лошадами, сохраняють же оный совсѣмъ особеннымъ образомъ. Въ сухомъ грунтѣ высѣкаются погреба, пшеница топчась, какъ обмошяшь, ссыпается въ сіи кладовыя, которыя на поверхности земли имѣють небольшія отверстія; а дабы виѣшній воздухъ и дождь не могли проникнуть въ погреба, отверстіе со щцаніемъ закрывается и хлѣбъ шакимъ образомъ гораздо долѣе, нежели у насъ, сберегается.

Расшеніе, котораго зола почитается наилучшею для дѣланія стекла содою, съ большимъ щцаніемъ здѣсь воздѣльвается и приноситъ поселянамъ большой прибышокъ. Дивой медь особенно вокругъ Эшны собираемый, предпочитается домашнему и высоко цѣнится. Сахаръ не составляетъ еще предмета для виѣшной торговли, но для домашняго употребленія, въ довольномъ количествѣ расходится. Солодковый корень и сокъ изъ онаго выжимаемый, шакже составляетъ предметъ выгодный для промышленниковъ; манна же естъ конечно полезнѣйшее произведеніе Сици-

ли. Сіе драгоцѣнное лѣкарство извлекается изъ деревь извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ морскихъ ясеней. Въ Іюль мѣсяцѣ въ продолженіи наибольшихъ жаровъ, на корѣ оныхъ деревь дѣлають насѣчки, откуда вытекаешъ густый сокъ, подобный прозрачной смолѣ, и скоро твердѣющій на солнцѣ. Зернистая манна сама собою выпекающая изъ дерева, какъ наилучшая съ большимъ щаніемъ укладывается въ небольшія коробочки. Крестьяне насѣкають деревья всегда съ одной стороны, а другую оставляють для слѣдующаго лѣта. Каждое дерево даешъ въ годъ полфунта, и цѣлое сполѣше можешъ такимъ образомъ приносить пользу.

Торговля, не смотря на войну, со времени пребыванія Короля столько улучшилась, что произведеній Манифактурныхъ и не обработанныхъ отпускаешся уже вдвое болѣе прежняго. Сицилійцы имѣють достапочное число своихъ судовъ, но по преимуществамъ, даннымъ Англичанамъ, оныя болѣею часпію осшаюшся въ гаваняхъ безъ всякаго дѣла.

Сицилія, безспорно есть наилучшая страна въ Европѣ: по справедливости назвашъ ее можно садомъ Европы. Почва земли опъ множешва Волканическихъ частицъ чрезмѣрно плодородна. Провинціи Валь ди Нонно и Валь ди Мацара изобилують хлѣбомъ, а Валь ди Демоса плодами. Повсюду произрастають превосходнѣйшій виноградъ, сахарный тростникъ, финиковыя, писшашныя, масличныя,

апельсинныя и цитронныя дерева, а обыкновенныя какъ шо: персиковыя, миндальныя, фиговыя, шелковичныя и пр. расшуйть безъ призору въ лѣсахъ. Удивительное множество источниковъ и ключей, орошая и украшая сію прелестную страну, конечно не мало способствуетъ изобилію. Пажити въ окрестностяхъ Этны; близъ Кашаньи, сподъ пучны, что скопу, дабы онъ не слишкомъ ожирѣлъ, принуждены бывають пускашь кровь. Луга и лѣса во всякое время года покрышы цвѣтами и душистыми кустарниками; лаванда, розмаринъ, лилей, яминъ и множество другихъ расшуйть здѣсь на открытомъ воздухѣ. Этна есть первою причиною шаковаго удивительнаго плодородія.

Море, окружающее Сицилію, доставляеть изобильную ловлю рыбъ. Въ Мессинѣ въ великомъ уваженіи Угри, въ Палермѣ Тонь, во всѣхъ другихъ портахъ Борбони, Макрель, Мечь рыба и множество другихъ. Рѣки и малые источники также изобилують рыбою. Изъ дичи почитаюцца за лакомство Бекафиги и дикія Павлины.

Царство ископаемыхъ спольже богато: однихъ мраморовъ считаецца 31 сорть. Злапоцвѣшныя, зеленыя, черныя съ золотыми искрами почитаюцца лучшими. Яшмы, Агатъ, Порфиоровъ, Карниловъ, Лапись-Лазури и другихъ драгоценныхъ камней считаецца до 300 родовъ. Въ недрахъ горъ храняцца богатѣйшія жилы мешалловъ и полумешалловъ.

Король обратилъ нынѣ особенное вниманіе на обработываніе рудниковъ, кошорые въ правительствѣ Вицероевъ большею частію были оставлены. Стра, квасцы, купоросъ, киноварь, пемза и прочія произведенія огнедышущихъ горъ приносятъ значительный доходъ. Каменная добываемая изъ озеръ при Марсала — фрапаниксъ и вывариваемая изъ морской воды соль, составляютъ наибогатѣйшую въѣвъ торговли. Мыльный камень, кошорой естъ и у насъ къ Крыму, по свойству своему, употребляется крестьянами вмѣсто мыла.

Словомъ, Сицилія изобилуетъ всѣми потребностями для жизни и роскоши, въ рукахъ морской Державы, обращающей всегда наибольшее вниманіе на внѣшнюю торговлю и промышленность, могла бы скоро достигнуть до прежняго своего величія. Народонаселеніе ея споль нынѣ малое по пространству, скоро умножилось бы, и Сицилія не имѣла нужды заимствоваться отъ другихъ земель чѣмъ либо, приобрѣла бы чрезъ отпускъ своего излишества великія богатства. Пребываніе Короля въ Палермѣ конечно принесло уже значительныя пользы; но многія злоупотребленія въ правленіи пребуютъ поспешеннаго исправленія. Война съ сильнымъ сосѣдомъ пребуютъ пожертвованій несоразмѣрныхъ съ доходами, и благое намѣреніе Короля къ улучшенію всѣхъ частей народоправленія симъ не мало затрудняется. Сицилійцы тогда сполько могутъ почесать себя счастливыми, когда торговля бу-

дешь освобождена отъ спѣснительныхъ, самопроизвольныхъ и часто перемѣняемыхъ налоговъ; когда для облегченія внутреннихъ сообщеній будущь сдѣланы дороги, которыя въ гористыхъ мѣстахъ едва проходимы только для вьючныхъ ословъ; когда гражданская Управа будетъ основана на коренномъ и постоянномъ законѣ; когда власть Королевская не будетъ имѣть препятствій дѣлать добро, а права дворянства и духовенства будутъ поставлены въ надлежащихъ предѣлахъ, и когда наконецъ богатство дворянства и нищета народа придуть хотя въ нѣкоторое равновѣсiе.

Война съ Англіею — сдача фрегата Венуса Сицилійскому Правительству.

20 Ноября прибывъ въ Палерму, къ крайнему сожалѣнію нашему по осмотру найдено, что фрегатъ имѣлъ столь многія и важныя поврежденія, безъ исправленія коихъ не возможно было выйти въ море. Командующій фрегатомъ Капитанъ-Лейтенантъ Андреяновъ представя Россійскому при Сицилійскомъ Дворѣ Министру Тайному Совѣтнику Дмитр. Павл. Ташищеву о необходимости прислупить немедленно къ починкѣ фрегата, просилъ для скорѣйшаго окончанія оной, нужной помощи отъ порша. Въ слѣдствіе сношеній съ Сицилійскимъ Правительствомъ, по свезеніи пороха въ Королевскіе погреба, фрегатъ вошелъ въ гавань, разгрузился и къ 10 Декабря

руль былъ сдѣланъ новый, гропъ мачта, бушпритъ и бимсы, преснувшіе во время шпорта, первые укрѣплены шкалами, послѣдніе подпершы новыми пиллерсами; пробоины, полученныя въ сраженіяхъ, были забиты и обшиты новою мѣдью, трюмъ перегруженъ, крѣйшъ-камора (*) исправлена и фрегатъ внутри и снаружи весь выконопаченъ.

По шаковомъ исправленіи, получа на два мѣсяца провіаншъ мы готовились идти въ портъ Ферраіо, гдѣ находился Капитанъ Командоръ Барашинскій съ кораблями св. Петромъ и Москвою, какъ вдругъ слухи о разрывѣ между Россією и Англією подтвердились официальнымъ сообщеніемъ, полученнымъ Англинскимъ Министромъ въ Палермѣ Г. Друммондомъ отъ поварища его изъ Вѣны. Извѣстіе сіе крайне опечалило Дворъ, и особенно шѣхъ жипелей, кои равно привержены были какъ къ Рускимъ, такъ и къ Англичанамъ. Въ самое сіе время возвратилась въ Палерму и Англинская эскадра, крейсеровавшая у острова Марипимо, для недопущенія Французской эскадры возвратиться изъ Корфы въ Тулонъ (**). Министръ нашъ поручилъ до-

(*) Пороховой погребъ.

(**) Французскій Адмиралъ Ганшомъ снабдивъ Корфу военными снарядами, ускользнулъ отъ бдительности Англинскихъ крейсеровъ, и счастливо возвратился въ Тулонъ.

вѣрнной особѣ развѣдашь, почишають ли се-
бя Англичане въ правѣ, по одному сообщенію
Посла своего пребывающаго въ Вѣнѣ, начинашь
военныя дѣйствія? Друммондъ положительно
объявилъ, что война за разрывомъ воспослѣ-
дуетъ непременно, что Вице-Адмираль Торнброу
завладѣетъ нашимъ фрегатомъ, отправитъ оный
въ Мальту и послѣ сего, почишаешь ли оный
плѣннымъ или свободнымъ, ожидаешь будешь
дальнѣйшихъ предписаній отъ Лордовъ Адми-
ралшества.

Объявленіе столь ясное и рѣшительное
содѣлывало выходъ нашего фрегата невозмож-
нымъ. Посланникъ Ташищевъ спарался узнать
отъ Сицилійскаго Министра иностранныхъ
дѣлъ Маркиза Чирчелли, что намѣренъ дѣ-
лать Дворъ его въ случаѣ началія военныхъ
дѣйствій между Россією и Англією? Ошѣшь
его сперва былъ двусмысленный; но когда
спросили у него, можешь ли въ нынѣшнихъ
обстоятельствахъ оставашся безопасно Рос-
сійскій фрегатъ въ Палермскомъ портѣ, онъ
далъ удовлетворительный ошѣшь. Желая
еще болѣе убѣдиться въ чувствахъ Двора се-
го, Ташищевъ объяснился съ Королевою, ко-
торая ему ошѣшствовала: "Будьте увѣрены,
что Король никогда не подниметъ оружія
противу Россіи; Императоръ Александръ былъ
всегда нашимъ Покровителемъ и мы того
никогда не забудемъ.

Между тѣмъ, хотя Россійская Миссія 17
Декабря и получила изъ Петербурга офици-

альное извѣстіе о разрывѣ между Россією и Англією; но оно содержала впайнѣ, въ пош надеждѣ, что какое нибудь неожиданное происшествіе, принудя Англинскую эскадру выйти въ море, подастъ фрегатѣ возможность безпрепятственно опплыть въ Поршь Ферраіо, въ Неаполь, или въ другую какую дружественную гавань. Ожиданіе сіе было однакожь щещно; Англинскій Министръ весьма упорно домогался, чтобы фрегатѣ Венусъ и всѣ Россійскія купеческія суда, въ Сицилійскихъ портахъ находившіяся, были ему выданы. Король, изумленный такимъ смѣлымъ престоаніемъ, съ неудовольствіемъ и рѣшительно отказался отъ пошупка споль проливнаго чувстванъ его; но Англичане настоянія свои начали подкрѣплять угрозами. Друммондъ отказался отъ продолженія субсидій, плашимыхъ его Дворомъ, а Главнокомандующій Англинскими войсками Генераль Муръ грозилъ, что не будешь ограждать Сицилію отъ покушеній, дѣлаемыхъ Іосифомъ Бонапартеприсовокупить островъ сей къ Неаполитанскому Королевству. Россійскій Посланникъ видя, что ему долѣ въ недоумѣніи оспаваться было не лзя, отнесся письменно къ Сицилійскому Министру и препроводя къ нему печатный экземпляръ съ Манифеста, въ коемъ изложены были причины разрыва съ Англією, престоавалъ прямого и почнаго объявленія, какое участіе приметъ его Сицилійское Величество въ войнѣ сей. Опвѣсть Маркиза Чир-

челли состоялъ въ томъ: „что Король, его
 „Государь, не можетъ опдѣлить выгоды Англии
 „ошъ своихъ собствнныхъ, что порты Его
 „Величества будутъ впредь запершы для Рос-
 „сійскаго флага и что присутствіе фрегата
 „Венуса въ Палермѣ не согмѣстно нынѣ съ на-
 „стоящими обстоятельствомами.“

Опвѣтъ сей ясно обнаруживалъ безсиліе
 Короля Фердинанда и невозможность, въ ко-
 ей онъ находился противустать волѣ Англи-
 чанъ, войска коихъ занимали Мессину, Сира-
 кузы и почти всѣ главные порты и крѣпо-
 сти Сициліи. Поведеніе Сицилійскаго Двора
 было слѣдовательно послѣдствіемъ положенія
 его и несчастной для него необходимости;
 ибо безсомнѣнія союзъ съ Императоромъ Рос-
 сійскимъ сколько же полѣзень былъ Ферди-
 нанду, сколько разрывъ сего союза вреденъ для
 Его Сицилійскаго Величества. Россія же не имѣ-
 ла надобности ни искашь дружбы, ни опвра-
 щать разрыва съ безсильнымъ союзникомъ. Одно
 шокмо желаніе спасти какъ нибудь фрегатъ
 Венусъ и доставить намъ служившимъ на
 ономъ случай поддержать честь Россійскаго
 флага, заспавило прилѣжно дѣйствовать поч-
 щеннаго Посланника нашего. Видя, что Мар-
 кизъ Чирчелли, при всемъ своемъ благоразу-
 міи, вѣрности къ своему Государю, и пре-
 данности къ Россіи, не можетъ свергнуть ига
 Англичанъ, Министръ нашъ, для скорѣйшаго
 достиженія цѣли своей, обратился прямо къ
 Королю и Королевѣ. Но Маркизь не полу-

чивши еще отвѣсна на первую ноту свою, по настоянію Англичанъ, подалъ новую, коею пребоваль, чшобы фрегатъ непременно оставилъ Палерму въ печеніи одного дня. На сіе Министръ нашъ отвѣщивоваль: чшо фрегатъ не можеть выдти изъ порта, когда на рейдѣ спойтъ непріятельская эскадра; чшо послѣдствія сраженія между силами споль неравными не могушь бышь сомнишельны; чшо фрегатъ пришедъ въ портъ дружественный въ ономъ останеться, и чшо наконецъ Его Сицилійское Величество будетъ Императору Россійскому отвѣчать за всякое оскорбленіе, причиненное его флагу.

Во время сихъ переговоровъ, Капитанъ нашъ видя, чшо покровительство Короля зависящаго отъ Англичанъ было очень не надежно, рѣшилъ дождавчись крѣпкаго попушнаго вѣпра, ночью оставилъ Палерму и полагаясь на легкость фрегата достигнуть другаго болѣе безопаснаго союзнаго порта; почему и попребоваль возвращенія своего пороха. Сицилійское Портовое начальство, сдѣлавъ въ ономъ сначала вѣкопорое затрудненіе, наконецъ приказало доставить намъ порохъ на своей канонерской лодкѣ; но Англискій Адмираль не смотря ни на какое приличіе лодку съ порохомъ задержалъ у своего корабля. Вскорѣ послѣ сего насилія погоже 27 Декабря, служащій при посольствѣ Сиапскій Совѣшникъ Пеш. Ив. Карновъ, прибывъ

на фрегатъ увѣдомилъ насъ, что Англичане вознамѣрились ночью напасть на фрегатъ, почему ошъ имени Министра просилъ Капитана взять свои мѣры и, для безопасности, секретные сигналы и повелѣнія поручить ему.

На рейдѣ, на картечный ошъ нашего фрегата выспрѣль спояли 5 линейныхъ Англинскихъ кораблей, изъ коихъ два были стопушечные, а два фрегата нарочно для насъ ходили подъ парусами при входѣ въ Палермскій заливъ. Въ семь крайне затруднишельномъ положеніи, когда ни уйпи, ни получить пороха было совершенно не возможно, Капитанъ пригласилъ Офицеровъ на военный совѣшъ, и прилѣжно разобравъ всѣ мѣры и средства, служація къ защищенію фрегата, мы согласно положили, и общимъ подписаніемъ рѣшеніе совѣша ушвердили: 1) Оспашься въ Молѣ, 2) на собственыя деньги купишь въ городѣ такое количество пороха, котораго было бы доспащочно для мѣкаго ружья и верхняго дека пушекъ; 3) если Англичане нападуть на фрегатъ линейнымъ кораблемъ, а не на шлюпкахъ и не абордажемъ, тогда разспрѣлявъ весь снарядъ, фрегатъ сжечь.

Лейтенантъ Насѣкинъ посланъ былъ увѣдомишь о семь Министра, что Капитанъ, Офицеры и весь экипажъ положили защищашься до послѣдней возможности, и рѣшились лучше взлешѣшь на воздухъ, нежели сдатьься Англинской эскадрѣ. Дмишрій Павло-

вичъ восхищенный симъ извѣщеніемъ, пожавъ руку Насѣкину ошвѣчалъ: скажите вашему Капитану, что я узнаю въ немъ Рускаго! Намѣреніе ваше самое геройское; но я надѣюсь ошвратишь смерть храбрыхъ людей, скольбы впрочемъ ни славна она была для нихъ. Если же не успѣю, то самъ буду на фрегатѣ и оконча дипломатическое мое дѣло, за счастье почшу раздѣлить съ вами вашу опасность.

Для приведенія въ исполненіе рѣшенія нашего, главнѣйшее затрудненіе было въ покупкѣ пороха. Уже вечерѣло, времени оставалось не болѣе шрехъ часовъ. Мы разослали всѣхъ нашихъ знакомыхъ покупать въ городѣ порохъ. Капитаны Бокезскихъ корсеровъ два брата Петровичи, первые привезли намъ своихъ три бочки, за ними одинъ за другимъ Дашскіе и Греческіе шкиперы доставляли намъ кшо сколько имѣлъ, и шакимъ образомъ въ короткое время получили мы столько пороху, что могли дѣйствовать верхнимъ декомъ и 4 пушками нижняго. Дашскіе шкиперы вызвались помочь намъ своими людьми; Бокезцы по ревности не хотѣли уступитъ имъ сего преимущества, и мы въ самомъ дѣлѣ не имѣя нужды въ людяхъ, отказались отъ сего предложенія и просили снабдитъ насъ только однимъ абордажнымъ оружіемъ; онаго столько было на фрегатѣ доставлено, что каждый стрѣлокъ имѣлъ по три ружья и по два пистолета, а дабы они могли стрѣлять скорѣе,

40 человекъ опредѣлены были только заряжать и подавать гошовья ружья стрѣлкамъ. Бокескіе, Греческіе и Датскіе шкиперы, дали намъ слово, что въ то время, когда Англинскія шлюпки прислануть къ фрегату, они нападутъ на нихъ своими, и какъ скоро фрегатъ будетъ зажженъ, они зажгутъ свои суда и пусятъ ихъ прямо на городъ.

По захожденіи солнца, фрегатъ снабженный доспачнымъ количествомъ пороха и чистомъ оружія, былъ обращенъ такъ сказать въ сухопутную крѣпость. На верхней палубѣ, для удобнаго стрѣлянiя изъ ружей, сдѣланы подмоспки, на марсахъ и русленяхъ изъ офицерскихъ постелей брусшверы; не нужные порты нижняго дека на глухо заколопили; между нижнихъ реевъ на веревкахъ подвѣшенъ былъ баластъ, копорой когда непріятельскіе шлюпки прислануть уже къ борту, долженъ былъ упасть прямо на оныя. Пистолешы, сабли, копья, бердыши, ломы и анщпуги всѣ орудія смерти были положены подъ руками. Въ такомъ оборонительномъ соспоянiи, мы надѣялись, что не легко будетъ взять насъ абордажемъ. Послѣ примѣрнаго ученья, когда всякой уже звалъ, что долженъ будетъ дѣлать въ сраженіи, Капитанъ приказалъ собрать всѣхъ людей на шканцы и просилъ Офицеровъ внушить имъ, сколь необходимо въ глазахъ чужеспранныхъ народовъ, при первой встрѣчѣ и по объявленіи войны въ первомъ сраженіи съ Англичанами, пожертвовать жиз-

нію для спасенія чести флага Рускаго, и если въ неровномъ боѣ мы погибнемъ, то Англичане по крайней мѣрѣ не могутъ похвалиться, что побѣдили насъ, что взяли нашъ Венусъ: храбрые машрозы наши, изъ которыхъ нѣкоторыя отличились еще въ прошедшую съ Шведами войну, на убѣжденіе сіе охотно отвѣчали: ради умереть Ваше Благородіе! не выдадимъ нашего Венуса пока будемъ живы.

Намѣреніе сжечь фрегатъ произвело въ городѣ великое безпокойство, и какъ между тѣмъ всякой желалъ видѣть какъ Англичане будутъ нападать, а фрегатъ и всѣ суда въ гавани стояція будутъ горѣть, то множество экипажей и народа до свѣта стояли на набережной и на Мулъ. Маркизь Чирчелли сначала не вѣрилъ симъ слухамъ, но когда Министръ нашъ объявилъ ему словесно, что нападеніе Англичанъ на фрегатъ будетъ сигналомъ всеобщаго пожара въ Палермскомъ портѣ, онъ сполько былъ симъ озабоченъ, что немедленно поѣхалъ къ Друммонду и увѣдомилъ его о угрожавшемъ бѣдствіи. Оба Министра, ни мало не желая, чтобы угрозы сіи сбылись на самомъ дѣлѣ, сообщили о намѣреніи сжечь фрегатъ Адмиралу Торнброу. Адмиралъ споль же какъ и Министры былъ изумленъ, и что бы въ шочности увѣрился, около полночи осматривалъ фрегатъ, и должно думать, что онъ не нашелъ возможнымъ взять фрегатъ абордажемъ; ибо хотя около 2 часовъ пополночи и собрались Англискія шлюпки съ сол-

дапами у корабля Кенша всѣхъ ближе къ намъ споявшаго; но когда у насъ ударили тревогу въ барабаны, то онѣ опять разѣхались.

На разсвѣтъ 29го Генваря, Ровлей Капитанъ 84хъ пушечнаго корабля Орла (Eagle) привезъ письмо, котораго переводъ ось слова до слова здѣсь предлагается:

*Его Британскаго Величества корабль
Рояль-Соверинъ. Палерма.*

Государь мой!

Объявленіе войны между Великобританіею и Россіею даетъ мнѣ право требовать ось васъ сдать Россійскій Императорскій фрегатъ Венусъ, подъ вашею командою находящійся, эскадрѣ Его Британскаго Величества подъ моими повелѣніями сосиоющей.

При обшояпельстввахъ, въ которыхъ вы находитесь, побѣгъ и сопротивленіе ясно не возможны и слѣдствіемъ бесполезнаго защищенія будетъ только вѣрная потеря храбрыхъ людей вамъ подчиненныхъ. Поэтому надѣюсь, что не принудите меня къ прискорб-

ной необходимости, поддержашь мое шребование силою оружія. Ожидаю немедленнаго ошвѣща и есмь

Государь мой!

Ващъ послушнѣйшій

покорной слуга

Едвардъ Тронброу.

*Вице-Адмиралъ синяго
флага и Командующій
эскадрою Его Британскаго
Величества въ
Палермскомъ заливѣ*

1808 года Генваря 10. н. ст.

Капитанъ Ровлей вручивъ письмо, изустно припомъ объявилъ нашему Капитану, что онъ имѣеть ошъ своего Адмирала предписаніе дать время на размышленіе не долѣе, какъ шокмо до полудня; что ежели фрегашъ въ срокъ сей не будетъ сданъ эскадрѣ Его Британскаго Величества, тогда принужденными найдушя употребить силу. Капитанъ Андреяновъ подавъ руку Ровлею, сказалъ ему: „я ошвѣтомъ „не замедлю, но вошъ вамъ мое честное слово, что фрегашъ мой никогда не будетъ „вашимъ!“ Потомъ оборотясь къ собравшимся на шканцахъ Офицерамъ и служилеямъ продолжалъ: Господа! ребята! мы вчера дали другъ

другу слово и шеперь, когда наступаетъ рѣшительная минута, конечно не опспунимъ отъ него., На сіе Офицеры и весь экипажъ отвѣчали: умремъ всѣ и не сдадимся. Англинскій Капитанъ удивленный симъ кликомъ, не спрашивая, что оный значить и не вступая въ разговоръ, пожелавъ намъ добраго ушра, уѣхалъ.

Мнѣ поручено было опнесеть письмо Торнброу къ нашему Министру. Пришедъ въ домъ послѣдняго очень рано, я разбудилъ людей, но Дмистрій Павловичъ не спалъ, и услышавъ шумъ пошчасъ ко мнѣ вышелъ. Министръ пробѣжавъ письмо Англинскаго Адмирала, спросилъ, чтожъ вы намѣрены шеперь дѣлать? Капитанъ просилъ Ваше Превосходительство приказашъ написашъ по Англински или по Француски отвѣстъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не сдадимся. На что писашъ по Француски, возразилъ Министръ, отвѣчайте ему по Руски, пусть себѣ чинаешъ (*), а я чрезъ шо выиграю часа чешыре времени, постараюсь избавишь васъ опъ бѣды и надѣюсь, что фрегашъ не будетъ въ рукахъ непріятели. Попросите Капитана, чтобы переговоры спарался сколько можно замедлить, а я сей часъ ѣду къ Королю и Королевѣ предложу имъ послѣднее

(*) Сіе шѣмъ болѣе было справедливо, что Англичане сами ведутъ всѣ переписки съ чужештранными державами на своемъ языкѣ.

средство сохранить фрегатъ, честь флага и вашу. Будете покойны и шверды въ своемъ рѣшеніи, можете быть нынѣже вечеромъ мы вмѣстѣ посмѣемся надъ Англичанами.

Вотъ отвѣтъ, который поручено мнѣ было отвѣстить Англическому Адмиралу:

Ваше Превосходительство.

Находясь въ гавани Его Величества Короля Сицилійскаго, союзной и намъ дружественной; зная права неупралишета и госприимства, кои доселѣ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй почитаемы были священными и ненаружимыми; я почитаю себя безопаснымъ отъ васъ. Имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Милоспиваго Государя!

покорный и послушный слуга

Кондратій Андреевъ.

Его Императорскаго Величества моего Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ Капитанъ-Лейтенантъ и Командующій фрегата Венуса въ Палермской гавани.

1807 года Декабря 27 дня. С. Сп.

Имя на шлюпкѣ бѣлый флагъ, приспалъ я къ Рояль - Соверинъ. Капитанъ корабля, встрѣшивъ меня у лѣстницы и не допустивъ караульнаго Офицера завязать мнѣ глаза, пожавъ мнѣ руку сказалъ: вошь какъ обспояпельсхва перемѣняющся и мы шеверъ непрятели; но однакожь никогда конечно не будемъ врагами; Англичанинъ и Руской всегда будутъ уважать и любить другъ друга. Между шѣмъ подошли мы къ двери, шесть часовыхъ съ Офицеромъ ошдали мнѣ честь, мы вошли въ каюшу. Адмираль выступилъ впередъ, поклонилсся, разорвалъ пакешъ, развернулъ письмо, наморщилъ брови, поднесъ письмо ближе къ глазамъ, потомъ подошелъ къ окну, еще разъ посмотрѣлъ, хладнокровно улыбнулся и подавая оное Капитану сказалъ: похоже на Греческія липеры. Потомъ обернувшись ко мнѣ продолжалъ: я не умѣю чипашъ по Руски; вы говорите по Англински, но чтобы скорѣе кончить наше дѣло, объясните въ чемъ смыслъ письма вашего заключаешся?—Мнѣ поручено шолько вручить его Вашему Превосходительсшву.—Такъ вы хопите весшь дипломатическую переписку.—Я молчалъ.—Адмираль взглянул на меня и уразумѣвъ, что я ошвѣчашъ не хочу, закинулъ руки на спину, и началъ ходить по каюшѣ; при каждомъ оборотѣ окидывалъ онъ меня съ ногъ до головы суровымъ взоромъ; я смотрѣлъ въ окно или опускалъ внизъ глаза. Адмираль ошановясь и подумавъ нѣсколько, наконецъ ош-

ривисто сказалъ: пожалуйше обождише, я позову васъ когда будешь нужно. Я поклонился; вышелъ, меня проводили въ каюшъ-компанію, знакомые Офицеры обступя меня спрашивали: чѣмъ вы кончили? ничѣмъ, и разговоръ обратился на поспоронніе предметы. Подали чай, завтракъ и газеты. Каждый Офицеръ приглашалъ меня въ свою каюшу, попомъ водили меня по всему кораблю, считали сколько ядеръ попало въ него въ Трафалгарскомъ сраженіи и наконецъ показали прекрасный арсеналь на кубрикѣ. Ружья, сабли, пистолешы, чистыя и свѣшлыя какъ стекло; гвозди, рымы, блоки и прочія принадлежности расположены по стѣнамъ точно шакъ, какъ въ галаншейной лавкѣ. Вышедъ на верхъ я посмошрѣлъ на часы и чепыре часа уже прошло. Какъ Англичане и у Министра своего не могли видно сыскашь, кпобы перевелъ письмо, по меня въ сіе время позвали къ Адмиралу въ каюшу.

Садитесь; вы не хочише сдатьсья? шакъ началъ Торнброу, и конечно думаете, что я не имѣю права взять фрегатъ вашъ силою или на что нибудь надѣшесь? — Мы сначала полагали, ошвѣчалъ я, что вы для одного фрегата не нарушише должнаго уваженія къ Королю, кошорому не возможно какъ казалось предашь насъ въ руки непріятеля; надѣялись, что Его Величество не потерпимъ, чтобы въ его гавани, въ его глазахъ, оскорбленъ былъ флажный Императора, кошорый два раза возвращалъ ему прешоль; но шеперь мы знаемъ ваше

намѣреніе, и его мысли, не ожидаемъ ни оцъ кого ни какой помощи и почитаемъ себя обязанными исполнить то, что долгъ намъ повелѣваетъ. — Оставимъ разсужденіе, возразилъ Адмиралъ и заключимъ пѣмъ, что вы должны сдаться, ибо переговоры наши иначе кончаться не могутъ. — Одно средство, которое оцъ имени Кашипана осмѣливаюсь предложить Вашему Превосходительству, можешь васъ и насъ избавить нарѣканія: „позвольте фрегату выдти изъ Палермы; позвольте намъ воспользоваться принятымъ морскими державами правомъ и послѣ 24 хъ часовъ не нарушая сихъ правъ, не оскорбляя Короля, мы въ морѣ, а не въ гавани сражаясь рѣшимъ кому предъ кѣмъ спустишь флагъ. Адмиралъ никакъ не ожидавшій такого предложенія, взглянувъ на Венусъ видный въ окно сказалъ the Bird which is-in-a cage more value than-in air, пшичка въ клѣткѣ всегда лучше нежели на волѣ. Не правда ли что фрегатъ вашъ весьма легокъ на ходу? но не уже ли вы думаете ускользнуть оцъ цѣлой эскадры? Я не могу однакожь продолжать Адмиралъ, нѣсколько подумавъ, согласился на предложеніе ваше, во первыхъ, что обязался бы оцъ въ моемъ моему Правительству за напрасное пролитіе крови тогда, когда могу и безъ онаго достигнуть своей цѣли; во вторыхъ изъ личнаго уваженія къ Рускому мужеству, и щадя жизнь храбрыхъ вашихъ людей, въ другихъ случаяхъ могущихъ съ пользою служить своему Отечеству. Я не опнимаю

у васъ чести предлагая сдатьъся цѣлой эскадрѣ, а не одному кораблю. — Вашему Превосходительству уже извѣстно, что мнѣ поручено только доставить вамъ письмо и съ отвѣтомъ вашимъ возвратиться. — Очень хорошо, я дамъ отвѣтъ, но послѣдній, послѣ котораго не приму никакихъ возраженій и предложеній.

Капитанъ пригласивъ меня въ свою каюту, какъ кажешся, имѣлъ порученіе уговорить меня. Вопрь разговоръ мой съ нимъ: не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы хотите защищаться противу пяти кораблей перваго ранга; мужество въ семь случаевъ не у мѣста; любящему свое Ошечество, должно беречь жизнь для лучшихъ обстоятельствъ. Сдашься превосходному въ силахъ непріятелю ошнюдь не безчестно, я вамъ могъ бы привестъ многіе на сіе примѣры, но скажу только одинъ: въ прошедшую войну два нашихъ корабля въ шуманѣ сошлись съ Испанскимъ флотомъ и сдались безъ драки. Рускіе, ошвѣчалъ я на сіе, безъ сраженія никогда не сдаются. Но въ нынѣшнемъ положеніи возразилъ Капитанъ, кому нибудь изъ насъ надобно уступить, и это конечно вамъ. Если Капитанъ и Офицеры согласятся, продолжалъ Капитанъ, сдатьъся безъ сраженія; то не будутъ имѣть причины жаловаться на плѣнъ. Вы въ Англіи будете въ гостяхъ, вездѣ хорошо приняты, и я особенно съ моею спороны предлагаю вамъ домъ мой въ Лондонѣ. — Свободнымъ, а не плѣннымъ, я былъ бы обязанъ благодарить за вѣжливостъ

вашу Г. Капитанъ; но теперь повшоряю вамъ, что я неуполномоченъ вести переговоры и чтобы не прапить напрасно словъ, прошу позволишь мнѣ возвратишься на фрегатъ. Тутъ доложили Капитану, что ѣдетъ Министръ Друммондъ.

Я прокаживался на шканцахъ съ Офицерами, какъ вдругъ подняли сигналъ и вскорѣ со всѣхъ кораблей барказы съ верпами пошли къ кораблю Егль. Это значило, что рѣшились взять Венусъ силою. Подошедъ къ Капитану я просилъ его доложитъ Адмиралу, не угодно ли ему будетъ дать мнѣ немедля ошвѣтъ. Его Превосходительство, ошвѣчаль мнѣ Капитанъ, желаетъ, чтобы вы оспались здѣсь, а шлюпку вашу можете опуститъ. Оспаться здѣсь? не уже ли Г. Капитанъ, вы хотите задержашъ меня? напомните Его Превосходительству, что я парламентаръ и кто повѣритъ, что меня задержали? товарищи мои подумашъ могутъ, что я самъ по своей волѣ у васъ на корабль оспался. Надѣюсь, что Англинскій Адмиралъ безъ нужды и безъ причины такъ безчеститъ меня не пожелаетъ. Успокойтесь, пожавъ мнѣ руку, сказалъ Капитанъ, побъжайте; очень впрочемъ жалѣю, что вы будучи уже ранены, не хотите избавитъ себя опасноси, которой могли бы избѣгнутьъ.

Во время, какъ я находился на Англинскомъ Адмиральскомъ кораблѣ, Капитанъ нашъ ѣздилъ къ Министру, прося его не оставитъ своею помбщю. Дамптрій Павловичъ ошвѣчаль

ему, я съ своей стороны по долгу службы, сдѣлаю все, что будетъ возможно; ѣду сей часъ къ Королю и предложу ему послѣднее средство избавить васъ отъ рукъ Англичанъ; впрочемъ вы люди военные, и если предложеніе мое Королемъ принято будетъ, а вы не разсудите оному послѣдовать; въ такомъ опасномъ случаѣ сами собою располагать должны.

По возвращеніи моемъ на фрегатъ во 2-мъ часу по полудни, когда корабль Егль, началъ уже завозами шлануться къ гавани, изъ города показалась скачущая конница, попомъ артиллерія и наконецъ пѣхотная гвардія Короля Сицилійскаго; на всѣхъ крѣпостяхъ, чего прежде не дѣлывали, подняли флаги. Множество экипажей стояли на Марино, окна и террасы домовъ обращенныхъ къ гавани покрыты были народомъ. Какъ фрегатъ сползъ у оконечности Моты и могъ бытъ опакванъ съ лѣваго борта, то мы, дабы закрыть корму, подшланулись ближе къ пристани, и носомъ упираясь на корабль Архимедъ, стали въ такомъ положеніи, что корабль сей, а за нимъ споявшіе два Неаполитанскіе фрегата, при зажженіи Венуса, должны были вмѣстѣ съ нами лѣтъ на воздухъ. Министръ нашъ воспользовавшись замедленіемъ переговоровъ успѣлъ спасти насъ отъ алчности Англичанъ. Онъ предложилъ Королю, фрегатъ нашъ взять лучше себѣ, нежели отдать его въ своей гавани Англичанамъ.

Его Величество объемлемый спрахомъ и желая сохранишь дружество съ обоими своими могущесшвенными союзниками, съ благодарноспію принялъ сіе предложеніе Г. Тапищева. Въ прешьемъ часу по полудни, когда корабль Егль былъ уже опъ гавани на своемъ выспрѣль, прибылъ къ намъ на фрегатъ уполномоченный опъ Сицилійскаго Министерспва, Полицмейсперь Палермскій кавалеръ Каспрони и вмѣстѣ съ нимъ опъ Миниспра нашего секретаръ посольспва Алек. Яков. Булгаковъ. Первый именемъ Короля объявилъ: что фрегатъ со всѣми принадлежноспями, какія приняты будутъ, по заключеніи мира возвратятся нашему правительспву, Офицеры и служиспели, когда согласяся сдатьъся безъ сраженія, которое должно быть пагубно всему Палермскому порту, не будутъ почишашъся плѣнными, а гостями и при первомъ случаѣ, по полученіи опъ Императора Россійскаго соизволенія, или останушяся до заключенія мира съ Англіею въ Палермѣ, или возвращашяся въ Россію; доставленіе и содержаніе по Русскому шпашу, Король беретъ на себя. Секретаръ Посольспва подтвердилъ, что Дмипрій Павловичъ исходашайспвоваль для насъ сію Капишуляцію и мы можемъ оною воспользовашъся. Капишанъ призвавъ всѣхъ Офицеровъ и служиспелей на шканцы, объявилъ о предложеніи Короля и претбоваль согласія. Машрозы опшвѣчали, что они согласны, если предложеніе будетъ принято Капишаномъ и

Офицерами. Какъ условіе было самое удовле-
творительное, то Капитанъ по общему согла-
сію, объявилъ Полицмейстеру, что фрегатъ на
сбереженіе вручается Королю Сицилійскому.
Кавалеръ Каспрони призвалъ съ корабля Ар-
химеда 10 человекъ солдатъ, и въ то самое
время, когда Англинскій корабль Егль оборо-
чивался бортомъ къ Венусу, дабы открышь
огонь, вмѣсто нашего поднятъ былъ на фре-
гатъ Сицилійскій флагъ. Оставя на фрегатъ
своемъ караулъ (*), мы перѣехали на Молю, взя-
ли съ собой флагъ и опдали ему честь зал-
помъ изъ ружей и крикомъ ура! Наслѣдный
Принцъ Леопольдъ съ Герцогомъ Гассенъ-Фи-
липспальскимъ, первые подѣхали къ нашему
фронту, и благосклонно разговаривали съ
Капитаномъ и Офицерами, благодарили насъ,
что избавили Короля отъ большаго неудоволь-
ствія и потчасъ приказали Бригадиру на-
чальнику порта помѣстить манрозовъ въ
упразднившемся монастырѣ близъ Молю на-
ходившемся, а для Офицеровъ нанять домъ
въ городѣ.

Англичане, видя себя шакъ искусно обма-
нушыми, все негодованіе свое обратили на

(*) Фрегатъ послѣ былъ сданъ Сицилійскому Прави-
тельству по описи, за общимъ подписаніемъ упол-
номоченнаго отъ порта чиновника, нашего Капи-
тана, Ревизора и Секретаря посольства Алек. Яков.
Булгакова.

Сицилійской Дворъ, а особливо на Королеву, которую они называли душею Руской партии. Друммондъ оскорбленный неудачею жаловался Ея Величеству, но Королева отвѣчала ему: „Мы поссорились за Англію съ Россією и должны съ сею сильною державою нести бремя войны; справедливость пребудетъ, чтобы мы пользовались и преимуществами, съ войною сею сопряженными, а потому и требовали мы, чтобы фрегатъ Венусъ сдался намъ. Кшо можешь у насъ оспаривать сію добычу?

Министръ нашъ возвратившись отъ Короля и Королевы въ то самое время, когда на Венусъ подняли Сицилійскій флагъ, подаль ношу Маркизу Черчелли, въ коей между прочимъ было сказано: что предложеніе, сдѣланное сего ушра Капишану фрегата Венуса Англинскимъ Адмираломъ и двѣ ношы отъ Сицилійскаго Двора служатъ доказательствомъ, что онъ дѣйствуетъ съ Англією совокупно противъ насъ; что сколь велика ни была бы храбрость Рускихъ, фрегатъ не имѣющій даже пороху, не можешь сразиться съ пятью линейными кораблями и не можешь прошивуешь морскимъ и сухопутнымъ силамъ цѣлаго Государства, что пролитіе крови въ семь случаевъ было бы безразсудно, и что по симъ уваженіямъ Руской фрегатъ вручается Его Сицилійскому Величеству. Министръ оканчивалъ ношу, что слагаетъ съ себя званіе Посланника, снимаетъ съ дому своего гербъ

Россійскій (*), оставаясь въ Сициліи покло до времени, какъ частное лице.

Король искренне благодарилъ Г. Ташицева за то, что доставилъ Его Величеству средство дать Государю Императору доводъ своей нелицемѣрной преданности, не подвергая себя мщенію Англичанъ. „Что дѣлать намъ островитянамъ, сказалъ Король, гдѣ много воды, шумъ много и Англичанъ! „Хотя чрезъ нѣсколько дней, по настоянію Г. Друммонда, прислали къ монашью, мапрозамъ нашими занимаемому, Сицилійской караулъ и предложили ружья сложить въ магазейнъ, шунъже въ казармѣ находившійся; но солдатамъ позволили носить шапки, въ инструкціи же караульнаго Сицилійскаго Офицера было сказано: охранять насъ отъ Англичанъ, не допускать подозрительныхъ людей въ казармы и быть въ полномъ распоряженіи у дежурнаго Россійскаго Офицера. Посему при смѣнахъ Сицилійской Офицеръ рапортовалъ нашему, а солдаты его, которые спали на часахъ у воротъ монашью, повиновались нашимъ мапрозамъ, вмѣстѣ съ ними опправлявшимъ караулъ. Словомъ, съ нами обходились какъ съ друзьями и не почивали насъ плѣнными. Такимъ образомъ кончилось къ удо-

(*) Во всей Италіи Дипломатическій Агентъ выплавляетъ обыкновенно на воротахъ дома имъ занимаемаго Гербъ своего Государства.

вольствію обѣихъ споронъ дѣло, которое безъ присутствія духа Россійскаго Министра и рѣшительности Капшана Андреянова могло бы имѣть весьма невыгодныя для насъ послѣдствія. За таковою подвигомъ Тайный Совѣтникъ Танищевъ при возобновленіи дружественныхъ сношеній былъ награжденъ ономъ Короля орденомъ св. Фердинанда, а Секретарю посольства А. Я. Булгакову пожалованъ орденъ св. Конспаншина.

До отъѣзда Дмитрія Павловича обходились съ нами очень снисходительно; всѣми удовольствіями, какія имѣли въ продолженіе пребыванія нашего въ Палермѣ, обязаны мы достопочтенному сему Министру. Онъ представилъ насъ Королю и Королевѣ, рекомендовалъ нѣкоторымъ особамъ Двора, которыхъ въ отсутствіе его могли удовлетворять нуждамъ нашимъ, любилъ, что бы мы чаще были у него и старался доставить намъ пріятное времяпровожденіе. По отъѣздѣ Министра, мы сей часъ почувствовали, что лишились ходатая и защитника. Едва оставилъ онъ Палерму, людямъ уменьшили положенную порцію, попомъ временно спали удерживать и сію, такъ что маэпрозы наши принуждены были искать работою пропитанія. Дюку де Бельмонте, котораго загородный домъ находился близъ казармъ, Рускіе оставили по себѣ памятникъ; ибо то, что предполагалъ онъ окончить въ годъ, команда наша сдѣлала ему въ два мѣсяца. Каменный утесъ былъ взорванъ, обдѣланъ и

обращенъ въ Англинской садъ, долженствующій по предполагаемому плану служить наилучшимъ украшеніемъ окрестностей Палермы. Офицерамъ не давали никакого содержанія и спороною подсылали подговаривашь маэпрозовъ въ Англинскую службу. Непрiятность слѣдовала за непрiятностію. 3-го Морскаго полку рядовой Епифановъ, по старому знакомству съ Англинскимъ сержантомъ зашедь съ нимъ въ пракширъ, выпилъ лишнюю чарку. Англичанинъ замѣшивъ, что шавариць его довольно весель, предложилъ ему принять Англинскую службу и въ задапокъ давалъ ему нѣсколько червонцевъ. Епифановъ появля для чего шакъ усердно его подчивали. Принявъ червонцы, бросилъ оныя ему въ глаза, вылилъ на голову изумленнаго сержанша оспальное вино и вышолкалъ его изъ пракшира на улицу. Англинскіе наборщики, никакими хитростями не успѣвши подкупить ни одного изъ маэпрозовъ нашихъ, осмѣлились наконецъ брать ихъ силою на корабли свои; и одинъ разъ схвативши прехъ маэпрозовъ, не успѣли увесить ихъ; ибо караулъ близъ Арсенала бывшій всступился за нашихъ; Англичане получивши помощь съ своего Брига, прогнали было Сицилійскихъ солдатъ; но шуть подошлись изъ казармы наши маэпрозы, началась драка, копорая къ счастью кончилась шолько шѣмъ, что дерзкихъ изрядно поколошили, принудили бѣжашь и опнявъ у нихъ шлюпку изломали оную въ щепы. Въ другой² разъ въ

сагомъ городѣ, схватили было нашего мапроза; но чернь отбила его, пушъ едва не дошло до кинжаловъ и каменьевъ; къ счастью полиція подоспѣла во время, и до драки не допустила. Сии поступки не могли быть скрыты отъ Короля; они возбудили въ немъ справедливое негодованіе. Его Величество приказалъ караулъ при казармѣ нашей удвоить, и не пускалъ Англинскихъ мапрозовъ далѣ Арсенала.

По необходимости принуждены мы были, кромѣ работъ въ саду Дюка де Бельмонше, запретить людямъ нашимъ выходить изъ казармъ; они хотя чрезъ сіе и лишились многихъ другихъ выгодъ; однакожъ не только не ропсали на нужду, но съ швердосцію отказались отъ предложеній, дѣлаемыхъ имъ даже чрезъ караульныхъ у казармы Сицилійскихъ солдатъ вступить въ Англинскую службу, и напоследокъ къ концу пребыванія нашего въ Палермѣ, повинуюсь приказанію Капитана не выходили даже за ворота. Когда спорною дали знать мапрозамъ, что если они хотяшъ, то не смотря на запрещеніе Капитана, имъ позволяшъ выходить для своихъ работъ, кому куда угодно будетъ и даже оппускашъ ихъ однихъ безъ Офицеровъ въ Россію; то къ чести всего экипажа должно сказать, что они предложеніе сіе опвергли съ неудовольствіемъ и объявили, что они изъ повиновенія своихъ начальниковъ не выдутъ, и безъ нихъ и въ Россію возвратишъ не хотяшъ. Послѣ сего неудачнаго опыта съ людьми нашими, подъ ви-

домъ недоставка денегъ, предложили Офицерамъ выдатьшь только имъ однимъ жалованье; но мы также объявили, что одни безъ служителей, не хотимъ имѣть прошиву ихъ никакихъ выгодъ и хотя въ деньгахъ имѣли крайнюю нужду, но опъ принятія оныхъ отказались. Всѣ наши бѣды, какъ мы полагали, происпекали опъ Маркиза Чирчелли, дѣйствовавашаго въ угодность Англичанамъ. Онъ услышавъ, что мы отказались опъ жалованья и опасаясь, чтобы жалобы наши не дошли до Королевы, призвалъ къ себѣ Лейтенанша Насѣкина, по знанію Италіянскаго языка рекомендованнаго ему опъ Дмитрія Павловича для нужныхъ сношеній нашихъ съ Правительствомъ, ласково предложилъ ему: отправивъ Капитана съ Офицерами, для коихъ какъ онъ сказалъ и судно уже готово; а людей, какъ скоро същется другое, оппускашь вслѣдъ за нами съ условіемъ, чтобы мы Офицеры напередъ дали честное слово не служивъ въ продолженіи войны прошиву Англичанъ. Насѣкинъ понявъ къ чему клонится такое предложеніе опѣчалъ: Офицеры безъ людей, равно и они безъ насъ, какъ уже вамъ извѣстно, не могутъ и не должны согласиться одни безъ другихъ отправившись куда либо, и мы не только не дадимъ честнаго слова не служивъ прошиву Англичанъ, но и прошиву васъ; ибо мы Сицилійцамъ не сдавались, мы здѣсь не плѣнные и слово Короля оппустишь насъ при первомъ случаѣ, безъ всякаго условія, должно

быть свяшо исполнено. Министръ огорчен-
ный такимъ отвѣтомъ началъ угрожать. На-
сѣкинъ повспорилъ ему, что онъ, равно и его
поварищи, привыкли уже не спрашиваться и
самой смерти; конечно не убоаясь однихъ уг-
розъ Министра, которому должно знать, что
всякое насиліе отъ стороны его Прави-
тельства Рускимъ сдѣланное, будетъ не
только несправедливостъ, но и неблагодар-
ностъ; и что онъ полагаясь на праводушіе
Короля и Королевы, смѣло опровергаешь и
впредь не примешь никакихъ симъ подобныхъ
предложеній. Маркизь сколько смутился си-
ми послѣдними словами Насѣкина, что выхо-
дя изъ своего кабинета, во гнѣвъ ему ска-
залъ: если такъ, то могу увѣрить васъ, что
можешь завсраже перемѣнить вы шонъ Рим-
лянина; я имѣю средствъ, засшавишь васъ
дѣлашь то, что мнѣ нужно.

Угрозы сіи ничего не обѣщали намъ хо-
рошаго. Капитанъ знавши, что Министръ мо-
жетъ обвинишь насъ предъ Королевою, въ угод-
ностъ Англичанъ, поступишь съ нами какъ
ему вздумается, пригласилъ къ себѣ на квар-
тиру всѣхъ Офицеровъ, дабы согласишь
какъ опразишь сіи нападки Маркиза. Въ сіе
время дежурный Офицеръ прислалъ сказашь,
что команда просишь всѣхъ Офицеровъ при-
йти въ казарму. Это насъ очень удивило. Ка-
питанъ будучи не здоровъ, поручилъ спарше-
му Лейтенанту Мѣльникову разыскашь, кто
первый осмѣлился сдѣлашь такое предложеніе

и наказатъ въ примѣръ другимъ. Но должно предсавившъ наше негодованіе, когда караульный Сицилійскій Офицеръ, вспрѣшившій насъ за ворами монашья, съ поропливостію и въ великомъ страхѣ объявилъ, что онъ не знаешь, что дѣлашь; что машрозы наши не слушающъ его и нашего дежурнаго Офицера, что самовольно ошперли магазейнъ и разобрали по рукамъ сложенное въ ономъ оружіе. Едва вошли мы въ казарму, безпорядочной шумъ, при первомъ голосѣ начальниковъ ушихъ, и всѣ безъ малѣйшаго нехотѣнія по приказанію Г. Мѣльникова, пошчасъ спали во фруншъ. Когда мы, разумѣеся въ великомъ гнѣвѣ, начали выговаривашъ и спрашивашъ, кто осмѣлился подашъ голосъ къ неповиновенію и буншу Машрозы Копшевъ, Аванасьевъ, солдашъ Епифановъ первые вышли передъ фруншъ, за ними самъ боцманъ и еще человекъ десять лучшихъ, исправнѣйшихъ и добраго поведенія людей. Первый изъ нихъ Копшевъ шакъ начинаешъ: напрасно Ваше благородіе называешъ насъ буншовщиками, извольте выслушашъ и вы увидите, что мы никогда не думали вышши изъ повиновенія; ибо очень знаемъ, что безъ начальниковъ какъ безъ головы, а паче здѣсь на чужей сторонѣ, мы всѣ пропадемъ. Правда, мы безъ просу взяли ружья и порохъ; но взяли его для защиты васъ, а не для другаго чего. Вамъ извѣсно, что мы ошказались одни безъ васъ ошправившъ въ Россію, шеперь мы слышимъ

что всѣхъ Г.г.Офицеровъ хотѣшь посадить въ тюрьму, а насъ силою опдашь на Англинскіе корабли; мы опасаясь исполненія того или другаго, и какъ кварширы ваши въ городѣ слишкомъ опъ казармъ удалены, то мы и о смѣлились просить васъ къ себѣ съ шѣмъ, чшобы или защищашься прошиву приѣѣсненія, или неразлучно съ вами ипши въ тюрьму, и что шеперь прикажете, мы все готовы исполнить. Послѣ угрозъ нашихъ, когда уже все было приговорено къ спроному наказанію начинщикъ, изумленіе, переходъ опъ гнѣва и огорченія къ радости и удовольствію, представивъ и описать не возможно. Когда Копшевъ просшими словами, но смѣло объяснилъ мысли всѣхъ своихъ товарищей, и когда нѣкоторые изъ Офицеровъ примолвили: однакожь то онъ положивъ шапку на земь сказалъ: я начинщикъ, меня одного и наказывайте. При семъ словѣ и самые спрое изъ насъ неволью опустили глаза внизъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ краснорѣчиваго молчанія, когда съ одной спороны поражены были справедливостію представленія, съ другой со смиреніемъ ожидали приговора начальческаго и наказания, никто изъ Офицеровъ не смѣлъ въ другой разъ повспорить многозначущее однакожь Я едва могъ удержаться, чшобы не обнять Копшева, и дожидаль съ неперпѣіемъ, что скажутъ старшіе меня, а когда сіи какъ бы по невольному движенію, сказали: „Копшевъ! ты правъ.“ То я подошедъ къ нему

сказалъ: Копшевъ ты молодець, славной мап-
розъ, ты благородный человекъ. Всѣ Офицеры
перемѣня попомъ шонъ, смягчивъ голосъ, какъ
бы не смѣя приказывать такой командѣ, ко-
торая благородною рѣшимостію и преданно-
стію заслужила нашу признательность, спа-
рались ласковыми словами внушить, что
взявша за оружіе было бы дѣло безразсудное,
что такой поступокъ будетъ намъ пагубенъ,
и что мы до рѣшенія нашей участи, останем-
ся въ казармѣ и на квартиры не поидемъ.
Послѣ сего мапрозы безъ малѣйшаго проши-
ворѣчія, сложили оружіе на прежнее мѣсто.
Сицилійскій Офицеръ, ожидавшій дурныхъ для
себя послѣдствій, будучи въ восхищеніи опъ
такой скорой перемѣны въ расположеніи лю-
дей и для него непоняшной подчиненности,
ломая руки восклицалъ о! che Gente che Gente!
(какой народъ!). Когда Бригадиръ, копорому
мы поручены были, по увѣдомленію карауль-
наго Офицера прѣхалъ, то мы ему объявили
о угрозахъ Миниспра и о своемъ намѣреніи
оспашься съ мапрозами въ казармѣ и ни подъ
какимъ видомъ съ ними болѣе не разлучашься.
Будьше покойны отвѣчалъ Бригадиръ, Король,
а особенно Королева васъ сполько уважаетъ,
что Миниспръ не осмѣлился употребить
прошиву васъ насиліе; онъ по печальной для
всѣхъ насъ зависимости опъ Англичанъ, спа-
рается угрозами побудить васъ къ какому
либо безпорядку, дабы представить оной Ко-
ролю, разлучить васъ съ людьми, сдѣлать

пѣмъ угодность Друммонду, а болѣе Тронброу, которому очень хочешся имѣшь на своихъ корабляхъ Рускихъ машрозонъ.

Дабы и впредь оградишь себя опъ нападковъ Маркиза Черчелли, на другой же день по болѣзни Капитана пяшь Офицеровъ пошли во Дворецъ съ прозьбою. Королева удостоила приняшь насъ первыхъ. Когда мы введены были въ ея кабинетъ, Ея Величество уже ожидала насъ у самыхъ дверей, и взявъ бумагу не чипая ее, милоспиво сказала: „объя-
„сните мнѣ, въ чемъ ваша нужда, я за удо-
„вольствіе почшу во всемъ удовлетворить
„васъ.“ Когда Насѣкинъ въ короткихъ словахъ пересказалъ разговоръ его съ Министромъ, по Королева отвѣчала: „Я не понимаю, почему сдѣлали вамъ эту непріятность: впрочемъ кажешся когда оппускають Францускихъ Офицеровъ, по они очень охотно дають честное слово; но и по правда, что они никогда его и не держуть.“ Насѣкинъ въ отвѣтъ на сіе осмѣлился представить Ея Величеству, что въ царствованіе Екатерины II, былъ примѣръ, что одинъ Офицеръ находясь въ плѣну у Шведовъ, и давши слово въ продолженіи войны не служить прошиву ихъ, по прибытіи въ Россію былъ за по опсавленъ опъ службы. Ея Величество благосклонно выслушавъ отвѣчала: очень вамъ вѣрю, и сіе ваше обыкновение не давашъ честнаго слова похваляю; но вы у меня не плѣнные; надѣюсь, что вы сами такими себя не почиаете, боюсь одна-

кожъ, не огорчили ли васъ чѣмъ либо болѣе, нежели словами; ибо намъ не возможно Рускихъ почипашъ своими непріятелями; одинъ Богъ и вашъ Императоръ моя единая надежда; шакъ, одинъ Александръ, продолжала она съ чувствомъ и поднявъ къ небу глаза, одинъ только онъ швердая опора припѣсненныхъ и только ему одному возможно прекрапашъ сей хаосъ..... Успокойшесь, я опшущу васъ безъ всякаго условія, какъ моихъ друзей; выбирайте гавань, куда будешъ способнѣе васъ доспавишъ и вы немедленно опправившесь. Обѣщаніе Королевы было въ почности исполнено; намъ выдали все что слѣдовало, сверхъ положеннаго по нашему морскому уставу, Король за доброе и примѣрное поведеніе людей, копорые въ пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ, заслужили общую похвалу, пожаловалъ намъ особенно на пушевыя издержки, и наконецъ послѣ многихъ неудовольствій, по желанію нашему, на двухъ наняпыхъ купеческихъ Австрійскихъ судахъ 12 Апрѣля 1808 года мы опплыли въ Триестъ, гдѣ стояла эскадра Капшанъ-Командора Салпанова. Такимъ образомъ съ честію, съ оружіемъ и барабаннымъ боемъ, перебрались мы на суда, на копорыхъ на большей мачшѣ подняли мы Россійской, а на передней бѣлой переговорной флагъ.

*На пути отъ Палермы до Триеста.
Нѣчто о Мессинѣ.*

При шихомъ вѣтрѣ и пасмурной погодѣ оставили мы Палерму. Обширный городъ сей, въ нѣкошоромъ отъ него удаленіи, представляется въ наилучшемъ видѣ. Гавань, наполненная кораблями, великолѣпныя зданія обнесенныя стѣною, видъ и всѣ окрестности столицы, въ 10ши миляхъ отъ оной, имѣють прекраснѣйшее положеніе. Въ вечеру мы проходили островъ Упику, напоминающій смѣлосць Варварійскихъ разбойниковъ и слабосць Неаполишанскаго правительсва. Корсеры обыкновенно присвавали къ сему острову, на коемъ есць солдашы для спражи и небольшая крѣпосць для охраненія солдашъ; не смотря на сіе до водворенія Англичанъ въ Сициліи, Алжирцы безнаказанно брали суда въ самой гавани Палермской.

Ночь была прекраснѣйшая, мы плыли съ попушнымъ вѣтромъ и располагали завтрабышь въ Мессинѣ; но небо опредѣлило иначе и море также. При разсвѣтѣ 13 Апрѣля, когда находились мы между Липарскими островами и Сициліею, вѣтръ сильный и прошивный развелъ большое волненіе, горизонтъ покрывъ былъ мрачными тучами; мы лавировали у острова Липари, гдѣ, какъ говорятъ, Эоль заключилъ въ пещеру вѣтры; но въ эшотъ день они были на свободѣ. Шхиперъ нашъ подошедъ весьма близко къ берегу, отъ прибора волнъ не успѣлъ

поворошить противъ вѣтра (черезъ овершпашъ) и спускаясь по вѣтру чуть не посадилъ судна на камень. Опъ неудачи сей, шхиперъ потерялъ голову; кричалъ, суешился и не зналъ что дѣлать; машрозы его вынесли La Madonna (образъ Богородицы), пославили ее къ мачтѣ и начали молишься о прекращеніи бури; но въ самомъ дѣлѣ вѣтръ былъ не такъ силенъ; неловкость машрозовъ и поропливость шхипера были причиною напраснаго шума. Капитанъ нашъ прогналъ шхипера въ каюту, Италіанцевъ его оставилъ молишься, а своимъ машрозамъ приказалъ опправлять должность. Къ полудню вѣтръ опшелъ, сдѣлался попушный, и мы смонря по на одну, по на другую сторону, наслаждались скорымъ ходомъ, и съ удовольствіемъ глядѣли на снѣжную пѣну, которая клубилась и клокошала вокругъ судна. Къ вечеру вѣтръ началъ уменьшаться, мы шли вдоль зеленѣющагося берега Сициліи. На одной сторонѣ мелькали города, деревни и монастыри, а съ другой синѣлись Липарскіе острова, изъ которыхъ чешьре извергали дымъ, наподобіе курильницъ, пославленныхъ на гладкомъ сполѣ. Ночь была шемна, но шиха и пріятна. Спромболи изрѣдка выбрасывалъ пламя. Видъ сей представлялъ взору такую картину, для изображенія которой шрудно найши художника. Изверженіе огнедышущей горы дѣлаешъ сильное впечатлѣніе въ помъ, кто еще не привыкъ къ оному. Непомятно пому покажешся, какъ Италіанцы

могутъ шупить и весело пѣть близъ оныхъ. Что можетъ быть въ природѣ ужаснѣ землетрясенія? Твердѣйшаго гранита горы, коихъ вершины въ облакахъ, до основанія разрушающа, перемѣняютъ видъ и даже мѣсто; а человекъ, сія персть земная, не смотря почти на ежегодное разрушеніе вокругъ его распространяемое, бодрствуетъ прошиву всего, и близъ такихъ горъ спокойно наслаждается жизнью. Должно согласишься, что ничего нѣтъ храбрѣ привычки.

14 го Апрѣля. Когда мы вошли въ Мессинской проливъ и находились посреди пучинъ, вѣтръ, бывшій до сего времени довольно свѣжъ, вдругъ уменьшился. Наше судно, держась ближе къ Фаро, успѣло обойти косу благополучно; другое же, на коемъ находился Лейтенантъ А. М. Мельниковъ съ половиною экипажа, попало въ самой сильной водоворотъ, и было выброшено на Калабрскій берегъ. Француская батарея, построенная на семь берегу, не смотря на то, что на суднѣ подняты были Россійскій и бѣлой переговоровной флаги, открыла огонь сначала ядромъ, потомъ картечью. Въ защиту нашего судна, Англичане начали стрѣлять изъ одной пушки большаго калибра, поставленной у маяка Фаро; каждое ядро изъ оной падало прямо на Французкую батарею. Такимъ образомъ союзники приняли насъ, какъ враговъ, а неприятели, уважая переговоровный флагъ, защищали какъ друзей. Оставляю всякому судить, что мы при семъ чувствовали. Хотя

Судно стояло уже на мѣли и слѣдовательно было во власти Французовъ; но они спрѣляшь не преспавали; почему Капитанъ Ан- дреяновъ послалъ на шлюпкѣ Лейтенанта На- сѣкина для объясненія съ Французами. Лей- тенантъ не смотря на ружейный и каршеч- ный огонь, присталъ къ берегу и тогда съ бапарей переспали спрѣляшь. Французскій Офицеръ, командовавшій бапареею, извинялся, что онъ претей дивизіи нашъ флагъ почелъ Англинскимъ. Прекрасное извиненіе! Судно по- вреждено было въ мачтахъ, два Италіанскихъ мачпроза, спряшавшіеся въ прюмъ, были тамъ убиты ядромъ, а изъ нашихъ, споявшихъ на палубѣ ни одного не убило и не ранено.

Прибывъ въ Мессину, Капитанъ послалъ меня съ письмомъ къ Англинскому Генералу, командующему гарнизономъ и крѣпоспью, про- сить, чтобы позволилъ послать нѣсколько ло- докъ для снятія судна съ мѣли; еспли же сіе окажется не возможнымъ, то команду нашу перевешъ въ Мессину, опкуда для опсправле- нія въ Тріестъ нанять другое купеческое су- дно. Я пріѣхалъ сначала на бранвахпу. Ка- питанъ бранвахтеннаго фрегата сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ еще повелѣнія пускашь насъ на берегъ, что онъ для испрошенія сего, сей часъ ѣдетъ къ Генералу и можешъ па- кешъ опъ Капитана нашего вручить ему и немедленно доставить отвѣтъ. Англинскій Капитанъ ескорѣ возвратился и объявилъ мнѣ, что Генералъ охотно согласился удовлетворить

всѣ наши желанія; но сомнѣваясь, чтобы Французы также благосклонно приняли наше предложеніе; ибо они, не уважая ни какого флага, берутъ всѣ суда, какія по несчастію печеніемъ бросаешь, на ихъ берегъ; находилъ за необходимо нужное ошобратъ напередъ мнѣніе Францускаго Генерала, командовавшаго авангардомъ въ Реджіо; и если Капитану нашему угодно для сего сношенія послать своего Офицера; по, для перевозу его въ Реджіо, будешь дана лоцманская лодка. Лейтенантъ Насѣкинъ въ прошъе день былъ ошправленъ и 18 Апрѣля возвратился съ неблагопріятнымъ ошзывомъ. Францускій Генераль не хотѣлъ вѣришь, что бы Англичане съ добрымъ намѣреніемъ оказывали намъ свои услуги; и думалъ, что за такое снисхожденіе, они, когда оба судна будутъ въ Мессинѣ, задержашъ оныя и насъ возмутъ въ плѣнь; и что онъ самъ собою не можешь рѣшиться на удовлетвореніе прозьбы нашего Капитана. Курьеръ, посланный въ главную кварширу, въ Козенцѣ бывшую, привезъ слѣдующее рѣшеніе главнокомандующаго Генерала Француской Арміи: „Австрійское судно задержашъ, людей же нашихъ на немъ находящихся ошправитъ чрезъ Неаполь, Римъ и Анкону въ Венецію, гдѣ стоить наша эскадра. Для сопровожденія дашь Францускаго офицера, коему приказашъ по требованію Лейтенанша Мельникова, доставлять все нужное. Въ семъ непріятномъ для насъ обстоятельстве, ошкрывается нѣкошорымъ образомъ причина

дѣйствій и поступковъ Англичанъ и Французовъ. Ненависть сихъ двухъ націй, конечно происходитъ отъ самолюбія и соперничества. Кто много думаетъ только о себѣ, тотъ не можетъ быть справедливъ къ другому, и вошь причина, вошь источникъ довольно мутный ненависти унижающей оба народа. Англичане виняшъ Французовъ; Французы браняшъ Англичанъ; и тѣ и другіе и правы и виноваты. Въ нѣкоторыхъ однакожъ случаяхъ должно оправдать Англичанъ; они иногда уважають прѣва народныя и бывають вѣжливы; Французы подражая Наполеону пренебрегаютъ всѣми уставами и бывають вѣжливы только на словахъ.

Едва мы вошли въ гавань, какъ Графъ Кауницъ (сынъ Министра), Австрійскій Посланникъ при Сицилійскомъ Дворѣ, первый посетилъ насъ и предложилъ свои услуги. Капитанъ съ благодарностію оныя принялъ; ибо хотя и оставался въ Мессинѣ нашъ Консулъ Манзо, но онъ будучи частнымъ лицомъ не смѣлъ къ намъ показаться. На другой день мы сами ошъискали его квартиру, у него денегъ не было и помощь Графа была очень кстати.

Пригопование Французовъ сдѣлашъ высадку на Сицилію, остановило торговлю. Англическіе купцы были въ великомъ безпокойствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ колониальные свои товары продавали за безцѣность; другіе, болѣе дальновидные, скупали оныя, и не обманулись

въ рѣзкошѣ. Наполеонъ дѣлалъ великія прі-
угошвленія въ Калабріи для покоренія Сици-
ліи, почно съ шюже цѣлю, какъ послѣ Амь-
енскаго мира, изъ Булони, не имѣя корабель-
наго флота, на канонерскихъ лодкахъ (быть
можеть и на воздушныхъ шарахъ) хотѣлъ
высадить войска въ Англію и вдругъ со всею
армією обратился на Австрію; и Сицилія бы-
ла шакже шолько ошводомъ для нападенія на
Испанію.

Иждивеніемъ и шрудами Англичанъ, всѣ
укрѣпленія Мессины нынѣ приведены въ луч-
шее сосшояніе. Въмѣсто прогулки, я пошелъ
осматривать портъ и крѣпости. Гавань Мес-
синская (*) подобная ковшу, ешь наипрекрас-
нѣйшая по мѣстоположенію, безопаснѣйшая по
удобности и конечно можеть почесшья изъ
числа лучшихъ въ свѣшѣ. Пропиву Палацаты,
сосшавляющей полкруга, закрѣпившися кана-
шами за набережную стояшъ военные и ку-
печескіе корабли. Груншъ повсюду иль, глуби-
на близъ берега къ городу ошь 8 до 35,
по средиже гавани простираешся до 60 са-
женъ. Узкая песчаная коса (**), загибающаяся
пропиву набережной шакже въ полкруга, об-
разуешъ обширной Бассейнъ съ единшвещъ

(*) Смощри каршину.

(**) Баснословные Греческіе писатели повѣшвуютъ
что Саншурнова коса упавъ на сіе мѣсто начерши-
ла сію фигуру.

нымъ входомъ шириною въ 220 сажень. Пучина Харибды, сильнымъ своимъ печеніемъ иногда затрудняетъ входъ въ гавань; но корабли могутъ оспанавливаться и внѣ оной, имѣя только одну осторожность, а именно, когда положишь якорь, пошчасъ должно укрѣпиться канатами за берегъ; ибо съ онаго вѣтры дуютъ сильными порывами. Карантинное зданіе по назначенію своему построено въ удобномъ мѣстѣ; оно соединяется съ косою подъемнымъ мостомъ. Мессинской Фаросъ (маякъ), зажигаемый каждую ночь, поставленъ для показанія плавашелямъ опмѣли *Санадонъ*, которой крайне беречься должно, потому что Харибда, здѣшними жипелями Гарафаро называемая, дѣйствуетъ въ семь мѣстѣ весьма сильно. Укрѣпленія съ морской стороны составляютъ сильную защиту; но съ сухаго пуши, хотя городъ обнесенъ стѣною и сухимъ ровомъ, а на горѣ построена цитадель, не можеть однакожь выдержать порядочной осады.

Мессинцы, почищаются въ Италіи за наилучшихъ плавашелей въ искусствѣ семь, они достигли до невѣроятности. Мальчики, на глубинѣ 30 сажень, ныряя достаютъ усрицы со дна моря. Здѣсь рассказываютъ про нѣкотораго Коласа, уроженца сего города, будпобы онъ могъ ходишь по морскому дну противъ теченія, могъ ловишь рыбу и нѣсколько дней могъ плавать, не выходя на землю, отъ чего и прозвашъ былъ рыбою. Естли бы произ-

шествіе сіе не ушверждено было многими Сицилійскими писателями, по оное можно бы почестъ за баснь Греческаго воображенія. Король Фридрихъ посѣщая Мессину, желалъ бытъ очевиднымъ пому свидѣтелемъ. Колась учинилъ два опыта, и своимъ долгимъ пребываніемъ подъ водою, привелъ зритель въ изумленіе. Любопытство Короля стоило наконецъ бѣдному Коласу жизни. Фридрихъ, желая наградишь его, приказалъ большую золотую чашу бросишь въ самую Харибду. Колась нырнулъ и погибъ.

Окресности Мессины очень пріятны; кругомъ города видны прекрасныя гулянья. Дороги въ Палерму и Таормины обсажены шѣнистыми деревьями. Возвращаясь изъ Цитадели въ городъ, взощель я на вершину одного холма, и ошановилъся, дабы насладишь прелестнымъ видомъ опшуда опкрывавшимся. Городъ былъ подъ ногами. Проливъ предспавлялъ глазамъ величественную рѣку, между двумя хребтами горъ медленно текущую. Оба берега покрыты шучными нивами, виноградниками, городами, селами, монастырями и двумя красивыми фаросами. Съ каждой стороны зрѣніе ограничивается высокими горами, одѣшыми плодосными рощами. Всѣ поля, луга и холмы около Мессины покрыты шучнымъ прилишвенникомъ, душистыми растѣніями, куспарниками розъ и другихъ цвѣтовъ, которые и полняютъ воздухъ пріятнѣшимъ благовоіемъ. Въ самой гавани нѣшь шого

непріятнаго запаха, ошъ морской воды происходящаго, кошорый во многихъ приморскихъ городахъ безпокоитъ обоняніе. Сильное движеніе воды въ проливъ конечно тому причиною.

Проходя городомъ, я зашелъ въ одну спарую Гопическую церковь, чпо на площади, гдѣ стоить монументъ Карла III, опца нынѣшняго Короля Фердинанда IV. Церковь сія украшена Греческою Мозаикою, очень посредственнаго вкуса, а нѣсколько спашуй кажется нынѣшняго дѣла и довольно изрядны. На Мозаическомъ полу проведена полуденная линия, раздѣленная на знаки Зодіака, и числа. Въ спѣнѣ церкви пробить узкій прорѣзь, лучи солнца пронивая въ оный и досягая полуденной черты, показываютъ вмѣстѣ мѣсяць, число и истинный въ Мессинѣ полдень.

Въ Италіи, каждый городъ имѣетъ особенный свой церковный праздникъ. Мессина опличается торжесивомъ, опправляемымъ въ день Успенія, 15 Августа. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ былъ очевидцемъ сего спраннаго обряда; я предлагаю здѣсь его замѣчаніе. На горѣ, въ концѣ большой улицы сооружается деревянная машина въ видѣ конуса, вышнюю въ 7 сажень. Основаніе машины утверждено на кашкахъ, къ кошорымъ придѣланы шестерни, обращающія нижній кругъ, а за нимъ и всѣ другіе круги на одной оси съ нижнимъ укрѣпленные. Машина украшается померанцовыми вѣшвами, цвѣтами въ горшкахъ

и разноцвѣтными бумажками. До сна мальчиковъ, въ бѣлой длинной одеждѣ съ привязанными на плечахъ крыльями, представляющіе Ангеловъ, садятся между цвѣтами на горизонтальныхъ колесахъ, изображающихъ небесные круги. На верхнемъ кругѣ, надъ хоромъ Херувимовъ спарецъ въ пурпуровой одеждѣ съ поддѣланною сѣдою бородою представляетъ Вседержителя; подлѣ него сидитъ юная дѣва, облеченная въ драгоценныя ризы, какія у насъ пишутъ на образахъ Богородицъ; дѣвица, представляющая главное лице, Божию мать, должна быть прекрасна и непорочна; и для сего избирается дѣвица десяти или одиннадцати лѣтъ изъ бѣдныхъ. Народъ, сколько можетъ помѣститься на улицѣ, взявшись за веревки шлестъ машину подъ гору къ соборной церкви. Лишь только машина тронется, круги начинаютъ двигаться; представляющіе Ангеловъ, одни поютъ, другіе ѣдятъ апельсины, иныя рѣзвятся, а большая часть закружившись засыпаютъ. Пушечная пальба возвѣщаетъ начало процессіи, народъ шлестся на главной улицѣ, по коей везутъ машину; набожные бросающыя ницъ на мостовую, и машина чрезъ нихъ проѣзжаетъ. Изъ оконъ домовъ вывѣшиваютъ разноцвѣтные шелковые покровы, женщины осыпаютъ цвѣтами машину, оная представляетъ видъ огромнаго движущагося замка занимающаго всю ширину улицы. Процессія сія останавливается на каждахъ сна шагахъ; народъ обращается

въ сидящей на верху дѣвицѣ и спановится на колѣни. Оркестры музыки играютъ въ сіе время гимны въ честь Богородицы. По окончаніи обѣдни, когда дѣвица выходитъ изъ церкви, отдаешя ей честь залпомъ изъ маленькихъ марширокъ, называемыхъ *Масколи*; она ходитъ попомъ по всѣмъ церквамъ и домамъ, гдѣ даритъ ее деньгами или вещьми на приданое. Въ сей день дѣвица имѣетъ право освободить пресвѣтника, хотя бы онъ приговоренъ былъ къ смерти: Сія дѣвушка вздумала посѣпить и Рускіе корабли. Хотя шаковое посѣщеніе и запрещено Петромъ Великимъ, однакожъ, сей не можно было отказать, и она получила въ подаваніе гораздо болѣе, нежели другія предшественницы ея въ прежніе годы. По сему сопровождавшіе ее говорили: „наша Богородица счастлива, что Рускіе пришли къ ея празднику.“ На другой день два бумажныхъ великана прогуливаются по городу. Одинъ изъ нихъ представляеть мужчину, другой женщину въ престранномъ нарядѣ. Народъ, а болѣе женщины кланяются въ землю симъ бумажнымъ кукламъ. О произхожденіи сего обряда сказываютъ слѣдующее: Когда Графъ Рожеръ завоевалъ Сицилію у Сарациновъ, въ то время находился въ Мессинѣ начальникъ оныхъ съ женою исполинскаго роста, весьма любимый народомъ. Въ честь имъ успановлена сія процессія. Непоспихимо, какъ въ Католической землѣ позволяють

народу такія шалости; но вездѣ свои обычаи, ихъ осуждать не можно.

19 Апрѣля. Оспавя Мессину и обошедъ мысъ Спаршивеншо, мы держались близъ берега. Вѣтры были шихіе, погода пріятнѣйшая. Эшна при дня была у насъ въ виду; надъ нею неподвижно стояло густое облако дыма. Крушыя и высокія Калабрскія горы, съ обозженными вершинами, касающимися облаковъ; дикія скалы нависнувшія надъ моремъ; скасты горъ и долины между ими заключенныя, покрытыя зеленью, плодоносными дубравами, виноградниками, замками, селеніями, монастырями и крѣпостями, разнообразя мѣстоположеніе, представляють попеременно веселые и грозные виды. Природа являешся здѣсь во всемъ своемъ великолѣпнн и богатствѣ и посреди ужасовъ своихъ нравнся взору; но жишь въ сихъ едемскихъ садахъ совѣмъ другое дѣло. Признаюсь, я чувствую великое отвращеніе отъ здѣшнихъ земляпрясеній, и можно ли спокойно оспаваться на такой землѣ, которая почти безпресшанно прясешся подъ ногами? Съ чѣмъ можно сравнншь опасеніе бытъ раздавлену собственнымъ домомъ?

23 Апрѣля прошли Отраншо и вступнли въ Адріашическое море. Поелику ночью вѣтры дуошь здѣсь съ берега, шо держались мы къ оному какъ можно ближе. Тихая ночь при полнолуніи дѣлала плаваніе наше

очень пріятнымъ. Судно движимое легкимъ въперкомъ, наполнявшимъ верхніе паруса, плыло и ушухающіе огоньки въ хижинахъ на бережныхъ селеніяхъ мѣлькали, появлялись и исчезали. Иногда подходили мы такъ близко къ берегу, что слышенъ былъ говоръ людей. Машрозы наши отъ бездѣйствія, собравшись на палубѣ въ кружокъ, пѣли заунывные пѣсни. Печальные звуки оныхъ, сливаясь съ тихимъ журчаніемъ воды производимымъ бѣгомъ судна, напоминали мнѣ о милой родинѣ. Кому не пріятно, знакомыми звуками, просѣемыми выраженіями народныхъ пѣсней, переносишься въ опеченство и на минушу забываешь разлуку съ онымъ?

Въ полночь я сошелъ въ низъ, но отъ жару и духоты не могши уснуть, скоро вышелъ на верхъ. Къ привыкъ плавать на военномъ кораблѣ, шому на купеческомъ суднѣ очень не понравился. Первой уподобилъ можно большому дому, имѣющему всѣ удобства и выгоды; второе, низкой хижинѣ, гдѣ тѣсно, грязно и все бѣдно. Къ утру 24 Апрѣля вѣтръ не много посѣжѣлъ. Волны, шовзбѣгая на берегъ, шов сливаясь съ онаго, шумомъ своимъ напомнили намъ, что мы должны нѣсколько отъ берега удалиться. Альій блескъ зари открылъ предъ нами прекрасныя виды. На востокѣ сумракъ уступалъ свѣту; небо горѣло пурпуровымъ огнемъ. Море было гладко, какъ зеркало; на западѣ близъ насъ, видѣнь былъ низменный берегъ покрытый

краснокашымъ пескомъ. Мы проходили Брундизи, облака дыма выхода изъ трубъ прямымъ столбомъ, клубились вверхъ. Туманъ лежалъ на отдаленныхъ поляхъ; но лишь солнце показалось на горизонтѣ, видъ сей началъ измѣняться. Земные испаренія и теплоша верхнихъ слоевъ морской воды, восходя въ окружающій ее холодный воздухъ, подымались къ небу легкимъ прозрачнымъ шуманомъ. Золотые лучи солнца, проникая туманъ, разширились; свѣтъ увеличивался, пары исчезли и по мѣрѣ возвышенія солища, какъ сквозь флеровой завѣсъ, отдаленные предметы постепенно освѣщались; мракъ уступалъ свѣту, и наконецъ весь берегъ открылся въ насъоящемъ видѣ.

Подъ всѣми парусами, шихо, неизбежно плыли мы извиваясь близъ берега, по обходили мысь, по входили внутрь небольшого плеса. Неаполитанское Королевство со стороны Адриатическаго моря представляешъ взору обширную равнину, раздѣленную полями и лугами. Цѣпь Апеннинскихъ горъ синѣется вдали. Провинція Пулія, которую мы проходили, очень плодосна; изъ нее опускается большое количество пшеницы. Съ великимъ нетерпѣніемъ желали мы видѣть Баръ, гдѣ почиють мощи Чудотворца Николая. Небольшой городокъ сей мы проходили очень близко. Въ честь великаго угодника, какъ покровителя плавателей мы сдѣлали при выстрѣ-

ла, въ монастырѣ отвѣчали на наше привѣщаніе звономъ колокола; Италіанцы пали на колѣна, всѣ наши машрозы также молились. Мы очень жалѣли, что не могли оспановиться, дабы осплужить святому молебень. За Баромъ безпрестанно вспрѣчались селенія и города, мѣста классическія и любопытныя; но вѣспрѣ довольно освѣжелъ и мы только глазами мѣрили городъ Канны, гдѣ гордые Римляне были разбишы славнымъ Аннибаломъ. Долина, гдѣ было сраженіе, нынѣ называется *кровавое поле* (Pezzo di Saugue); у Манфредоніи равнина оканчивается горою Санъ Анжело, копорая по высотѣ своей очень издалека открываешся и служить мореходцамъ лучшею примѣною для опредѣленія мѣста на картѣ.

Изъ Сифантскаго залива, что у Манфредоніи, мы пошли поперегъ Адриатическаго моря. Миновавъ ос. Пелагосъ, перемѣнили пушь къ сѣверу и прошедь между островами Сантъ-Андрея и Лисса, спали держашъ вдоль Далматскаго Архипелага. Островъ Помо, лежащій посреди моря, по виду и положенію своему заслуживаешъ особенное вниманіе. Когда море шихо, онъ открываешся небольшимъ плавающимъ шаромъ, а по приближеніи къ нему показываешся похожимъ на яблоко. Онъ находится къ сѣверу отъ Сантъ-Андрея и къ западу отъ Лезино (*)

(*) Лезина древле называлася Фарія (Phagia): на немъ родился Димитрій Фалерскій.

въ равныхъ разстояніяхъ по 30 иш. миль; на многихъ каршахъ означень далѣе или ближе сего; посему въ пасмурную погоду и ночью крайне беречься должно, дабы не найши на него. Острова Коронаша, Гросса, Премеда, Снаго, Юнія и Оссаро (*), съ моря предсавляюшъ одни голые камни, изрѣдка видна на нихъ зелень и признаки обипалищъ. Для кораблей нѣтъ въ нихъ пристаней, но для малыхъ судовъ весьма много. На сихъ по островахъ въ древнія времена жили Либурнійцы, кои на своихъ легкихъ лодкахъ прославились морскими рабоями. Спрабонъ повѣствуетъ, что нравы сихъ Либурнійцевъ и вообще всѣхъ Илиріицовъ не различествовали отъ другихъ варваровъ; они сражались подобно Гетамъ, были очень храбры и долго сопротивлялись Римлянамъ. Когда сіи принудили ихъ перейти на твердую землю въ Далмацію, а потомъ далѣе въ горы, то они для пропитанія своего занялись земледѣіемъ. Наиболѣе обрабатывали виноградъ, а изъ овса дѣлали крѣпкое пиво, называемое *Сабая*. Отъ сего-то Имперашоръ Валенціи, родомъ Илиріанинъ въ насмѣшку назывался *Сабаярусъ*.

(*) Оссаро нѣкоторые древніе Географы называютъ Абсартиумъ (Absartium), и производятъ имя сіе отъ Абсаршуса, брата Медеи, которая дабы убѣжашъ отъ отца своего за нею гнавшагося, убила на семь островъ брата, и раздробленные члены его разбросала по дорогѣ.

Проходя Поло, (что въ Истрии) близъ ко- ей еще видны останки Римскаго театра, мы встрѣпились съ Англинскимъ Тендеромъ (*), блокирующимъ Венецію. Англичане опросивъ насъ пожелали счастливаго пути. Островъ Лисса, занимаемый Англичанами, предспа- вляетъ великую удобность къ наблюденію все- го Адриатическаго моря; ибо островъ сей нахо- дясь въ центрѣ моря, имѣетъ весьма покой- ную гавань (Жоржіо) и небольшую крѣпость, копорую защищать можно одною ротой сол- датъ. Когда обшли мы мысъ Солворъ, и ког- да открылись Тирольскіе Альпы, столь вели- чественно облегающіе Италію; по изъ Пирамо, также для опроса, выходила Французская ка- нонерская лодка. 30 Апрѣля, имѣя въ про- долженіе всего плаванія тихіе и переменные вѣтры, бросили мы якорь въ Триестъ. На рейдѣ стояла тогда эскадра подъ начальствомъ Капи- танъ-Командора Дв. Ос. Салтанова. Оную соспа- вляли слѣдующіе корабли: 1) Праскевія о 74 пуш. Капитанъ-Командорскій. 2) Уриль 80 пуш. Капитанъ Мих. Быченскій. 3) Сед-ель-Бахръ 80 пуш. Капитанъ Сульменевъ. 4) Азія 66 пуш. Капитанъ Вороци; фрегаты: 5) Легкій о 44 пуш. Капитанъ Повалишинъ. 6) Михаилъ о 44 пуш. Капитанъ Снаксаревъ. 7) Корветъ Діомидъ о 24 пуш. Капитанъ Палеолого.

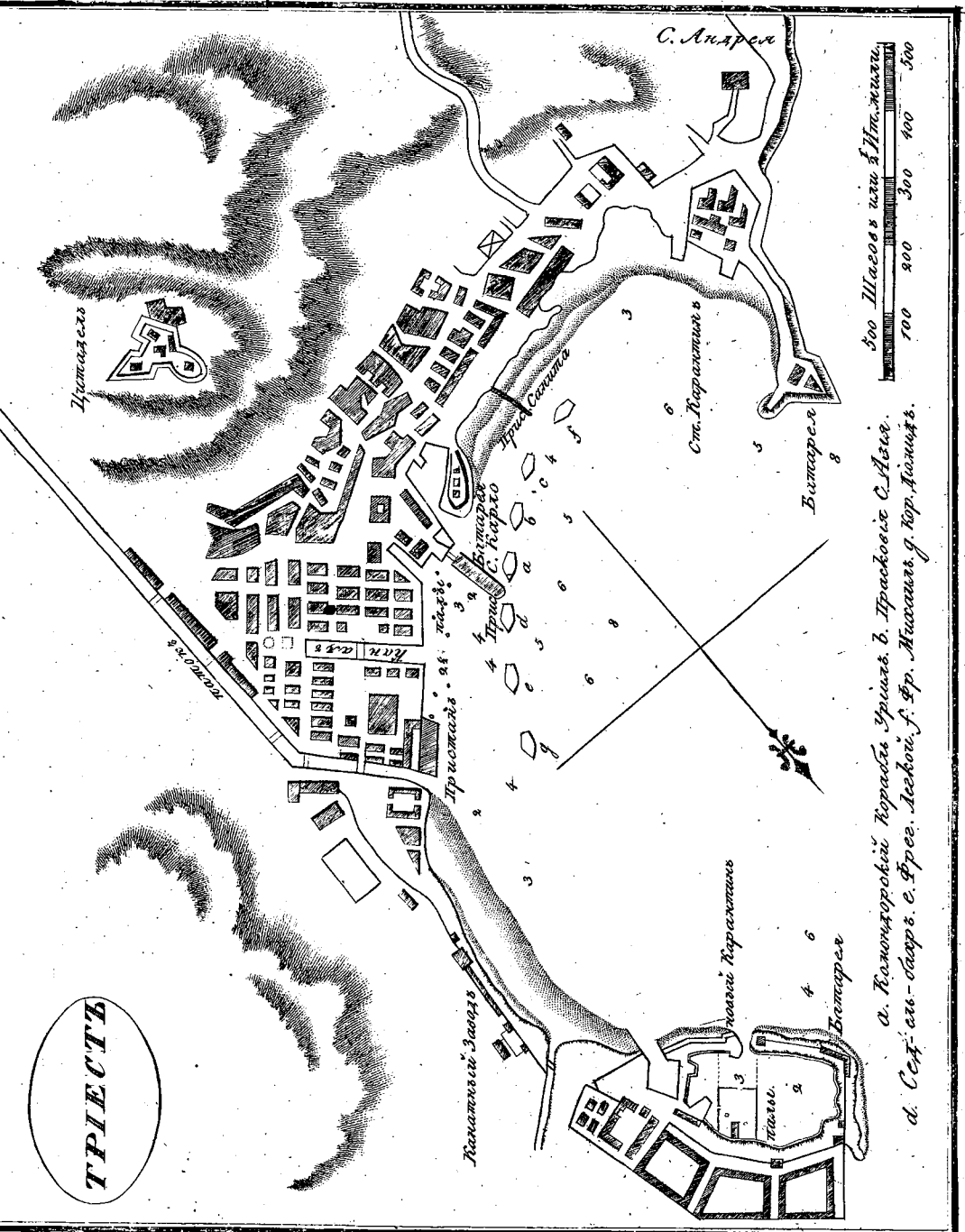
(*) Малое военное судно съ одною мачшою.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТРІЕСТЬ.

Портъ и укрѣпленія.

Вѣнскій Дворъ, съ давняго времени желалъ имѣть военный портъ, искалъ средствъ, дабы что нибудь значить въ числѣ морскихъ Державъ. Полишика его постоянно стремилась къ утверженію своего могущества силою флота и вѣншною торговлею; но прекрасное сіе предположеніе, по обстоятельству, долго оставалось безъ исполненія. Наконецъ Императрица Марія Терезія, рѣшилась воспользоваться выгоднымъ положеніемъ Тріеста, которой былъ тогда небольшою городъ. Въ 1750 году положено въ немъ основаніе корабельной верфи; построены магазейны для складки товаровъ; казармы, гошпиталь; выданы великія суммы для сооруженія укрѣпленій и другихъ общественныхъ зданій; и въ короткое время Австрійскій флагъ явился на Средиземномъ морѣ и возвѣстилъ о существованіи Тріеста. Въ царствованіе Іосифа II, городъ объявленъ вольною гаванью; множество иностранныхъ и Австрійскихъ купцовъ съ значительными капиталами поселились въ немъ. Произведенія южной Германіи, Леванта, Египта, Италіи и Сициліи обратились къ нему, обогатили и украсили его; и Тріестъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ Венеціи, которой торговля съ сего времени начала упадать.

ТРЕТЬЯ

500 Милей или 812 1/2 миль.
 100 200 300 400 500

а. Колодецкий Корсаковъ. б. Троицкий С. Андрей.
 в. Св. ан-деевъ. г. Фрес. деевой. е. Фр. Мухоморова. ж. Кор. Айнуковъ.

Заливъ, образуемый мысомъ Салвора (что въ Испріи) съ одной, а Венеціанскимъ берегомъ съ другой стороны, называется Тріестскимъ. Городъ лежитъ въ самомъ углу Адриатическаго моря, по наблюденію учиненному въ 1806 году Генераломъ Барономъ Цахомъ, въ широтѣ 45 град. 38 мин. 8 сек., и 11 гр. 26 мин. 56 сек. долгошы восточной, считая отъ Парижскаго меридіана. Построенная на отмѣли каменная насыпь (*), съ башареею на краю оной, примыкающая къ старому карантину, мало прикрываетъ гавань отъ морскихъ вѣтровъ, которые разводятъ въ оной неправильное волненіе, причиняющее немалые убытки. Не проходитъ года, чтобы сильными югозападными вѣтрами, не разбило отъ 20 до 30 судовъ. Бора, по причинѣ высокихъ горъ, окружающихъ Тріестъ, дуетъ прямо съ берега съ такою ужасною силою, что не смотря на малую глубину и твердый грунтъ, корабли иногда срываютъ съ шрехъ якорей и ломаютъ мачты. Въ зимнее время, Боры продолжаются по двѣ недѣли сряду, и хотя по чрезмѣрной жестокости сего вѣтра волненія въ гавани не бываетъ, но поверхность моря покрывается сѣдою пѣною, брызги срываютъ съ воды несетъ въ высоту на три сажени. Въ окрестностяхъ Тріеста вѣтеръ сей причиняетъ ужасныя опустошенія, въ го-

(*) Смотри карту.

родъ срываетъ крыши съ домовъ, на улицахъ опрокидываетъ экипажи. Новый карантинъ или иначе Сайша Тереза называемый, опредѣленъ для судовъ, приходящихъ изъ зараженныхъ чумою мѣстъ. Въ Бассейнѣ, раздѣленномъ на три части не болѣе 20 кораблей помѣщаться можешь; глубина его три сажени, а ворота для входу въ оный очень узки. Въ каналѣ, находящемся посреди города, глубины двѣ сажени; въ ономъ суда нагружаются и разгружаются. Нѣсколько пушекъ, поставленныхъ на мулъ спараго Караншина и вокругъ бассейна новаго, защищаютъ городъ и гавань съ морской стороны. Два вѣшкихъ укрѣпленія, называемыхъ цитаделью, построенныхъ на крупомъ холмѣ надъ самымъ городомъ, не могутъ ни себя, ни городъ защитить; ибо подлѣ цитадели есть высоты, господствующія оною, а городъ почти кругомъ открытъ. Смотря на укрѣпленія Триеста, сказать можно, что оныя построены для одного вида.

К а р а н т и н ъ.

Сколь пріятно переходить изъ страны въ страну, сколь иногда и малое препятствіе огорчаетъ насъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ считали мы минушы, когда придемъ въ Триестъ;—пришли—и могли только на него смотрѣть. Лишь бросили якорь, Карантинный Чиновникъ съ Консуломъ нашимъ Г. Пел-

легрини, объявили намъ непріятную вѣсть, что мы должны цѣлыя при недѣли сидѣть въ Карантинѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. Канонерская лодка, занимающая Бранвахтенный постъ, къ намъ приблизилась; спорожъ, называемый здѣсь *Гвардіано*, взошелъ на судно, приказалъ Шхиперу ввести оное въ бассейнъ, а намъ съ людьми перебраться въ старой лазаретъ. Мы повиновались и пошчасъ начали перевозиться. На первомъ дворѣ, куда насъ ввели, было довольно народу, но всѣ опъ насъ бѣгали; самъ нашъ Гвардіанъ, опчаяннымъ крикомъ напоминалъ, чшобы мы не приближались къ чужимъ людямъ. Эшо сначала насъ забавляло, а попомъ крайне наскучило; ибо ходили за нами, шакъ сказашь, по пяшамъ; малѣйшее движеніе замѣчали и ни на одну минушу не упускали изъ виду. Карантинный начальникъ просилъ насъ убѣдительноше съ перпнїемъ покоряться Карантинному уставу; ибо за малѣйшее упущеніе, нарушившій законъ, подвергается лишенію жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можешъ бышь ужаснѣ чумы? Опъ одного зараженнаго не шолько городъ, но цѣлое государство можешъ поспрадашь; опъ единаго прикосновенія могушь погибнуть шысячи народа. Посему чрезмѣрная оспорожностъ и спрогостъ есть въ семъ случаѣ благоразумна.

Въ 1812 году, по справедливости названномъ годиною испытанія, когда любезное Опечество наше шерзаемо было лшшыми врагами, въ то самое время, когда Москва заня-

та была Французами, въ Одессѣ и Теодосіи
 открылась чума. Служа тогда въ Черномор-
 скомъ флотѣ, я былъ по несчастію свидѣтелемъ
 и очевидцемъ печальныхъ слѣдствій сего бича
 человѣческаго рода. Язва, поспешенно заража-
 ла всѣ члены тѣла, знаки ея были ужасны,
 распространеніе скорое, слѣдствія почти
 всегда смертельны. Человѣкъ, получившій за-
 разу, сначала чувствуетъ пошному, круженіе
 головы, пошомъ начинается рвота, тѣло по-
 крывается красными пятнами, которые ско-
 ро чернѣютъ, и когда въ пахахъ покажется
 карбункулъ, (черный чирей), тогда уже во
 внутренностяхъ существуетъ аншоновъ огонь
 и смерть неминуемо послѣдуетъ. При пер-
 выхъ припадкахъ, человѣкъ лишается разсудка,
 душа теряетъ свои силы, тѣло же кажется,
 получаетъ опъ того новыя, и больной совер-
 шенно разслабленный переноситъ жесточай-
 шія мученія. Сильныя судороги, рвота, непре-
 станное иканіе, бессоница терзаютъ больна-
 го. Но это еще не все: несносный жаръ сжи-
 гаетъ ихъ внутренность; съ воспаленными
 на выкатѣ глазами, стѣсненною грудью, по-
 мершвѣлымъ лицомъ, издавая зловонное дыха-
 ніе, съ запекшеюся на устахъ нечистою кро-
 вью, отчаяннымъ воплемъ требующъ они во-
 ды, льда и не возможны ушолить палящей ихъ
 жажды, въ испугленіи рвутъ одежды, гры-
 зутъ зубами тѣло свое, и въ бѣшенствѣ валя-
 ются по землѣ. Гольшая часть умирала въ
 пятый или седьмой день, иные чрезъ

одни или двое супки, а нѣкоторые въ три или четыре часа. Слабое утѣшеніе тому, кто выздоравливалъ отъ сей болѣзни; онъ предспавлялъ взору несчастный шолько остатокъ самаго себя. Анаполгцы, вызвавшіеся лѣчить больныхъ, безъ боязни ходили по лазарешамъ, лѣчили разными средствами и замѣчено, что одно лѣкарство производило дѣйствія спасительныя и вредныя; многіе зараженные были однакожь ими возвращены къ жизни, и ни одинъ изъ сихъ великодушныхъ людей не погибъ. Когда оказались явные признаки чумы; когда городъ окруженъ былъ военною стражею и прекращено сообщеніе съ окрестностями, никакимъ перомъ не возможно описать ужаса, объявшаго жителей. При началѣ видимы были доспойные подражанія примѣры машеринской нѣжности, дѣтской привязанности и великодушныхъ пожертвовацій. Изъ многихъ я приведу шолько одинъ. Полковникъ Ребокъ, примѣшивъ на ребенкѣ своемъ знаки заразы, спѣшилъ подать ему помощь, вымылъ его уксусомъ, употребилъ всѣ другія предохранительныя средства; но скоро почувствовалъ и самъ припадки. Онъ объявилъ о томъ полиціи, заперся въ своей комнатѣ, затопилъ печку, сжегъ свое платье и все принимающее заразу, и на другой день умеръ. Послѣ шаковаго печальнаго опыта, лишь шолько въ какомъ домѣ оказывалась чума, шопчасъ полицейскіе служители, вымазанные дегшемъ, и въ кожаныхъ

плащяхъ, раздѣляли здоровыхъ отъ больныхъ и подь сомнѣніемъ находящихся. Можешь ли бышь что жалоснѣе, когда дитя опрывали отъ груди матери, сына оплучали отъ отца, и почтеннѣйшіе узы не были уважаемы. Было много прагическихъ и чувствительнѣйшихъ явленій. Здоровые одни запирались въ домахъ, другіе жили за городомъ въ палаткахъ и землянкахъ. Городъ обрашлся въ пущыню; нѣкопорые дома сожгли, у другихъ выбишы были окна, никто не смѣлъ вышши на улицу и спрашлся встрѣпшиться съ другомъ. Одна бѣдная чернь раздирающимъ голосомъ шребовала пищи. Въ сіи нещасные дни умирающему нѣкому было закрыть глаза, и жестокая смерть не извлекала уже болѣе слезъ.

Послѣ многихъ нещасныхъ случаевъ, произшедшихъ отъ дурнаго раздѣленія карантинновъ въ большихъ шорговыхъ городахъ Италіи, Франціи и Испаніи, посшроенныхъ несообразно назначенію и цѣли оныхъ, можно сказать, что Тріеспскій карантинъ, какъ по удобству шстроенія, шакъ и по порядку и почности въ немъ наблюдаемому, справедливо почитается въ числѣ лучшихъ въ Европѣ. Тушъ все придумано къ лучшему; раздѣленіе комнатъ для людей и магазины для шповаровъ сдѣланы шакъ, что и при самомъ покушеніи нѣшъ возможности перейти изъ одного отдѣленія въ другое; вездѣ своды, высокія шпѣны, рогашки, дворы, калішки и замки. Нѣкошорыя подробности о

устройствѣ Триеспскихъ карантинныхъ, думаю, не будутъ бесполезны многимъ чинашелямъ. Они построены по краямъ города и каждый обнесень высокою сѣбною. Новый карантинъ раздѣленъ сѣбнами на два кваршала. Чумный кваршаль съ кладбищемъ совсѣмъ споишь особо. Въ другихъ дворахъ чумнаго кваршала, въ одномъ помѣщаются люди, въ другомъ кладутся шовары. Товары и экипажъ одного судна помѣщаются раздѣльно отъ другихъ. Машпроры и пассажиры, если въ числѣ ихъ естъ подозрительные, до совершеннаго увѣренія, что они здоровы и чумы въ нихъ нѣтъ, сажаются каждый особо въ комнату, предъ кошорою естъ небольшой дворикъ, запираемый желзною калишкою; подлѣ калишки сдѣлано окно, въ кошорое приставы на длинной желзной лапашѣ подають пищу. Словомъ сказать, чумной кваршаль предспавляетъ острогъ. Когда на пришедшемъ суднѣ шхиперъ объявитъ, что у него естъ чума, то судно введя въ бессейнь, потчасъ разгружаютъ. Товары развѣшиваютъ въ рѣшетчатыхъ сараахъ. Люди оспая свое плашье, (кошорое сжигаютъ), вымывшись, выспригши волосы и окурившись, занимають каждый по одной комнатѣ, гдѣ они находятъ новое плашье, курильницу, дрова для камина и все нужное. Судно оспаешся пустое, на немъ открываютъ люки и для лучшаго сообщенія воздуха въ шрюмъ прорубаютъ боршы и каждый день снаружи и внушри обливаютъ морскою водою. Съ хлоп-

чапою бумагою, какъ наиболѣе удерживающею въ себѣ заразительность, поступають съ великою осторожностію. Каждый пакъ разбирается по споламъ и палащамъ, а пряденая развѣшивается на жердочкахъ въ рѣшетчатомъ магазейнѣ, стѣною огражденномъ. Ворочають бумагу каждый день не входя въ магазейнъ, а сквозь двери или рѣшетку длинными желѣзными вилами. Къ сей опасной работѣ, равно какъ и къ выгрузкѣ судна, окуриванію онаго и шоваровъ каждый день на щепъ хозяина опредѣляются пресупники, осужденные на смерть или по согласію для выгрузки шоваровъ допускаются машросы тогоже судна. Во вшоромъ кваршалѣ, раздѣленномъ на два двора, назначенномъ для судовъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ чумою мѣспъ, сдѣланы шакіеже сараи для шоваровъ, и шакіеже раздѣленія въ домѣ для людей назначенномъ, съ шюю только разносноію, чшо экипажъ одного судна, если нѣль на машрозахъ ни какихъ признаковъ чумы, помѣщается въ большой комнашѣ. Во вшоромъ кваршалѣ ешь часовня, колодезь съ прекрасною водою и особый дворъ, назначенный для сада. Карантинные чиновники живутъ на ошдѣленномъ дворѣ. Они входяшъ въ чумной и во вшорой кваршалѣ особыми дверями, наблюдаютъ вездѣ порядокъ, доставляють пищу, но всегда съ шюю осторожностію, чшо къ больнымъ или выдерживающимъ карантинъ близко не подходятъ. Присшавы и работники чумнаго кваршала,

по прекращеніи заразы, не прежде отпущающагося въ городъ, какъ выдержавъ сами карантинъ.

Старый лазаретъ, находящійся на западномъ краю города, опредѣленъ для пассажировъ и людей пришедшихъ изъ портовъ, въ коихъ нѣтъ никакой заразительной болѣзни. На первомъ дворѣ, построено двуэтажное зданіе, раздѣленное на восемь отдѣленій, по четыре отдѣленія въ каждомъ этажѣ. Четырьмя воротами входятъ на дворъ, когорый перегороженъ на 4 части. Окна нижняго этажа обращены на галерею внутри сихъ дворовъ. Входъ въ комнаты сего этажа также со двора. Входы въ верхній этажъ и окна онаго обращены на улицу. Такимъ образомъ въ восьми отдѣленіяхъ могутъ помѣститься пассажиры съ 8ми судовъ; а если нужно, то каждое отдѣленіе можетъ раздѣлено быть на двѣ части такъ, что въ каждое изъ 18-ти отдѣленій будетъ особый выходъ. Внутри двора къ одной стѣнѣ пристроена небольшая церковь, куда входитъ одинъ только священникъ; а живущіе въ домѣ могутъ молиться каждый съ своей галереи, обращенной на дворъ. Во всякое отдѣленіе помощью трубъ проведена вода. На второмъ дворѣ стараго лазарета построено двуэтажное зданіе, раздѣленное на 4 большія комнаты, въ коихъ помѣщаются люди, принадлежащіе одному судну. вмѣсто оконъ сдѣланы въ стѣнахъ жалюзи. По очереди позволяющъ выходить для

прогулки на дворъ, наблюдая, чтобы люди одного срока не мѣшались съ другими, кои послѣ или прежде посупили въ карантинъ. Впрочемъ, никто не лишается удовольствія видѣться съ своими пріятелями. Переговорное мѣсто есть длинный узкой чешверугольникъ, коего одна спорона опшшопшъ опъ другой на 3 сажени; по одну спорону спановаяшся пришедшіе изъ города, а по другую изъ карантина. Желаящіе говорпшь наединѣ, входяшъ въ домикъ перегороженный двумя рѣшетками, при выходѣ городской жпшель подвергается осмотру. Трапширь поспроенъ внѣ карантинной стѣны; сквеозъ малое окно огороженное рѣшеткою, на желѣзной лопашѣ подаюшъ кушанье и все, что кому угодно. Вещи, принимающія сразу, прежде должнаго очищенія, изъ карантина не выпускаюшся.

Въ продолженіе полипического нашего заключенія, хотя мы и ни въ чемъ не имѣли нужды, но лихась свободы, шерпѣли большую скуку. Послѣ 10 ти дней, нашъ Консулъ Г. Пеллегрини выхлопшаль и самъ объявилъ намъ о нашемъ освобожденіи. Мы шакъ сему обрадовались, что обнимали Консула и карантиннаго Дирекшора какъ своихъ друзей, которыхъ давно не видали. За нами съ эскадры прислали кашеры, и мы опредѣлены были на корабль, Едъ - ель - бахръ, куда команда и офицеры, исключая двухъ, были перевезены.

Взглядъ на городъ.

Оспрасль Алпійскихъ горъ, называемыхъ Юліевы, коихъ вершины предспавляются обнаженными; крушья скалы, покрышья зеленью и украшенныя загородными домами, амфишеатромъ величеспвеннымъ и пріяшнымъ, спускающся къ гавани. Мало городовъ столько дѣяшельныхъ каковъ Тріеспъ. Большая фуры безпреспанно движущся по улицамъ, обозы одни подымающся, другіе спускающся подъ гору въ городъ; у Санишы (караншинная каншора), гдѣ корабли опдающъ и принимающъ грузъ и въ шаможенныхъ магазейнахъ, въ кошорыхъ складывающъ шовары для опсправленія за границу и во внутрь Имперіи, можно видѣшь почти всѣ произведенія Ишпаліи, Леванша, Англии и Германіи. На биржѣ суеша и сборище шакое, какового вообразить себѣ не можно. Купцы, кошорые спѣшашъ опсправить свои шовары, шеряющъ шерпѣніе опъ вялости Нѣмецкихъ извошикожъ, множештво любопышныхъ шолнишся на площади, и все эшо вмѣспѣ сосшавляешъ видъ разнообразный и одушевленный. Я шущъ замѣшилъ, чшо поденщики, называемые здѣсь *факинали*, переносашъ шовары съ присшани на повозки съ опмѣнною ловкостію. Двое или чешверо изъ нихъ на шесшахъ подымающъ шяжелыя бочки и спущая съ ноги на ногу въ ладъ, бѣгущъ съ ними, какъ съ легкой ношею. Свободная шорговля, обогатила здѣсь всѣ сосшоя-

нія гражданъ, особенно ремесленный, и трудящійся классъ народа. Въ Триестѣ не видно нищихъ и все дышетъ изобиліемъ. Какъ въ городъ позволено все привозить, то расценишые продавцы запрещенныхъ товаровъ, чрезъ шайную продажу оныхъ, не находятъ выгодъ дѣлать свои обороты; купцы не имѣютъ нужды прибѣгать къ хитростямъ, а таможенные смотрители по необходимости собираютъ (*) и отдають все сполна въ государственную казну, которая симъ благоразумнымъ постановленіемъ пользуется и выгодами своими ни съ кѣмъ не дѣлится.

Триестъ оплщается ошъ Италіанскихъ городовъ опрятностію и простотою. Наружность домовъ, во вкусѣ новой архитектуры, не уступаетъ лучшимъ нашимъ Петербургскимъ зданіямъ. Жалузи, которыми въ жары закрываютъ окна вмѣсто ставней, придаютъ домамъ особенный видъ. Дворы здѣсь очень малы, многіе дома и совсѣмъ ихъ не имѣютъ, почему хозяева принуждены содержать свои экипажи и лошадей въ общей капиюшнѣ построенной за городомъ. Триестъ раздѣляется на старый и новый городъ, первый расположенъ по горѣ вокругъ Ципадели, ули-

(*) Пошлины съ товаровъ, вывозныхъ изъ Триеста, взимаются только при отправленіи оныхъ въ внутренніе города Австріи.

цы въ немъ узки и грязны, дома низки и малы. Тутъ живутъ большею частію Евреи и бѣдный народъ. Новый городъ построень во кругъ гавани на ровномъ мѣстѣ; въ немъ улицы широки, вымощены плитникомъ и всегда очень чисты. Главная улица, идущая вдоль города, называется (strada del Ponte Rosso) улица краснаго моста. Площадь st. Antonio украшена хорошимъ водометомъ. На восьмиугольномъ подножіи поставленъ Коринѣской столбъ съ статуею св: Антонія, вокругъ подножія нѣсколько мраморныхъ фигуръ, кои безпрестанно источаютъ воду. На другой площади близъ канала, водометъ бьетъ воду чрезъ Непшуну статую. Два сіи фонтана снабжаютъ жителей прекрасною водою, которая подземными трубами проведена изъ водохранилища, находящагося близъ города по дорогѣ въ Боскетто. Театръ, Биржа и домъ Карчюши, оплечаются отъ прочихъ зданій какъ огромностію, такъ и изяществомъ архитектуры. Наружность театра проста; а внутренность и маскарадная зала съ хорами, не послѣднія были бы и въ хорошей столицѣ. Биржа, гдѣ купцы каждый день собираются для своихъ дѣлъ, есть зданіе огромное и великолѣпное. На куполѣ виднѣнъ старающій фениксъ, окруженный эмблемами торговли. Между красивою колонадой портика, обращеннаго на площадь, стоятъ двѣ колоссальныя статуи, очень изрядной работы. У одной, къ сожалѣнію, носъ

немного поврежденъ. Домъ Карчіюшши занимаешъ цѣлой кварталъ по каналу и набережной. Онъ имѣешъ простую и пріятную наружность; всѣ украшенія онаго составляютъ два портика, поддерживаемые Ионическими колоннами. Въ 1770 году, когда Графъ Орловъ командовалъ флотомъ, сей Карчіюшши, избѣгая мщенія Турокъ, оставивъ отечество свое Морею, со 100 піасрами поселился въ Тріестѣ, и шоргуя сначала бурками, (*) потомъ служа прикащикомъ, шрудомъ и прилѣжаніемъ приобрѣлъ въ 30 лѣтъ споль значительный капиталъ, что почитается теперь богатымъ купцомъ въ Тріестѣ.

Соборная церковь св: Августина, признаваемого покровителемъ города, находящаяся на горѣ близъ Ципадели, есть древнее Готическое зданіе весьма простое и ничѣмъ неукрашенное. Здѣсь всѣ вѣры шерпимы, каждое исповѣданіе имѣешъ свою церковь; но оныя вообще очень не богаты; я ни въ одной не замѣшилъ ничего опличнаго.

Въ Тріестѣ спрояшя купческія суда. Оплогость берега замѣняешъ спапели (**) и суда спускающя совсѣмъ вооруженныя. Здѣшніе мастера спрояшъ большіе шлюпы и бри-

(*) Машроскій капотъ съ капшономъ.

(**) Покашый пемосшъ, на кошоромъ спрояшя корабли.

ги, очень красиво и прочно. Мачшовые сараи наполнены пилеными деревьями, по большей части кленовыми и масличными, несравненно тверже и легче нашего дуба; доставляемый сюда изъ Далмаціи горный дубъ очень тяжелъ и крѣпокъ. Триеспскія суда, кромѣ красивой наружности, близкой къ военнымъ судамъ, легки на ходу, и поднимающъ грузу болѣе Идріюшскихъ, а менѣе Дашскихъ и Англинскихъ.

Триеспскіе жители предсавляютъ смѣсь народовъ. Ихъ сосавляютъ Нѣмцы, Италіанцы, Греки, Славяне, Французы и Жиды. Каждый житель по своему и вообще очень разсчепливо. Кромѣ немногихъ дворянскихъ фамилій, и нѣсколькихъ выходцевъ, ошъ всѣхъ краевъ Европы сюда пришедшихъ и здѣсь поселившихся, прочіе граждане занимающся шорговлею. Вездѣ множество лавокъ, наполненныхъ шоварами. Трудолюбіе и промышленность ходишь здѣсь съ веселымъ лицомъ. Купечество въ образѣ жизни сообразуется съ дворянствомъ; дѣши ихъ воспитывающся наилучшимъ образомъ. Самые небогашые имѣютъ хорошій видъ и обращеніе. Молодые люди чеспнаго поведенія и прилжные къ должности, очень скоро приобрѣтающъ независимое соспояніе. Они сначала опредѣляющся къ богашымъ Негоціаншамъ писцами, и когда научашся порядку дѣль и бухгалтеріи, шогда поручаешся имъ грузъ одного судна, вмѣсно жалованья опредѣляешся имъ десяшая часть прибыли. Послѣ одного удачнаго

оборота, они уже имѣютъ маленькой капиталъ, которой при каждомъ рейсѣ (*) увеличивается. И такимъ образомъ случается, что чрезъ десять лѣтъ и менѣе, не имѣвшій ни копейки, приобретаетъ до ста тысячъ рублей.

Двухлѣтнее наше пребываніе въ Триестѣ доставило намъ многія знакомства; но кромѣ Славянъ, которые принимали насъ какъ родныхъ, мы рѣдко пользовались приглашеніемъ другихъ. Въ лучшихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ бывають вечернія собранія, новому госполю, еще не коротко знакомому, покажется очень скучно. Тутъ обыкновенно спарушки садятся играть въ лото, старики въ карты, молодые люди разговаривають о погодѣ или много что о театрѣ. Все это такъ принужденно, что если бы влюбленные не имѣли въ сихъ собраніяхъ полной свободы клясться въ своей любви, нимало не обращая на себя симъ вниманіе другихъ; то не многіе были бы въ состояніи выдержать споль скучное положеніе. Всего удивительнѣе есть то, что хозяйнѣ, хозяйка и дѣти по очередно выходящъ въ другую комнату по пихонку кушашъ, а гостей, кромѣ воды, ничемъ не потчивають. О благословенная мапушка Россія! еслибъ ты была и не мое опечесство, я всег-

(*) Рейсъ значить возвращеніе судна въ свой портъ. Говорится, на одинъ Рейсъ, ше ешь, шуда и обратило.

да бы похвалили швое гостепрїимство! На-
 прасно мы ищемъ онаго на чужбинѣ, тамъ
 нѣтъ и пѣни Руской привѣшливости. Пуше-
 шествовать, безспорно, полезно и доспавля-
 ешь многія разнообразныя удовольствїя; но
 жить шолько на своей родинѣ хорошо и
 прїяшно.

Приглашають въ домъ на завтракъ или обѣдъ,
 здѣсь и въ обычаѣ нѣтъ; посему-шо заведено мно-
 жество шракшировъ и кофейныхъ домовъ; они
 опъ утра до вечера наполнены людьми. Каж-
 дое сословіе купцовъ по націямъ имѣеть свой
 Казино (кофейный домъ), куда собираюшся они
 читать газетны, пить кофе, шеколадъ, играють
 въ карты, на билїардѣ, шолковашъ о своихъ
 дѣлахъ и полишкѣ. Здѣсь, какъ и въ Италїи,
 можно сказать, ведутъ *трактирную жизнь*.
 Не многіе держашъ столъ дома; цѣлыя семей-
 ства обѣдають и ужинають въ рестораціяхъ.
 Женщины шакже слѣдуютъ сему обыкновенїю
 и не думаютъ, чшобы это было для нихъ
 неприлично; напрошивъ онѣ находяшъ въ
 семъ много выгодъ. Тутъ прелесни ихъ всег-
 да на позорищѣ, кокетство въ дѣйствїи,
 и умъ ихъ прїобрѣшаетъ шу гибкость и свѣп-
 скость, которыя научаютъ ихъ ни опъ чего
 не краснѣть и все обращають въ шушку или
 смѣхъ. Красавицы придумали какїя-шо об-
 щїя выраженїя, съ помощїю коихъ и обык-
 новенный ихъ разговоръ дѣлаеться прїяш-
 нымъ и занимашельнымъ.

Отъ образа жизни, какую здѣсь ведутъ женщины, происходитъ, какъ мнѣ кажется, другой обычай достойной замѣчанія. Чтобы избавишься шума и крику и бышь болѣе свободною, машь (не думаю однакожь, чтобы всякая) дѣшей своихъ съ упра оппущаетъ съ нянькою въ пансіонъ, въ которомъ за весьма умѣренную плату оспаюцца онѣ весь день, а ввечеру возвращающася домой. Я любилъ смотрѣшь на сіи *магазейны дѣтей*. Предспавше себѣ группу прекрасныхъ малюшокъ трехъ, чешырехъ и пяши лѣшь, ползающихъ и прыгающихъ на мягко насланномъ коврами полу, и дабы они падая не могли ушибицца, то и спѣны на аршинъ отъ пола также обшпы. Дѣвочки большихъ лѣшь, подѣ надзоромъ мадамы, въ другой комнашѣ занимающа рукодѣліемъ, къ какому которая способна; другія рѣзвюща или играюща въ куклы.

Боскетто-Сант-Андрея.

Въ Тріестѣ мы имѣли всѣ удовольствія, какія можно найши въ большихъ городахъ. Театръ, балы, маскарады и прогулки въ Боскетто и Сант-Андрея, въ продолженіи года слѣдующъ одни за другими. Наемныя кареты и коляски хошя и очень дешевы, но ихъ употребляющъ шолько въ дурную погоду; ибо дамы не смыдяцца здѣсь ходишь пѣшкомъ. Чтобы не потерять ниши обыкновеннаго время-препровожденія, я начну съ

лѣшнихъ прогулокъ и кончу зимними увеселеніями.

Лѣпомъ на восходѣ солнца шорговки въ крахмаленныхъ чудныхъ чепцахъ, расправливаюшъ на площади сполики и скамейки, раскладываюшъ на нихъ зелень, плоды, сливки, масло и мягкіе хлѣбцы разныхъ видовъ и формъ. Хозяйки въ ушреннемъ неглижѣ, сопровождаемыя горничными съ корзинками и кувшинчиками въ рукахъ, приходяшъ для покупки; за ними являюшся молодые люди и площадь скоро обращается въ залу собранія. Ходяшъ взадъ и впередъ, разговариваюшъ, кавалеры предлагаюшъ дамамъ свѣжіе плоды или приглашаюшъ въ кофейной домъ, и часпо чашка шоколада доспавляетъ неожиданное знакомство. Должно однакожъ признашся, что шушъ предпочтительно гоняюшся за миловидными служанками, копорыя очень искусно успѣваюшъ для своихъ госпожъ покупать запасъ для обѣда на щешъ волокишъ. Бѣлокурые, съ голубыми глазами и розовыми щеками Нѣмки, съ своею холодношью и скромношью, много выигрываюшъ у живыхъ и ловкихъ Ишаланокъ, и скорѣе прискиваюшъ себѣ пашушковъ. Впрочемъ и шѣ и другія, сколько я могъ замѣшить, не возвращаюшся домой съ пашными корзинками.

Каждый праздникъ, въ Боскешшо, небольшой рошѣ, находящейся въ двухъ верспахъ отъ города, собирается множештво людей. Одни, сидя въ кругу, услаждаюшъ вкусъ мо-

роженымъ, жареными цыплятами, спаржею и сладкими пирожными, курящъ табакъ и пьющъ пиво; другіе, по дорожкамъ скромно прогуливаются съ своими семействами, иныя, сидя подъ тѣнію деревъ, читаютъ, не удостоивая проходящихъ взора своего. Молодые поселанки, однѣ продаютъ свѣжія сливки, масло и плоды; другія на лугу кружатся въ караводахъ или валсируютъ; дѣвочки, въ красныхъ карсесахъ, подносятъ шому, кто имъ приглашенъ, букетъ цвѣтовъ; музыка въ разныхъ мѣстахъ гремитъ, танцующіе пляшутъ музыкантамъ по два гроша. Въ пражирѣ читаютъ газеты, шутятъ, пьютъ вино или играютъ на биліардѣ. Все это вмѣстѣ представляетъ простой сельской праздникъ. Не доходя Боскетшо, спрѣляютъ изъ ружей въ цѣль; шутъ гарнизонные офицеры, большею частію шучные собою, съ философскимъ взоромъ, и гордымъ видомъ, наставляють молодыхъ негоціантовъ очень щеголевато одѣтыхъ, какъ держатъ ружье, какъ прицѣливаются и проч. Днемъ дамы и кавалеры ходятъ только одни за другими, молчатъ и довольствуются одними взорами; къ вечеру же, когда лучшая часть публики разъѣдется, между оставшимися начинаются разговоры и скоро водворяется щастливое согласіе. Когда музыка умолкнетъ и сумракъ вечера увеличитъ тѣни въ роцѣ, повсюду начинается показываться пара за парой, и скорыми шагами скрывающася они въ разныя стороны; одни

идушь на гору, другіе подь гору, иные воз-
 вращаюпся по дорогѣ въ городъ, а другіе
 сѣвши въ наемную карету ѣдутъ далѣе въ
 лѣсъ. Не споль щаспливые, съ электрическимъ
 попрясеніемъ въ сердцѣ, кланяюпся красави-
 цамъ очень низко, и если у кошорой изъ сихъ
 нѣтъ чего дурнаго въ мысляхъ, шо она за-
 краснѣвшись, или взглянувъ важно, или попу-
 пивъ глаза, или отворошившись, краснорѣ-
 чивымъ молчаніемъ изъявляетъ отказъ. Если
 же кошорая взглянешъ умильно и ласково, шо
 предлагають ей услуги проводишь домой или
 иппи въ трактиръ вмѣстѣ ужинашь. Здѣсь
 и самыя записныя прелестницы не иначе сда-
 юпся, какъ шолько шому, кто имъ понравил-
 ся, или наконецъ шому, кто имъ надоѣшъ
 своею рѣшимельностію. Въ Тріестѣ довольно
 сего рода Вакханокъ; но онѣ не нападають
 какъ фуріи на проходящихъ, напрошивъ имѣ-
 юшь свой шонъ, вкусъ, разборчивость, и въ
 своемъ классѣ могутъ почешься насюящими
 смиренницами. Здѣсь живость и пылкость
 Ипаліанская примѣнно умѣряетъ Нѣмецкою
 холодностію. Природные Тріестянки или прі-
 ѣзжающія изъ окрестностей, шакъ свѣжи ли-
 цомъ, шакъ бѣлы и румяны, что если встрѣ-
 пилпся счастливый случай, шо по неволѣ об-
 радуешся.

Въ Санн - Андре ходяшь прогуливашься
 всякой день, лѣшомъ ввечеру, зимою въ пол-
 день. Тушь нѣтъ ни сада, ни роци и ни ка-
 кой зелени. Простая дорога идетъ близъ

берега; видъ на море отсюда очень хорошъ, и по сей причинѣ и по близости мѣста сего отъ города, собираются сюда гулять лучшія общества. Кромѣ усприць, только что пойманныхъ, молодого вина называемаго Рифоско (Rifosco), вѣшчины, сыру и пива, которыми подчивають въ небольшемъ шракширѣ съ двумя комнатами и о двухъ эшажахъ, ничего другаго доспастъ не можно; нѣтъ никакихъ другихъ увеселеній. Сюда ходятъ только для того, чтобы ходишь, видѣшь море и корабли.

Окрестности Триеста очень пріятны, вокругъ видны сады и уютные загородные дома. Въ нѣкоторыхъ садахъ я видѣлъ много спашуй; въ одномъ кажется было оныхъ болѣе, чѣмъ деревьевъ. Въ убранствѣ домовъ не видно роскоши. Вкусъ здѣшнихъ господъ ограниченъ простотою и опрятствомъ. Я часто выходилъ за городъ любоваться прекраснымъ его положеніемъ. Зеленые холмы, занимающія горы на одной сторонѣ, и величественный городъ и грозный видъ на морѣ съ другой, составляють великолѣпную картину. Здѣсь въ большемъ употребленіи шакъ называемый *Пикникъ*. Небольшое число пріятелей, соглашающихся провести день въ какой либо деревни. Приглашають дамъ, и каждый въ назначенный часъ, пріѣзжаетъ на мѣсто съ узломъ, въ коемъ, по условію, должно быть или жаркое или пирожное, вина и конфеты. Дамы обязываются привозить только то, что

своими руками они могутъ приготовить. Кавалеры должны доставлять вина и тому подобное. Располагаются въ какой нибудь хижинѣ, въ саду или на лугу. Одна изъ дамъ избирается хозяйкою; она повелѣваетъ всѣми и каждый дѣлаешь по, что умѣешь. Одинъ носитъ воду, другой рубитъ дрова, третій жаритъ аршищюки или накрываетъ споль. Въ сихъ занятіяхъ прекрасная женщина все одушевляешь; съ какимъ удовольствіемъ каждый спарается угодить ей. Опъ ея взора, кажется, и садъ безъ тѣни, и лугъ безъ зелени, получающъ новыя прелести.

Т е а т р ъ.

Быть въ Ишаліи и не сказать чего нибудь о театрѣ, о томъ удовольствіи, которое есть лучшее и пріятнѣйшее время провожденія, было бы не простительно. Ишалія по справедливости должна назваться опечесствомъ театральныхъ зрѣлищъ. Здѣсь чествуютъ славнаго пѣвца или пѣвицу болѣе, нежели индѣ искуснаго и счастливаго Генерала. Актеры раздѣляются на классы; они воспитываются въ театральныхъ Академіяхъ; первокласные служатъ образцомъ хорошаго обращенія. Знашнѣйшіе Господа принимаютъ ихъ въ своихъ домахъ съ отличнымъ уваженіемъ, и всѣ другіе счищаютъ за честь имѣть актеровъ въ своемъ обществѣ. Въ Ишаліи въ рѣдкомъ городѣ нѣтъ театра,

лучшія только принадлежатъ правительству, прочіе спрояся и содержатся или по подпискѣ или однимъ частнымъ лицомъ. Сии послѣдніе почши всегда разоряющся; ибо наемъ ложъ, кресель и мѣстъ въ паршерѣ очень умѣренъ. Въ Тріестѣ, когда червонецъ ходилъ по 18 флориновъ (*), за входъ въ паршеръ брали 48 крейцеровъ (48 коп.), ложа въ первомъ ярусѣ стоила 5 рублей; для бенефисовъ цѣна не возвышается, но при входѣ въ шеатръ каждый даетъ актеру сколько разсудитъ. По причинѣ низкой цѣны за входъ, шеатры всякой день бывающъ полны и актеры самыя посредственныя получающъ досташочное жалованье. Первокласныя же, по мѣрѣ ихъ искусства, отъ однихъ бенефисовъ въ короткое время пріобрѣтающъ большое состояніе. Вотъ почему хорошаго пѣвца или пѣвицу рѣдко можно слышатъ внѣ Италіи; ибо въ семь царствѣ изящныхъ искусствъ умѣющъ цѣнить и поощрятъ таланты.

Трагедіи ограничивающся представленіемъ оперъ Метастазіевыхъ, изъ копорыхъ выпускающся арии. Сочиненія другихъ авторовъ суть слабыя подражанія или переводы. Трагедіи Метастазія наполнены высокими мыслями, и прагическими красотоми; стихи его благородны и величественны; въ нихъ сполько же гармоніи, сколько въ музыкѣ, и сполько

(*) Рубль.

нѣжности, что его оперы могутъ служить образцомъ для стиховорцевъ нѣжнаго и шонкаго вкуса. Сколь ни славны шворенія Метаспазія, но если прагедія должна прогашь или ужасашь душу важностію приключеній, чрезвычайными, но не романическими положеніями, то Италіанская Мелпомена должна уступить преимущество Англинской и Нѣмецкой. Кажешся хладъ сѣвера болѣе способенъ производить истинныхъ прагивовъ, нежели благо-растворенный воздухъ юга. Для прагедій Метаспазіевыхъ до сего времени не было въ Италіи хорошихъ актеровъ и, кажешся, не будешь; они рождены для оперъ. Сколько мнѣ ни случалось видѣшь актеровъ, хорошими здѣсь называемыхъ, они были всѣ очень посредственны. Большею частію говорашь съ большимъ напряженіемъ, въ поступи ихъ и тѣлодвиженіяхъ есть нѣчто благородное, но слишкомъ много живоспи, кажешся они очень порояшся кончишь, въ чемъ и правы. Италіанская публика не весьма уважашь прагедіи и драммы; во время представленія оныхъ прѣзжающъ въ театръ не для того, чтобы слушашь, но чтобы видѣшься съ знакомыми. Обыкновенно по окончаніи представленія, театральная дирекція разыгрывашь лотарею, удерживая для себя изъ собранной суммы четвертую или пятую часть. Тутъ зришели, опивѣчая или спрашивая, какой номеръ вынулся; сами становяшся актерами.

Комедіи Гольдонія, называемаго Италіанскимъ Мольеромъ, имѣють много жару въ дѣйстви и связи въ произшествіяхъ, но для Италіанцовъ, какъ они сами замѣчаютъ, мало комическаго. Сочиненія другихъ авторовъ также хороши, но слабы противу Гольдоніевыхъ. Въ Италіи вообще мало актеровъ съ истиннымъ талантомъ, но буфовъ, самыхъ смѣшныхъ и презабавныхъ очень много. Оригинальные и чудные въ своемъ родѣ фарсы, гдѣ Арлекинъ играетъ главную роль, есть по истинѣ спрванное произведеніе веселаго ума. Въ сихъ національныхъ комедіяхъ, большею частію только четыре дѣйствующихъ лица: *Сьоръ Панталоне*, богатый Венеціанскій купецъ въ маскѣ съ большимъ краснымъ носомъ; *Бригелла* слуга; *Арлекинъ*, въ дурацкомъ пещромъ плащѣ, съ валенымъ колпакомъ на головѣ, въ черной полумаскѣ и съ деревянною шпагою за поясомъ. *Коломбина*, постоянная его пріятельница. Роль Арлекина трудна по тому, что онъ какъ любимое чадо публики, долженъ всѣми родами шутокъ, испорченнымъ Италіанскимъ нарѣчіемъ, во что бы ни шло смѣшить зрителей, и должно отдавать имъ справедливость, что они очень хорошо въ томъ успѣвають. Во время сихъ представлений, рукоплесканія почти не умолкають и *Арлекинъ* заслуживаетъ и пріобрѣтаетъ оныя, какъ говорится, въ пошѣ лица своего; ибо большею частію они говорятъ роль свою собственне ошъ себя, не заимствуя ошъ

сочинителя. Это однакожь не такъ трудно, какъ сначала показашься можешь; Арлекинъ зашверживаешь десяпка два или три самыхъ глупыхъ, низкихъ, просонародныхъ шутокъ, половиць и оспрыхъ словъ, въ которыхъ споль много двусмысленнаго, сполько оскорбительнаго для женщинъ, что, я не понимаю, какъ имъюшь перпѣне ихъ слушаешь. У насъ, конечно, запретили бы ихъ и въ лубошномъ театръ подъ качелями. На примѣръ, Арлекинъ объясняется въ любви Коломбинѣ самымъ необыкновеннымъ образомъ, и когда она ему ошказываетъ, онъ хочешь умершвишь себя. Запрудняешь въ выборѣ рода смерти, по обыкновенію Арлекиновъ, притвораясь всегда голоднымъ, глуповатымъ и шрусомъ, онъ пишешь себѣ надгробную самую непристойную... Обращеніе его съ Коломбиною сплишкомъ безцеремонное, онъ ее обнимаетъ и бьешь деревянную шпагою или руками по чему бы ни попало... Острыя слова Арлекина большею частію ограничивающяся сравненіями, иногда самыми плохими. Однажды разсказывая поварищу своему Бригеллѣ, какъ онъ укралъ капощъ, лежавшій въ одномъ домѣ на постелѣ, капощъ сей уподобляешь онъ женщинѣ и публика ему аплодируетъ... Впрочемъ спакое безспыдство актеровъ ни мало не удивительно; ибо и въ обществахъ говорящъ очень вольно, хощя и не вовсѣхъ вообще; ибо благовоспишанные Ишпаліанцы въ разговорахъ своихъ спрого наблюдающъ благоприсшойность. Я

не смѣю упоминать о родѣ кляшвы, на которую и дамы ошвѣчаютъ такого же рода восклицаніемъ безъ малѣйшаго замѣшательства. Многіе Арлекины очень хорошо и легко танцуютъ, и въ семь родѣ я видѣлъ пресмѣшныхъ и забавныхъ. Въ роль Арлекина бывають фарсы испинно комическіе. Всего забавнѣе видѣть его Королемъ. Представте себѣ, что Арлекинъ сидитъ на тронѣ, судитъ народъ, распоряжаещъ; но по какому-то случаю несутъ мимо его блюдо съ макаронами и Арлекинъ забываетъ, что онъ Царь, спремглавъ оставляетъ престолъ, съ жадностію бросается на любимое свое кушанье и оставшееся на блюдѣ кладетъ въ карманы на запасъ.

Сспрашъ къ театральнымъ зрѣлищамъ до того въ Италіи распространилась, что и самый Каполицизмъ ей уступаетъ. Въ великій постъ предспавляютъ комедіи, драмы или Трагедіи: право не знаю какъ ихъ называть; ибо они ни то, ни другое. Піесы сіи заимствуются изъ Библии или изъ житія святыхъ. Я видѣлъ на театрѣ св. Терезу; содержаніе піесы было самое грѣшное; были явленія противныя вкусу и нравственности. Непонятно, какаѣ цѣль, какое намѣреніе было сочинителей подобныхъ симъ *Трагико-коликко-драмъ*? весьма полезно, ежели христіанскія добродѣтели, искреннее покаяніе угодниковъ Божиихъ описываются въ наилучшемъ видѣ, искуснѣйшимъ перомъ; но пороки, погрѣшности ихъ, какъ мірскихъ людей, выведенные на сцѣну предъ

взоры публики, оскорбляютъ вѣру и вѣрующихъ. Можно ли безъ нарушенія должнаго уваженія къ святынѣ, безъ нарушенія пристойности видѣть на сцѣнѣ въ роли распушную женщину, старающую порочною спраснію, кающуюся тогда уже, когда грѣхъ ее оставилъ; видѣть свящую въ первомъ дѣйствіи бесѣдующую съ любовникомъ, а въ послѣднемъ опказывавшуюся опъ суешъ міра сего, и наконецъ видѣть ее при смерти окруженною Ангелами, черпями и вмѣстѣ Арлекиномъ. Конечно, таковыя піесы суть порожденіе вольнодумства, и порожденіе самое безобразное.

Въ прагическихъ операхъ, Италіанская музыка являешся въ своемъ блескѣ. Тутъ чувства, производимыя прагическими явленіями очаровываются согласіемъ музыки. Трагическая опера, по декорациямъ споль близкимъ къ нашурѣ, и по своимъ блестящимъ одеждамъ, безъ всякаго увеличиванія, по истинѣ есть нѣчто весьма великолѣпное. Мало городовъ, копорые могли бы собрать нужныя издержки для сихъ представлений. Велюпши, первый Сопрано, получалъ въ Тріестѣ за каждое представленіе 1000 флориновъ; изъ 40 представлений два бенефиса и сверхъ того экипажъ, споль ма шесть персонъ и гардеробъ. На декорации и одежды не щадятъ издержекъ. Къ сожалѣнію самыя богашыя костюмы иногда не приличествуютъ представляемому лицу; но главный недоспашокъ сихъ оперъ есть тошъ, что *Сопрано*, такъ названныя получе-

ловѣки, занимающіе первую степень на театръ, по своей пѣлесной неспроуноспи и болѣе женскому, нежели мужскому голосу, со всѣмъ неспособны представлять роль знаменитыхъ героевъ древности. Всего справнѣе, пока къ спому не привыкнешь, покажешся то, что герой уже заколовшійся и умирающій продолжаетъ пѣть такъ громко, что голосомъ своимъ покрываетъ и громъ оркестра и громъ рукоплесканій. Спрашъ къ пѣнію была причиною обычая жестокаго и бесполезнаго. Родители забывая природу и человекспво, желая доставить дѣтямъ своимъ славу и богатство, отдають ихъ въ театральныя Академіи, гдѣ изъ 20 жерспъ, едвали удаются двѣ съ хорошими голосами. Сіи полу-муцины имѣють всю силу и звонкость мужскаго и всю нѣжность и гибкость женскаго голоса. Велюшпи воспитанникъ Санъ-Карловскаго въ Неаполѣ театра, первокласный Сопрано, удивлялъ Тріеспъ своими героическими аріями; въ нѣжныхъ и любовныхъ онъ оказывалъ верхъ искусства; рулады его, спрели, пониженія и возвышеніе голоса сполько необыкновенны силою, пріятностію и выраженіемъ, что по окончаніи имъ лучшей аріи осыпають его изъ ложъ цвѣтами, конфетсами и бросають на сцѣну кошельки съ червонцами. Но признаюсь я не всегда былъ согласенъ съ сими восторгамн партера; мнѣ казалось, что если бы Велюшпи въ нѣкопоруыхъ выходкахъ своихъ пѣлъ болѣе обыкновеннымъ голосомъ, то онъ съ

своимъ искусствомъ, скорѣе и лучше пронуль бы сердца слушателей. Велюшпи не только пѣніемъ, но и самою игрою пріобрѣлъ себѣ славу; два таланта, которые рѣдко бывають вмѣстѣ; ни одна лучшая пѣвица не смѣла на театрѣ пѣшь съ нимъ вмѣстѣ. Корея также, какъ и онъ, состоя въ первомъ классѣ, рѣшилась наконецъ соспязаться съ нимъ, и можешь бышь опять ошибаюсь, но думаю, что никакой полу-мущина не можешь пѣшь съ такою душею, съ такимъ чувствомъ, съ какою она въ трагедіи (Траянъ въ Дакии) пѣла съ нимъ Арію: (*Se tu mi lasci, o Caro, io moro, nel tuo partir mi sento, mi sento morir*). Если ты меня оставишь, о милый другъ мой, я умру, разсвааясь съ тобою чувствую, чувствую уже смерть въ груди моей. Представше себѣ Корею, высокаго роста, спашную и полную женщину, въ великолѣпной царской одеждѣ, осыпанную жемчугами и драгоценными каменьями, прелестную, въ горести и слезахъ, имѣющую голосъ сладкій, пріятный, нѣжный, выразительный, и судите, можешь ли какой бы то нибыло полу-человѣкъ такъ сильно пронушь, попрясти сердце? Можешь ли самъ Велюшпи не уступить преимущества госпожѣ Сеси (*Imperatrice Sessi*), когда она поетъ въ оперѣ (Меропа) Арію: (*Carì miei figli venite!*) Милыя дѣши! придите въ мои объятія.

Опера Буфо есть можешь бышь лучшее украшеніе Италіанскаго театра. Въ сихъ

операхъ выводятъ на сцѣну всѣ сцѣленія хипросшей любви и волокишства. Одинъ въ нихъ недоспашекъ, что разговоры, которые поютъ на распѣвъ (recitativo), крайне утомительны и скучны. Слова въ аріяхъ часто не имѣютъ никакого смысла, но при громѣ прекрасной музыки, къ щастію, никто ихъ не слышитъ. На каждую изъ сихъ оперъ сочинено по нѣскольку музыкъ славнѣйшими Композиторами. Достоинство музыки въ операхъ и балетахъ столь велико, что оно только одно превосходитъ всѣ другія. Италіянцы рождены музыкантами; они имѣютъ отъ природы нѣжнѣйшія чувства къ музыкѣ и то, что у насъ пріобрѣтается ученіемъ, у нихъ, даже у простаго народа, кажется природнымъ. Талантъ сей у Италіянцевъ никто оспоривать не можетъ; музыка ихъ въ превосходной степени изображаетъ нѣжность, любовь, печаль, страхъ и ревность; но въ другихъ болѣе героическихъ справахъ, есть нѣчто шумное, женоподобное; и если Италіянцы уступаютъ Французамъ въ военныхъ маршахъ, Нѣмцамъ въ нѣкошорыхъ прудныхъ пѣсахъ съ варіаціями, то они во всѣхъ другихъ родахъ музыки далеко ихъ превосходятъ. Искусство музыкальное конечно наиболѣе Италіянцамъ обязано своимъ совершенствомъ.

Балеты не уступаютъ въ славѣ операмъ. Блестящія одежды, превосходныя декораціи, а болѣе всего, неподражаемая небесная музыка, пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуютъ на

вриспела. Первокласные танцоры и танцовщицы, легкостію и пріапносноію движеній очаровываютъ взоры; паншомима ихъ имѣеть чувствва. Извѣстные *гротески* легки, смѣлы и сильны; имъ удивляются и повсюду похваляютъ; но мнѣ не нравятся ихъ шакъ называемые смертные скачки (*Salto mortale*). Они мѣшаютъ наслаждаться танцами второкласныхъ танцовщицъ. Сіи театральныя Граціи прекрасныя, стройныя, полуобнаженныя, весьма опасны для сердець. Взоры опличаютъ одну за другою. Сердце не можетъ избрать, не можетъ одну другой предпочесть, и воображеніе представляеть чувстввамъ, каждую изъ нихъ попеременно красавицею. *Розина*, первая пѣвица оперы Буфо; и *Королина* первая танцовщица, какъ роза и лилія между цвѣтами, опличались ошъ прочихъ красошою и вмѣспѣ непорочнымъ поведеніемъ. Нѣтъ правила безъ исключенія, и въ Италіи есть 17-ти лѣпнія милыя актрисы, осмѣливающіяся не любить. Басси, первой Буфъ въ оперѣ, превосходный актеръ, какихъ въ Италіи мало. Онъ Фениксъ въ своей роль. Шутки его исполнены остропы, въ нихъ нѣтъ ни чего не пристойнаго; двусмысленныя слова онъ никогда не договариваль, краснорѣчивая его паншомима дополняла наилучшимъ образомъ то, что ему должно было сказать, и милыя дѣвицы могли восхищаться его игрою, могли смѣяться ошъ души, не имѣя причины краснѣть ошъ стыда. Въ оперѣ Першаншино, Басси опли-

чался пѣніемъ; въ другой же оперѣ, гдѣ онъ игралъ роль Дурандо, превосходилъ всѣхъ и игрою и пѣніемъ. Въ наше время въ Триестѣ были лучшія, самыя дорогія труппы. Выходя изъ театра, которой посѣщаль всякой почти день, я чувствовалъ себя всегда въ хорошемъ расположеніи.

Театральныя труппы, обыкновенно нанимаются на два или на три мѣсяца; въ продолженіи сего времени по 40 представленій сряду, исключая комедій и трагедій, играется одна и таже пьеса; по сему-то избираемыя актерами новыя пьесы для своихъ бенефисовъ, очень много выигрываютъ. Каждая труппа имѣетъ своего Профессора музыки или композитора танцовъ или поэта. Сей послѣдній есть самое жалкое и бѣдное твореніе. Я не смѣю объявить обыкновенную цѣну плашмую за ихъ оперу Буфо, ибо тогда принужденъ буду сказать, что творенія сіи и того не стоятъ. Они обыкновенно выбираютъ по нѣскольку актовъ изъ лучшихъ сочиненій, и на скорую руку сшиваютъ нѣсколько дѣйствій вмѣстѣ. Превосходная музыка замѣняетъ собою всѣ недоспашки. Здѣсь даже и не любопытствуютъ о имени сочинителя новой оперы, а спрашиваютъ чья музыка? Авторы комедій и трагедій получаютъ болѣе; но какъ драматическія творенія не весьма уважаются, то новое сочиненіе хорошо принимается только по тому, что оно ново, и

самое лучшее рѣдко переживаетъ два, при предсавленіи и почти никогда болѣе не возвращается на сцѣну.

Карнавалъ.

Карнавальные увеселенія продолжаются отъ Рождества до великаго поста. Съ неперпѣніемъ ожидаютъ сего времени. Маскерадь, главная забава карнавала, выдуманъ только для любовныхъ шалостей и всякаго рода дурачествъ. Въ продолженіе сихъ дней безстыдства, молодые люди имѣютъ всѣ удобства къ удовольствованію спрасей; развратъ, прикрытый маскою, не удерживается болѣе личностями. Женщины отъ утра до вечера заняты бывають приготовленіемъ нарядовъ изъ магазейна хитросей; онѣ выбираютъ лучшія для обману и ни о чемъ болѣе не помышляютъ, какъ объ однихъ способахъ нравиться и привлечь на себя вниманіе.

Лишь наступаетъ вечеръ, маскерадныя лавки великолѣпно освѣщенныя наполняются дамами и кавалерами. Маскерадный балъ открывается по окончаніи театральнаго предсавленія; но обыкновенно приходять въ маскерадь при наступленіи ночи, а расходясь съ разсвѣтомъ. Нигдѣ, какъ только въ Италіи, не можно видѣть такого разнообразія и замысловатости въ одеждахъ. Гогартовы карриатуры суть только слабое подражаніе Италіанскаго маскерада. Ничего не можетъ быть за-

бавнѣе, какъ видѣшь въ смѣшеніи всѣ народы міра въ своихъ одеждахъ: Римлянъ, Грековъ, монаховъ различныхъ орденовъ, Индѣйцевъ, дикихъ Американцевъ, боговъ, богинь, амуровъ и чертей, между которыми ходятъ въпренія мѣльницы, башни и Харонъ въ лодкѣ развѣзжаешь по залѣ. Изъ характерныхъ масокъ, знашый господинъ съ большою свихою, играетъ первую ролю. Шпашъ его соспавляющъ разнаго званія особы: Поэтъ слѣдуешь за нимъ съ кипкою свиховъ; онъ иногда чишаешь забавныя саширы, Арлекинъ и Паяцо опличающъ оспрыми шупками избранными изъ лучшихъ сочиненій; музыканты имѣющъ головы Индѣйскаго цѣпуха; конюшій, егеръ и кухмистеръ, каждый играетъ свою ролю, кошорую знашый господинъ въ удовольствіе публики заспавляетъ ихъ говоришь, что походишь на нѣкошорый родъ комедіи, составленной изъ разныхъ смѣшныхъ сцѣнъ. Всякая маска прешворяешь своей голось и вообще соглашаешь лице свое съ одеждою. Докторъ раздаешь двусмысленныя рецепшы онъ всѣхъ родовъ болѣзней, слѣдующій за нимъ аптекаръ предлагаетъ лѣкарства погашать или воспламенять любовь. Оракуль несетъ урну, изъ кошорой желающіе вынимають на заданное ими отвѣтъ въ свихахъ, какіе у насъ пишущся на конфешныхъ билешахъ. Изъ всѣхъ масокъ въ продолженіе карнавала одна заслужила гром-

кое рукоплесканіе. Это была женщина одѣшая по послѣдней модѣ съ зеркаломъ въ рукахъ. На розовыхъ ленточкахъ, привязанныхъ къ длиннымъ носамъ, она вела за собою семь мушницъ, изъ коихъ каждой представлялъ щеголя, философа, воина, купца, доктора, судью и Царя.

Въ полночь маскарадная зала наполняется до того, что съ прудомъ можно ходишь. Въ такой пестротѣ, пришедшіе вмѣстѣ, разлучаются въ разныя стороны, многіе дають волю рукамъ. Женщины ходящія безъ мушницъ ни мало стѣмъ не обижаются, почиая, что въ маскарадѣ такія непристойности должны быть терпимы. Желающія избѣгнуть оскорбленій, масокъ не надѣвають, и къ симъ оказываютъ должное уваженіе. Свободное обращеніе въ маскарадахъ простирается до того, что женщины подъ смиренною одѣждою монашенки, смѣло говорятъ то, чего ошъ ихъ пола никакъ ожидать было бы не лзя. Мушницы ни мало не запрудняются въ словахъ, и предложенія ихъ принимаются или опвергаются почти въ слухъ. Замаскированные скоро сыскиваютъ знакомства, выходятъ въ другую залу пить кофе или шекодадъ, пошомъ въ маскарадной лавкѣ перемѣнивъ нарядъ, въ наемной карешѣ ѣдутъ куда имъ угодно; или въ шеапральномъ прапширѣ берутъ особую комнату... Въ два часа за полночь, маскированные возвращаются въ залу въ прежнихъ наря-

дахъ, сыскиваютъ своихъ подругъ, и ни матери, ни опцы, ниже мужья ни мало не безпокояшся, гдѣ они были и что дѣлали. Вонъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина того, почему съ такимъ неперифнѣемъ ожидають карнавала. Щасливы мы, что всѣ наши увеселенія чужды сей развратности нравовъ.

Въ продолженіе маслиницы бываетъ общій маскарадъ, увеселеніе очень странное и забавное. Послѣ обѣда весь городъ въ экипажахъ, пѣшкомъ и верхомъ на ослахъ и коровахъ являешся въ маскахъ. Обыкновенныя и маскарадныя экипажи въ нѣсколько рядовъ ѣздяшъ по главной улицѣ. Въ маскарадныя экипажи запрягаютъ различныхъ животныхъ, какъ то: быка и козла, корову и лошадь; всѣ они обвѣшиваются попонами, цвѣтами, побрякушками, къ инымъ придѣлывается по двѣ головы и проч. Балконы и окна, украшенные вывѣщенными коврами, занимаются дамами. Кавалеры запасшисъ мѣлкими сухими конфектами, фазолью, бобами, цвѣтами и спишками, бросаютъ то или другое (смотря по красотѣ и уваженію) прямо въ лицо дамъ. Сильный градъ конфектъ предпочтительно сыплется на красавицъ, и удивительно, какъ въ продолженіе сего сраженія, остающся у нихъ цѣлы глаза. При наступленіи вечера, дамы замаскировавшисъ ходяшъ изъ дома въ домъ съ посѣщеніемъ, старающъ сколько можно, чтобъ и самыя корешко знакомыя не могли ихъ уз-

нашъ. Въ сіе время дѣлаются знакомства съ такими людьми, какихъ никогда лица не увидишь. Бываютъ обманы довольно забавные; встрѣчаются случаи, которые всегда оставляютъ пріятное воспоминаніе.

Въ продолженіе карнавала фокусники забавляютъ народъ различными предствленіями. Собачій балетъ, кукольная комедія, кабинетъ восковыхъ статуй показывающа на площадяхъ. Балансеры, незгораемый человекъ и тому подобное, иногда показываютъ свое искусство на театрѣ. Ученныя кинарейки наиболѣе мнѣ понравились. Тиролецъ подъ музыку заставляешь ихъ маршировать, беретъ ими бумажную крѣпость, изъ которой стрѣляютъ изъ пушекъ. Взявъ крѣпость разстрѣливаютъ дезертира, которой по учиненіи изъ пушки выстрѣла, падаетъ мертвымъ; но когда Тиролецъ положитъ его къ себѣ на руку, кинарейка вдругъ вспорхнетъ и запоетъ. Удивительно, какъ споль малую пшичку употребляютъ приучить къ повиновенію и къ различнымъ движеніямъ несвойственнымъ ей породѣ. Всего пріятнѣе, когда они числомъ до тысячи, всѣ вмѣстѣ поютъ подъ органъ и умолкаютъ вдругъ, когда Тиролецъ погрозитъ имъ проточкою.

Подземный гротъ въ Липцахъ.

Удивительной подземной гротъ въ Липцахъ въ 24хъ верстахъ отъ Триеста по до-

рогъ къ Фіумъ, возбудилъ многихъ любопытство. Согласившись наняли мы коляски и въ числѣ одиннацати человекъ рано упромъ оправились къ грошу. Дорога сперва вела насъ мимо загородныхъ красивыхъ домовъ, между пріятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься на высокую каменную гору, состоящую изъ плинника, совершенно голаго. Солнце пекло, зной былъ несносный, шагомъ всшацившись на вершину, мы ошановились, дабы дашь отдохнушь уставшимъ лошадамъ. Мы укрылись подъ нѣвю трехъ или чешырехъ деревъ, съ нами были шрубки и пиво. Ошдыхъ былъ пріятнѣйшій. Видъ съ горы вокругъ представлялъ различные предметы. Къ востоку шянулся хребетъ горъ, изрѣдка поросшій мѣлкимъ лѣсомъ, почва земли близъ насъ состояла изъ безплоднаго камня. Бѣдные жштели сихъ горъ имѣють свое пропитаніе ошъ продажи угольевъ; почему и называютъ ихъ *Карбонарами* (угольники). Къ сѣверу вдали видѣнь былъ сѣдой хребетъ Фріумскихъ горъ, также черныхъ и нагихъ, какова и ша, на кошорой мы находились. Близъ Триєспа часть моря, окруженнаго высокими скалами, ошъ преломленія солмечныхъ лучей, въ спокойной водѣ блесшѣло какъ зеркало. До деревни Безовицы, не было ни како-го признаку обитаемосши. Вездѣ видѣнь былъ голый камень, кремнисшыя скалы печально сшояли посреди пущыни, мрачная пишина

царшевова вокруг насъ. Проѣхавъ Безовицы, я вдругъ перенесся изъ ада въ рай; шущь взору моему предсѣавились плодоносныя сады, прекрасныя роши и многочисленныя по зеленымъ лугамъ посущіяся спада, и я не сучая болѣе палящимъ зноемъ, не примѣшилъ какъ прекрасною аллею пріѣхаль въ Липецы, небольшое селеніе, очень красиво выспроенное. Напившись кофе, и заказавши обѣдъ, мы съ проводникомъ пошли въ грошъ.

На ровномъ усыпанномъ множесшвомъ каменье въ полѣ, проводникъ показалъ намъ глубокую яму, вокругъ обросшую мѣлкимъ кусшарникомъ и сухою правою. Одинъ за однимъ начали мы спускашся въ грошъ. Я спустился на нѣсколько шаговъ внизъ, и непроницаемый мракъ принудилъ меня итши оспорожнѣе; придерживаясь за неровности высунувшихся каменье, я не прежде спускалъ ногу внизъ, какъ ошупавъ мѣсто палкою. Слыша голоса, а не видя никого, боясь, чшобы сверху кто не поскользнулся и паденіемъ своимъ не увлекъ бы въ пропасть меня и впереди идущихъ, съ безпокойшвомъ началъ я кликашъ шоварищей. Въ сіе время проводникъ зажегъ факель и вдругъ разлился вокругъ насъ свѣшъ. Съ полчаса мы шли извилишными переходами, спѣсны пещеры по сближались, по пространялись шолько, что пламя факела не освѣщало дальнихъ угловъ. Наконецъ сошли мы на самый низъ гроша въ глубину до 300 сажень и зрѣлище чудное и великолѣпное по-

разило взоры наши. Стѣны гропа, покрышыя накипью окаменѣвшей воды, отражая огонь факела, горѣли ослѣпляющимъ, неподражаемымъ свѣтомъ, только для мудрой руки природы возможнымъ. Мы находились въ кристальномъ подземномъ черпогѣ великолѣпно освѣщенномъ. Своды гропа, мѣстами восходили до такой вышины, что свѣтъ не достигалъ оныхъ; нѣсколько не весьма толстыхъ столбовъ изъ чистаго хрустала, поддерживали всю тяжесть обширныхъ сводовъ, съ коихъ, какъ бы прилепленные къ нимъ, висѣли другіе столбы, угрожающіе паденіемъ. Игра природы образовала на стѣнахъ многія фигуры, подобныя бюстамъ, пицамъ и живописнымъ. Посреди гропа куча каменьева чистыхъ и прозрачныхъ какъ стекло, походивъ на колоссальную спашую, поставленную на кругломъ подножіи. Спалакпиды сіи такой разливали свѣтъ, такими яркими горѣли огнями, что не возможно было долго на нихъ сморѣть. Холодъ и сырость, происходящія отъ капающей со сводовъ воды, были столь чувствительны, что мы скоро всѣ передрогли и поспѣшили выйти изъ гропа. Палящее солнце скоро потомъ принудило насъ снять мундиры, и мы пришедъ въ пракпиръ снова искали прохлады, чтобы съ удовольствіемъ побѣдять.

Поступки Французовъ въ Триестѣ.

Когда намѣреніе Наполеона лишить Бурбоновъ послѣдняго прона ему удалось; тогда великодушный Испанскій народъ, не могши перенести столь наглої обиды, именемъ Короля Фердинанда VII, рѣшился съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права и свободу. Революція жестокая по дѣйствіямъ, но справедливая по оскорбленію, возбудила геройское мужество въ душахъ благородныхъ Испанцевъ. По объявленіи Юсифа Бонапарша Королемъ Испанскимъ не было уже сомнѣнія, что Наполеонъ, уничтожая царство за царствомъ, предположилъ покорить всю Европу. Императоръ Австрійскій въ обезпеченіе своей независимости, нашелъ необходимымъ составить сильное земское войско, которое въ случаѣ войны могло бы съ пользою служить вмѣстѣ съ арміею его. Дворянство, духовенство, купечество и народъ не щадили пожертвованій, ревностно и охотно исполняли волю своего Императора. 18 Іюня 1808 года Эрц-Герцогъ Іоганъ прибылъ въ Триестъ для формировація земскаго ополченія; Его Высочество удостоилъ посѣщеніемъ наши корабли и принялъ былъ съ надлежащею сану Его почестію.

Наполеонъ не успѣвъ въ одну кампанію покорить Испанію, въ Мартѣ мѣсяцъ 1809 года пребывалъ, чшобы Австрійскій Императоръ распустилъ свое земское войско, и военные громы раздались близъ насъ. При открытіи

военныхъ дѣйствій, Австрійское оружіе увѣнчано было блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Эрц-Герцогъ Іоганъ при фоншанѣ Фредо (что въ Фріулѣ) разбилъ Принца Евгенія споль сильно, что Французы до самаго Адригача не могли ни на одной позиціи остановиться. Жители Италіи (*) съ радостію приняли Австрійскія войска; не было сомнѣнія, что Королевство Италіанское въ непродолжительномъ времени было бы освобождено; но судьба повелѣла иначе. Наполеново счастье вскорѣ вознаградило ему сію поперю. Поспѣшно подкрѣпивъ опшупившія въ Баварію свои войска новыми корпусами, онъ разбилъ у Регенсбурга Эрц-Герцога Карла, Главнокомандующаго большою Австрійскою арміею. Потеря Вѣны и опшупленіе Принца Іоганна изъ Италіи въ Венгрію, было слѣдствіемъ несчастной битвы у помнутаго города: 6 Маія Французы вступили въ Триестъ съ условіемъ не требовать отъ города никакой конпрібуціи, кромѣ 800 порцій въ день; но едва Австрійская армія нѣсколько удалилась отъ Триеста, требованія со дня на день начали увеличиваться: по нужно было нѣсколько лошадей, по нѣсколько бочекъ вина, по сухарей. Начали приходиться полки, одинъ

(*) Въ Триестѣ Гоферъ, въ Вестфаліи Маіоръ Шиль, въ Италіи многочисленныя толпы народа возстали прошиву Французовъ; неоспоримое доказательство ихъ ширанскаго правленія.

другаго хуже, солдаты оборванные, босикомъ и въ вѣшокахъ съ однимъ ружьемъ на плечѣ, требовали одѣжды. Когда граждане Триеста потеряли шерстяныя, когда Австрійскіе гражданскіе чиновники, оставшіеся въ городѣ и утвержденные новымъ правительствомъ въ своихъ должностяхъ, напомнили о условіи; но Французы сняли съ себя личину и начали брать все силою. Впервыя объявили, что бы жили всякое оружіе сдать въ арсеналь, и когда такимъ образомъ обезпечили себя отъ бунта, на первый разъ потребовали только 50.000 флориновъ, но не прошло дня, еще 100.000. Потомъ съ оружіемъ въ рукахъ, обобрали въ лавкахъ сукно, полотно, нанку и сапожной поварь, собрали всѣхъ поршневыхъ и сапожниковъ и пока они не обмундировали двухъ полковъ, держали ихъ подъ карауломъ въ казармѣ. Въ прежнюю войну (1800 года) Массена придумалъ для скорѣйшаго обмундирования солдатъ еще лучшее средство. Для какаго-то шажества входъ въ маскарадъ позволенъ былъ безъ плаши. Когда маскарадная зала наполнилась, гренадеры съ примкнувшими штыками выгнали кавалеровъ вонъ изъ залы, а женщинамъ вмѣсто увеселенія предложили, снявши маски, заняться шитьемъ рубашекъ. Благородныхъ дамъ, до тѣхъ поръ не выпускали изъ залы, пока они вмѣсто себя не представили служанокъ и нѣсколько денегъ. Бѣдныя женщины сидѣли въ залѣ подъ карауломъ цѣлую недѣлю, а послѣ отосланы

были мышь казармы. . . . Каждый Генераль, кошорый приходиль на корошное время въ Трієстѣ, налагаль контрибуцію для своего содержанія. Одинъ изъ Генераловъ, взявъ оную, пригласиль Авспрійскихъ чиновниковъ къ себѣ на обѣдъ; и когда послѣ спола Президентшъ магистрапа опкланялся Генералу, по на лѣспнищѣ быдъ остановленъ Адьюпантомъ, кошорый вручилъ ему щепъ съ приказаніемъ заплашишь по оному за споль и угощеніе. Офицеры не усшупали своимъ Генераламъ, они брали у хозяевъ своихъ все, что имъ нравилося, иногда дарили его шѣми вещами, кои зашруднишельно было имъ взять съ собою. Одинъ Офицеръ проходящей партіи, увидѣвъ на балконѣ дамъ, вошелъ въ домъ, и безъ обиняковъ сказалъ хозяину, что онъ любить хо-рошенькихъ женщинъ и пошому у него но-чуешь. Адвокашъ Резепши (хозяинъ дома) спросиль у него билетъ на квартиру? что за билетъ, отвѣчалъ Французъ; пригошовъ мнѣ на шесть персонъ ужинъ, и чтобъ было шампанское и бургонское. На другое ушро, Французскій Офицеръ, взявъ нѣсколько бѣлья, уложиль въ свой чемоданъ, надѣль новые хозяйскіе сапоги, а свои, изношенныя въ знакъ дружбы, подариль Адвокашу.

Когда Жубершъ Генераль - Иншendanшъ Французской арміи прибыль въ Трієстѣ, по бѣдствія еще большія, пришѣсенія неслыханныя, ошягомѣли на бѣдныхъ жителяхъ. Я желалъ бы умолчашъ о хищическихъ поступкахъ,

весьма печальныхъ и невыгодныхъ для чести націи, называвшей себя великою и просвѣщенною; и какъ такого рода злодѣянія происходятъ всегда отъ правительства или лучше правителя Деспота, то хотя по пословицѣ: „лежага не бьютъ“ я долженъ бы покрыть завѣсою произшествія, коихъ былъ очевидецъ, и коими сердце мое тогда раздиралось; однакоже почишаю нужнымъ дать соотечественникамъ моимъ понятіе, что могли бы мы претерпѣть тогда, когда подобно Нѣмцамъ остались бы въ своихъ домахъ? Чего жителя Москвы должны были бы ожидать, если бы наши гражданскіе чиновники оспались при своихъ должностяхъ, и были бы обязаны грабить своихъ друзей, отца, мать и себя самихъ? Сравнивая бѣдствія всей Европы съ поперею нашею и Испанцевъ, пусть читатели сами скажутъ, лучше ли или хуже мы сдѣлали, что предали огню свои дома, что осмѣляя занятые неприятелемъ города пустыми, лишили его средства содержать себя на чужой щепъ; и наконецъ, не отъ того ли мы побѣдили почишавшаго себя непобѣдимымъ Наполеона, что наше Правительство, подобно мужественнымъ Испанцамъ, приняло другія мѣры и способы для сопротивленія ему?

На другой день прибытія въ Тріестъ Жуберта, Французы конфисковали Англинскіе товары; вмѣстѣ съ оными опятами были частію и Нѣмецкіе, по произволу Францускихъ комисаровъ названные Англинскими. Дабы за сіи

товары выручить наличныя деньги, продали часть оныхъ съ аукціоннаго шорга. Купившимъ выдали свидѣтельствва и билешъ на свободный сихъ товаровъ пропускъ и продажу безъ пошлины во Французскихъ владѣніяхъ. Тріэстскіе капиталисты, думавшіе симъ оборотомъ обогатиться, обманушы были самымъ необыкновеннымъ образомъ. На границѣ Испаніискаго Королевства товары ихъ были остановлены; свидѣтельство, данное Жубертомъ, пажоженные чиновники объявили ничтожнымъ, и бѣдные купцы, очень еще довольны были и шѣмъ, что за половинную цѣну прошиву аукціонной покупки могли продать свои товары Маршалу Массенъ и нѣкоторымъ другимъ Французскимъ Генераламъ . . . разумѣтся, что товары, принадлежащіе *Маршалу* были пошчасъ пропущены.

По взятіи Вѣны, Наполеонъ наложилъ на Тріестъ 50 милліоновъ флориновъ конпрібуціи. Хотя сначала полагали, что городъ едва ли четвершую часть сей суммы можетъ выплашить, однакоже Жубертъ доказалъ прошивное; въ девъ мѣсяца онъ собралъ болѣе 20 милліоновъ, частію деньгами, а прочее съѣспными припасами и другими пошребностями. Жубертъ систематически и постепенно, такъ сказать, высасывалъ деньги. Во первыхъ наложена была небольшая конпрібуціа, которую въ три дни удобно и уплашили, потомъ подъ разными предлогами въ три раза взято было еще нѣсколько денегъ, и когда у бѣднаго

и посредственнаго состоянія нечего уже было брать; тогда присвоунили Жубершъ къ *насильственнымъ займамъ*, шо есть, у богачей ошняли до половины ихъ капишала, предспа-
 вя имъ чрезъ посредство своего Магистрата, сдѣлашь уравнишельную раскладку и современемъ взыскашь съ своихъ согражданъ. При сихъ насильственныхъ займахъ, если кто отказывался платишь, шо, дабы принудишь его, упошребляли шакъ называемую *военную экзекуцію*. Въ первый день приходили въ домъ пяшь человекъ солдатъ съ уншеръ-офицеромъ; хозяинъ кромѣ пищи, слишкомъ прихотливой для солдата, долженъ былъ въ шошь же день заплацишь каждому изъ нихъ по 5 флориновъ. На другіе сутки прибавлялось еще пяшь солдатъ, кои получали по 10 флориновъ. На третій день 15 солдатамъ выдавалось по 15 флориновъ каждому, и шакъ далѣе. Если чрезъ пяши дней, хозяинъ не вносилъ положенной на него конпримуціи, шо на шестой Комисаръ бралъ у него серебро или какія другія вещи, которыя удобнѣе и выгоднѣе можно было продашь. Не случалось почти никогда, или весьма рѣдко, чшобы кто могъ въ продолженіи пяши дней выдержашъ всѣ грубости и неистовства солдатъ. Они обыкновенно располагались въ лучшихъ комнатахъ, развѣшивали по стѣнамъ ружья и сумы, портили мебель, заставляли чистишь себѣ сапоги, мышь бѣлье, брали чшо имъ нравилось, женщинамъ не было ошъ нихъ покою, и самыя жесточайшія оскорбленія оспавались безъ наказанія.

Когда лавки и магазейны были на чистом ограблены; въ домахъ, едва ли что оставалось для пропитанія; когда изъ 40 тысячъ жишелей, оставалось только 20 тысячъ; то Жубершъ для вынужденія значительнѣйшей суммы, употребилъ слѣдующее средство: 24 богатѣйшихъ капиталистовъ посажены были подъ спражу, при чемъ объявлено было имъ, что если чрезъ 10 дней не внесутъ новаго наложеннаго на нихъ насильственнаго займа, то будутъ распрѣляны. Денегъ ни у кого не было, и сіи несчастные отправлены были въ крѣпость Пальма-Нову, для исполненія надъ ними смершнаго приговора. Не могу описать унынія и отчаянія, объявшаго Триеспцевъ. Нѣкоторые благородные Французы были чувствительны къ бѣдствіямъ народа, нѣкоторые съ негодованіемъ порицали жестокіе поступки, происходящіе отъ алчности къ деньгамъ. Дюкъ де Нарбонъ (*), дивизионный Генераль, бывшій въ сіе время Губернашоромъ въ Триеспѣ, старался сколько можно облегчать участь угнетенныхъ; но по причинѣ полной власти для взысканія контрибуцій данной

(*) Дюкъ былъ изъ числа тѣхъ эмигрантовъ, которые возвращаясь во Францію, вступили въ службу. Мать и сеспра его потерявъ все свое имѣніе жили въ Триеспѣ въ крайней бѣдности и неизвѣстности. Нечаянная встрѣча обрадовала преспѣлую мать, но она запретила сыну посѣщать ее во французскомъ мундирѣ.

Жубершу, благородныя усилія его большею частію оставались безуспѣшны. Жубершъ, сколько по обязанности и долгу службы, сколько сообразуясь съ характеромъ своего деспота, какъ кажется, получилъ навѣкъ ничѣмъ не прогашся, и употреблялъ крайнія мѣры жестокости съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Вошъ шому примѣръ: Карчіопши, спарець 80 лѣтъ, вмѣстѣ съ прочими купцами отправленъ былъ въ Пальму-Нову. Сынъ его предсшая Жубершу, что имѣніе ему, а не отцу принадлежишь, просилъ Генерала, чтобы ему вмѣсто родителя позволилъ умереть. Жубершъ равнодушно и съ насмѣшливою улыбкою отвѣчалъ сему достойному сыну: „швое намѣреніе похвально, годишь для прагедіи; заклаши, сверхъ положенной на отца конприбуціи 20 тысячъ флориновъ, и я сей часъ прикажу разспрѣляшь тебя вмѣсто швоего почтеннаго родителя.“ Къ счастью миръ вскорѣ былъ заключенъ, и спрадалицы просидѣвъ въ шюрмѣ, были освобождены.

Таковы-шо были средства для взысканія конприбуціи употребленныя; но были еще другія, адскою душею обдуманныя злодѣйства, коимъ и самъ Апшила, и самый неисповый разбойничій атаманъ долженъ былъ бы уступить. До вступленія Французовъ въ Тріеспъ, коронныя суммы и всякое казенное имущество были вывезены; но капиталы не совершеннолѣтнихъ и вдовъ подъ опекою находящихся, оставались; Жубершъ для пополненія конпри-

буцій, не усомнився пошребовашъ и сіи суммы. Президентъ городского правленія долго тому пропивилса. Жубертъ въ семь случаевъ не хотѣлъ употребить явнаго насилія и для полученія сихъ денегъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Сыскалъ такого чловѣка, который не имѣя ничего, чтобы могъ почесать для себя попереку, согласился за мѣсто Президента выдать деньги акшомъ. Прежній благородный Президентъ, не щадившій никакихъ усилій для облегченія участи своихъ согражданъ, былъ смѣненъ, а сироты и вдовы лишились отъ того дневнаго пропитанія. Вотъ какими уловками Французы прикрывали свои насильственные поступки, кои и имъ иногда казались непопзволёнными. Дабы имѣть причину прихѣснать и опнимать деньги, было наконецъ опубликовано, что доносикамъ будетъ выдаваемо приличное награжденіе. Невинные страдали, принуждены были плашить за обвиненія, коимъ не было никакого основанія; и даже не требовались для улики и ложные свидѣтели.

Въ слѣдъ за арміею вступила въ Триестъ другая, состоящая изъ маркитантовъ, распущныхъ женщинъ, каршежныхъ игроковъ, искусниковъ, фиглярровъ, въ почетномъ званіи шпионовъ, шайной полиціи служащихъ, и такого рода людей, кои будучи чужды всякой нравственности, не имѣя въ поступкахъ своихъ и шѣни добродѣтелей, дерзають выхватывать чловѣколюбіе и безкорыстіе Наполеона,

за честь себѣ вмѣняющъ удивляться его подвигамъ; и между шѣмъ поведеніемъ своимъ, при каждомъ шагѣ обличаютъ героя своего въ малодушіи и хищничествѣ, и невольно обнаруживаютъ низкое его рожденіе. Опъ добраго сердца приписываютъ ему пакія свойства, кои свойствамъ истинно великихъ мужей совершенно чужды.

Каршежные игроки, заплашивъ немаловажную опкупиую сумму за позволеніе обыгрывать навѣрное, состоящъ, какъ называютъ Французы, *подѣ покровительствомъ законовъ*. Дежурный банкерь для опличія носилъ чрезъ плечо широкую, подобную орденской, шрецившую ленту. Театральная зала опъ ушра до вечера была наполнена игроками. Я иногда приходилъ въ оную пипашъ душу мою опращеніемъ, примѣчашъ опчаянныя лица игроковъ, которые при каждомъ оборотѣ рулины, краснѣли или блѣднѣли, смотря пошму, выигрывали или проигрывали они. Мрачная шшина прерывалась одними прокляшями, вздохами и восклицаніями. Не слышно было инаго шума, кромѣ деревянныхъ лапшпокъ, коими банкеры пригребали или оппалкивали опъ себя золото. Женщины, копорыя не имѣли болѣе денегъ, проигрывали кольца, серьги, гребни, плашки или въ шеатральномъ трактирѣ наскоро продавали свою благосклонность. Сии прибывшія Францускія нимфы позора, опправляли должность шпіоновъ, и получали за шо жалованье опъ полиціи, и также

состояли въ штатѣ Наполеоновыхъ обожашелей. Армейскіе маркітаншы, заплашая ошкупъ, разыгрывали въ лотарю нагребленныя вещи, большею частію покупаемыя опъ конпрібуціонныхъ депо. Въ одной лавкѣ, можно было за грошь выиграть какую либо вещь, на примѣръ одинъ башмакъ или лоскутъ стараго плашья, въ другой съ аукціона можно было купить за безцѣнокъ кусокъ сукна. Кіпо покупалъ поваровъ на сто рублей, шому по настоящей оцѣнкѣ предоставлялось на его выборъ на 150 рублей. Симъ способомъ конпрібуціонныя вещи обращались въ деньги. Въ праздничные дни при хорошей погодѣ, на площади разыгрывалась шакъ называемая *денежная лотаря*. Въ пользу казны удерживалась половина изъ собранной суммы; но какъ однажды выигрывшаго самой большой призы, посадили въ шюрьму, подѣ предлогомъ, что онъ шакихъ номеровъ изъ лотарейной каншоры не получалъ, шо народъ и нѣсколькихъ грошей не хошѣлъ проигрывать напрасно. Развращенные нравы побѣдителей вкрались и въ сердца побѣжденныхъ. Толны игроковъ изъ черни, не имѣя чѣмъ питаться, начали промышлять воровствомъ, чего при Австрійскомъ правительствѣ и слышно не было. Махіавельская полишика Наполеона, съ умысломъ допускаешъ шаковое развращеніе народа; ибо человекъ, въ крайней нищетѣ находящійся, не можешъ сожалѣшь о своей свободѣ и въ опвращеніе голодной смерти, охотно ищешъ

оной на полѣ сраженія. Въ Триестѣ набрано было силою нѣсколько рекрутъ, и сіи несчастные принуждены были бы сражашься прошиву своего опечесшва, еслибъ вскорѣ не заключень былъ миръ.

Послѣ *Асперискаго* сраженія, Французы желая прикрыть поперю онаго, выдумывали въ пользу свою разныя обстоятельства, лгали безъ всякой мѣры и вѣроятности. Одинъ Офицеръ, посѣщавшій домъ Баронессы Цанки, у коей предпочпительно принимаемы были Рускіе, съ видомъ увѣришельнымъ и гордымъ, рассказывалъ за новоспъ самую достоверную, что одинъ раненой Французской Полковникъ, ѣдучи въ карешѣ, былъ нечаянно окружень бооо колонною Австрійской милиціи, которой начальникъ объявилъ его плѣннымъ; но нашъ храброй Полковникъ, продолжалъ хвастунъ, одними словами, (*à force de parole*) принудилъ бооо Австрійцевъ положить предъ нимъ ружье. Пожалуйте, не договаривайте, шупливо возразила на сіе Графиня Воиновича (урожденная Пизани); милостивые государи, обратившись къ прочимъ госпямъ, продолжала Графиня, я свидѣтельствуюсь вами, что нѣтъ женщины болѣе меня болшливой. И шакъ радуйтесь, я сей часъ ѣду въ Вѣну, и увѣряю васъ, что я своимъ болпаньемъ (*a forza di chiacari*) приножу всю Французскую армію положить пере-до мною ружье.

По заключеніи Вѣнскаго мира, Маршалъ Мармоншъ сдѣланъ былъ Намѣстникомъ Илли-

рійскихъ провинцій. Новые подданные, съ стѣсненнымъ опъ горести сердцемъ, дали присягу въ вѣрности. Одна надежда, что участь ихъ будетъ сноснѣе, уменьшила уныніе; но послѣдствія вскорѣ доказали прошивное. Каждый владѣлецъ дома или земли долженъ былъ плащись въ годъ опъ 10 до 20 процентовъ со спа, не съ доходовъ, а съ поей суммы, чего стоить его имущество, включая мебели, экипажи и проч. . . Опъ многихъ шлягоспныхъ налоговъ, собираемыхъ съ поюже спрогоспю, какъ и военныя контрибуціи, богатѣйшіе люди разорились. Въ Венеціи одинъ изъ псешровъ былъ проданъ за 60.000 ливровъ; но какъ скоро деньги сіи были внесены, то городовое правленіе пошребовало съ покупщика прежнюю недоимку, простиравшуюся до 140.000 лиръ; а какъ онъ не могъ внести такой суммы, то псешръ чрезъ годъ описали въ казну. И такимъ образомъ продавали его при раза за безцѣнокъ.

Континентальная система довершила разореніе Тріесша. Личная ненависть Наполеона прошиву Англичанъ простиерлась до того, что онъ не имѣя флота, которымъ могъ бы опмспить Британцамъ за смѣлыя, несносныя для малодущія его насмѣшки, въ кипѣніи безсильной своей злобы, не усомнился ницешю миллионъ лучшихъ своихъ подданныхъ, лишись невріашелей выгодъ ихъ спрудолюбія и промышленности. Миланскій декрешъ доказываетъ, сколь мало Наполеонъ думалъ о благѣ

своего народа. По сему декрету купецъ, отправляющій грузъ моремъ долженъ былъ, чего стоишь судно и грузъ, обезпечить вносомъ денегъ или вѣрнымъ залогомъ. Если дойдешь до свѣденія, что судно было осматриваемо Англинскими крейсерами и было ими оппущено, то таковое берется въ казну. Таможенные чиновники имѣя въ виду сіи двѣ спашьи, по малѣйшему подозрѣнію, безъ всякихъ доказательствъ могли всякое судно и залогъ присвоивать казнѣ. Не смотря на всю близельность Француской береговой спражи, Англинскіе шовары во множествѣ продавались даже въ самомъ Парижѣ. Наполеонъ думая искоренить шоргъ запрещенными шоварами, обогатившій Англинскихъ купцовъ, приказалъ всѣ колоніальные шовары, находившіеся въ его владѣніяхъ, сжечь. Безразсудность сія, какъ извѣстно, ни мало не оспановила тайной шорговли: какой убышокъ могли имѣть Англичане, когда Наполеонъ могъ жечь только шѣ ихъ шовары, за копорые они уже получили деньги?

*Произшествія во время пребыванія Рос-
сійской эскадры въ Тріестъ.— Возраще-
ніе въ Россію.*

10-го Іюня 1808 года, Англинскій фрегашъ приходилъ въ Тріестъ подъ переговорнымъ флагомъ; на ономъ получено извѣстіе, что преспаръмый въ добродѣтели Георгъ III, рѣшился во что бы ему ни спало, податься

помощь Испанцамъ и Португальцамъ, возставшимъ съ мечемъ мщенія противу Наполеона. Съ сего времени, не смотря на протесты Францускаго въ Триестѣ Консула, коего ноты доселѣ значили повелѣнія, дружескія сношенія съ Англичанами продолжались непрерывно; когда же Эрц-Герцогъ Юганъ прибылъ въ Триестъ для образованія земскаго ополченія, то Англическіе военные корабли останавливались близъ гавани и принимая конвой Австрійскихъ купеческихъ судовъ, явно сопровождали оныя мимо Истріи, въ портахъ копорой Французы усилили свою гребную флотилію. Австрійцы во уваженіе нашего флага не позволяли Англичанамъ подходить къ эскадрѣ нашей ближе пушечнаго выстрѣла, въ городѣ же мы всрѣчались съ ними довольно часто и обходились попріятельски. 27 Августа пришло первое Испанское купеческое судно, изъ Триеста также отправилась нѣсколько Австрійскихъ судовъ въ Испанію. Союзъ Австріи съ Англіею и Испаніею, хотя и не былъ обнародованъ; но по симъ дружескимъ сношеніямъ никто въ ономъ не сомнѣвался. 9 Ноября Генераль Маіоръ Бибиговъ, назначенный Посланникомъ ко Двору Мюрата, новаго Неаполитанскаго Короля, въ проѣздъ свой чрезъ Триестъ, посѣщаль корабли наши и былъ принятъ съ должною почестію. 13 Декабря на Испанскомъ фрегатѣ прибылъ въ Триестъ бывший Посланникъ Баронъ Григорій Александровичъ Строгоновъ. При съѣздѣ его на берегъ, Испанскій

фрегатъ салютоваль ему 15 выстрѣлами. Если по сему фрегату судить о Испанскомъ флотѣ, то мнѣніе о устройствѣ онаго будетъ не выгодно. Построеніе фрегата не очень красиво, но онъ ходитъ легко, вооруженіе шажело, люди въ управленіи парусовъ не проворны; они одѣты бѣдно, не опрятны и весь фрегатъ весьма нечислъ.

1809 года Генваря 26, къ общему нашему прискорбію, скончался почтенный и любимый нашъ Капитанъ - Командоръ Иванъ Осиповичъ Салтановъ. Всѣ Австрійскія войска, бывшія въ Триестѣ подъ командою Бригадира, были при погребеніи. Процессія по военному нашему уставу была самая пышная. Знамена, пушки и барабаны, увитые флеромъ, длинный рядъ священства въ великолѣпныхъ ризахъ, пѣніе и военная музыка, раздирающая сердце, безпришворная печаль напечатлѣнная на скорбныхъ лицахъ окружавшихъ гробъ и колесницу; корабли съ искривленными реями, съ опущенными въ половину флагами и вымпелами; и самые пушечные выстрѣлы чрезъ пять минутъ одинъ за другимъ послѣдовавшія, все это вмѣстѣ сколько трогало зрителей, столькоже и нравилась имъ сія погребальная пышность, какой они доселѣ не видали. Не смотря на дурную погоду, по улицамъ едва было можно прохѣснисься. Капитанъ 1 го ранга Михайль Тимоѣевичъ Быченскій по старшинству принялъ начальство.

31 го Генваря, для дня рожденія Императора Франца I. корабли наши были разсвѣщены флагами и съ каждаго палили по 31 выстрѣлу. 12 го же Марша по случаю дня возшествія на престолъ нашего Императора, Австрійцы съ крѣпостей также палили изъ всѣхъ орудій. День пасхи 28 Марша провели мы истинно по Христіански. Заупрениа была въ Славянской церкви св. Спиридонія. Корабельные священники отправляли службу вмѣстѣ съ приходскими. Пѣвчіе наши стояли на правомъ крылосѣ, пѣніе ихъ восхищало Славянъ; но когда при первомъ словѣ: Хриспосъ Воскресе, въ глухую полночь съ кораблей нашихъ освѣщенныхъ фонарями раздались пушечные громы, то восторга Славянъ описатьъ было не можно.

Торжештво вѣры, конечно, производить впечатлѣніе, пріятнѣе всякаго другаго. Добрые Славяне признавались, что они никогда съ такою радостію не встрѣчали великаго праздника, и дня, который препроводили вмѣстѣ съ нами, никогда не забудушь. Иностранцамъ, особенно Католикамъ нравятся наши церковные обряды; они сознаются, что со всею пышностію въ Греко-Россійскомъ богослуженіи соединено приличное великолѣпіе, вливающее въ душу священное благоговѣніе; но при всемъ томъ, они не иначе называютъ насъ, какъ ошступниками (Schismatici), а иногда обряды наши представляютъ совсѣмъ въ превращномъ видѣ. Вотъ пому разительный примѣръ. Одинъ путешественникъ, бывшій во

время Паеки въ С. пепербургѣ, описывая шоржество сего дня, между прочимъ сказала: чувствительна было для меня видѣшь, когда всѣ бывшіе въ церкви, безъ различія чиновъ, царедворецъ и солдашь, крестьянинъ и Генераль начали обнимашься и цѣловашь другъ друга въ уста, говоря одинъ другому: *Crestovskiy ostrov*, *vasilifky ostrov*, то есть вмѣсто Христосъ воскресе *Крестовскій островъ*, а вмѣсто воинспину воскресе *Васильевскій островъ*.

Въ концѣ Марта, война между Австрією и Францією, давно и съ неперпнїемъ ожидаемая, началась. Начальствующій эскадрою Капитанъ 1 го ранга Мих. Быченскій, не имѣя ни какихъ повелѣній, въ какомъ отношеніи должны мы были счишашь себя съ Австрійцами и Французами, для полученія нужныхъ наставленій, 1 го Апрѣля опсправилъ въ С. Пепербургъ Лейшенанша Кар. Вас. Розенберга. По занятіи Тріеста 6 Маія Французскими войсками, положеніе нашей эскадры сдѣлалось затруднительнымъ; ибо Французскіе и Австрійскіе Генералы при всякомъ случаѣ увѣряли насъ, что мы съ ними въ союзѣ. Недоумѣніе сіе продолжалось до прибытія изъ Вѣны въ Тріеспъ бывшихъ Посланниковъ при Сицилійскомъ Дворѣ и Опоманской Портѣ Тайныхъ Совѣшниковъ Д. П. Ташицева и Ишалинскаго.

10 го Маія, не смотря на множество Англинскихъ крейсеровъ, 10 Французскихъ канонерскихъ лодокъ успѣли прокрасься изъ Ве-

неціи въ Трієспѣ. 13 го Маія Министръ морскихъ силъ Италіянскаго Королевства Кафарелли посѣшилъ нашего начальствующаго; ему салютовано было изъ 13 пушекъ. Въ сейже день по причинѣ гнилости корабля Уріила, снята была съ него половина пушекъ, копорья пославили на мулъ спараго караншина. (Австрійцы не оставили въ Трієспѣ ни одного орудія). Распоряженіе сіе послужило къ нашей пользѣ, или лучше лишило насъ случая съ выгодною сразиться съ Англичанами. 17 Маія на расвѣтѣ Англинская эскадра, состоящая изъ 5 кораблей, 3 большихъ фрегатовъ и брига, показала у мыса Салвора и шла на всѣхъ парусахъ къ Трієсту. Эскадра наша перемѣнила позицію и стала такъ близко берега, что непріятелю пройши между нашими кораблями и атаковать насъ съ обоихъ бортовъ было не возможно (*). Линія, состоявшая изъ 4 кораблей, 2 фрегатовъ и корвета, такъ стѣснена была въ видѣ полуциркуля и защищена съ обоихъ фланговъ береговыми батареями, что Англичанамъ подъ перекрестнымъ огнемъ 250 орудій, трудно было бы подойти и спастъ прошиву насъ на шпрингъ (**). Перешагнувъ въ новую позицію, спустишь шпеныги и реи на низъ, ошвартовившись (***)

(*) Смотри позицію на картѣ Трієста.

(*) Пославишь корабль на якорь такъ, чтобы помощь канатовъ оны могъ обращаться во всѣ стороны.

(***) Привязашься къ берегу.

и приготоуишься къ бою, было дѣломъ прехъ часовъ. Опасность бытъ ашаконаннымъ въ разспройспвѣ, было лучшимъ въ сея работѣ нашимъ помощникомъ. Французы не менѣе были дѣшпельны въ посироеиіи береговыхъ батарей и у нихъ къ полудню все было гошюво. Непрїательская эскадра не дошедъ до пушечнаго выспрѣла по шихосши вѣпра спала на якорь. Въ 4 часа по полудни, когда подуль доволно свѣжій вѣспрѣ, Англичане снялись съ якоря, подѣ всѣми парусами спустились на нашу линію и съ батарей спараго каранпина сдѣлали уже нѣскольго выспрѣловъ; мы съ неспервнїемъ, съ жадносшію счишали минушы, когда непрїатель приближись на нашъ выспрѣль; но къ крайнему сожалѣнію, Англинскій Командоръ осмошрѣвъ вблизи наше полдженіе, не осмѣлился сдѣлашь нападенія, поворошилъ назадъ и спаль на якорь на прежнемъ мѣспѣ. Мы досадовали, что поставлены были въ споль выгодной позиціи, намъ даже и пошонуть было не можно (чего по вешхосши кораблей прежде всего ожидашь было должно); ибо подѣ кораблями оспавалось не болѣе аршина воды. Напасшь на насъ значило бы безрасудно ошдашься намъ въ руки.

Непрїательская эскадра болѣе мѣсяца была въ виду Трїесша и кажешся искала случая къ нападенію; мы съ своей спороны были во всякое время гошовы къ сраженію. На каршечномъ выспрѣлѣ ошъ линіи кораблей

положили на якоряхъ бобы (*) и каждый день обучали людей пушечной и ружейной экзерциции съ огнемъ, а на шлюпкахъ приучали людей къ абордажу и рукопашному бою. 9 го Юня Англичане ночью покушались близъ Триеста напиться водою, но гребныя наши суда и Французскіе пикеты въ помъ имъ воспрепятствовали. 24 Юня, когда отрядъ Австрійской милиціи по дорогѣ къ Фиуму сражался съ Французами, Англинская эскадра шакже приближилась къ гавани; мы были въ великомъ безпокойствѣ: Австрійцы дрались упорно, звукъ пушечныхъ выстрѣловъ приближался и становился слышнѣе. Положеніе наше было самое затруднительное; ибо еслибы Австрійцы взяли городъ, то бы мы должны были или погибнуть безъ славы, или безъ сраженія сдаться. Одинъ изъ Англинскихъ фрегатшвъ изъ бухты Муця началъ бросать бомбы, которыя ложились близъ кораблей. Наши Офицеры изъ одной Урильской 48 фуншовой пушки, поставленной на высотѣ у Сант-Андрея, нѣсколькими мѣшкими выстрѣлами принудили оный фрегатшвъ отступить. Французская гребная флошилія вышла изъ гавани для преслѣдованія; но подулъ вѣтръ и Англинскій фрегатшвъ успѣлъ соединиться съ своею эскадрою

(*) Дѣлающа изъ спарыхъ мачшвъ, связывающа желѣзными цѣпями и служаща для удержанія непріятельскихъ кораблей въ надлежащемъ разстояніи.

На другой день у сего фрегата починивали подводную пробоину; Австрійцы также опшупили и болѣе къ Триесту не приближались. Ночью Англичане бросили въ городъ нѣсколько Конгревовыхъ ракетъ, одна изъ нихъ попала въ домъ, но безъ дальняго вреда. 17 Юля Англинскій фрегатъ и бригъ узнавъ, что Французская флошиля пробирается близъ берега изъ Венеціи въ Триестъ, ночью напали на нее споль удачно, что всю ее испребили и взяли въ плѣнь 7 канонерскихъ лодокъ и 4 шребаки. Сіе было послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ близъ Триеста. По заключеніи мира Англичане удалились.

Послѣ Аспернскаго сраженія, Наполеонъ для переправы чрезъ Дунай и для служенія на канонерскихъ лодкахъ и батареяхъ, на островѣ Лобау успроенныхъ, имѣя нужду въ искусныхъ мапрозахъ, рѣшился воспользоваться покушеніемъ Англичанъ напасъ на эскадру нашу въ самой гавани; но дабы преждевременно не опкрышь своей настоящей цѣли, и зная, что пребываніе наше въ Триестъ, со времени занятія онаго Французами, не очень намъ пріятно, прислалъ къ начальствующему эскадры Капитану Быченскому слѣдующее предложеніе: „полагая, что пребываніе Россійской Императорской эскадры въ Триестъ небезопасно ошъ нападенія Англичанъ, я предлагаю вамъ Г. Капитану, воспользоваться удаленіемъ непріятельской эскадры ошъ береговъ, или какимъ другимъ

„удобнымъ случаемъ, и перейши съ эскадрою
 „вамъ ввѣренною въ Анкону, гдѣ какъ содер-
 „жаніе людей, шакъ и сильная защита сей
 „хорошо укрѣпленной крѣпости будущъ для
 „васъ обезпечены. Если же какія обстоятель-
 „ства предпринимашь походы сей не позво-
 „ляшь, то я искренне радѣя о чести флага
 „моего союзника и друга, предлагаю вамъ
 „разоружить корабли и сдатьъ всѣ принад-
 „лежности оныхъ моимъ Комисарамъ перейши
 „съ экипажами въ *Удино*, гдѣ сформировав-
 „шись въ баталіоны, ожидайте дальнѣйшаго
 „повелѣнія для слѣдованія въ опечесство ваше:“
 10 Юня Лейтенантъ Розенбергъ, возвратив-
 шійся изъ С.Пешербурга, посланъ былъ въ Вѣну
 съ отвѣтомъ слѣдующаго содержанія: „по
 „вещности кораблей не возможно безъ явной
 „опасности перейши мнѣ съ эскадрою изъ
 „Триеста въ Анкону. Я надѣюсь, что больше
 „будетъ чести для флага Августѣйшаго мо-
 „его Монарха сразиться съ непріятелемъ, не-
 „жели не сдатьъ ни одного выстрѣла, оспа-
 „вить корабли ему на жершву. Въ такихъ об-
 „стоятельствахъ оставишь свой постъ безъ
 „почнаго повелѣнія моего Государя и долгъ
 „и честь мнѣ запрещаюшъ.“

Въ продолженіе войны надежда Австрій-
 цевъ получить нашу помощь сколько была об-
 щая, что даже послѣ Ваграмскаго сраженія,
 въ Триестѣ съ достоверностію рассказывали,
 что 100.000 Рускихъ соединились съ арміею
 Принца Карла. Сколько-то Нѣмцы привыкли

видѣшь насъ друзьями угнѣшенныхъ и помощниками слабыхъ. Не можно описатьъ чувствъ печали и унынія Тріестцевъ въ ту минушу, когда объявлены были спашьи мира, заключеннаго между Франціею и Австріею. Несчастія Франца II омышы были горькими слезами всѣхъ его подданныхъ; прискорбіе же шѣхъ, кои лишались крошкаго, отеческаго его правленія, было поистинѣ жалости доспойно.

Когда Ери-Герцогиня Марія Луиза обручена была Наполеону, лучъ пріятной надежды оживиль на крашкое время Тріестцевъ. Носилъ слухъ, что Иллирійскія провинціи, будупть возвращены Австріи; но когда все оспалось по прежнему, то всѣ бѣдшвія Австрійскаго Императора начали приписывать единшвенно Рускимъ. Наполеоново счасшіе, какъ думали тогда, было уже не преодолимо. Бракосочешаніе его съ Маріею Луизою успокоило огорченныхъ пошерями Австрійцевъ; они полагаали, что союзъ Австріи съ Франціею посшавленъ на швердомъ основаніи. Новые подданные Наполеона, въ неудовольствіи своемъ не предвидя облегченія своей участи, мечшали вмѣстѣ съ Французами о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, о разореніи другихъ и наконецъ ясно говорили, что шешпръ войны скоро перенесень будепть въ сердце Россіи. Политическое мнѣніе, досель сполько лестное для Рускихъ, совершенно перемѣнилось; любовь и уваженіе къ правошъ нашей очень охладѣли. Долгое опшшствіе изъ отечесшва, бездѣйствіе, праз-

днось, нечріянность жишь съ шѣми, кто не желаетъ намъ добра, и самыя удовольствія наши обрали въ скуку и упомленіе. Вообщѣ неизвѣстность, долго ли еще мы будемъ безъ всякаго дѣла, и предчувствіе грозы, которая опвсюду скоплялась надъ опечесвомъ, дальнѣйшее пребываніе въ Тріеспѣ содѣлывали весьма для насъ нечріяннымъ.

Наконецъ къ неизяснимой всѣхъ радости получено высочайшее повелѣніе опъ 27 Сентября 1809 года: корабли со всѣми принадлежностями къ онымъ, по условенной каждой вещи оцѣнкѣ сдать Францускому правительству, а экипажамъ, находящимся въ Тріеспѣ, Венеціи и Корфѣ, соединившись въ одномъ изъ ближнихъ городовъ къ Тріеспу, гдѣ назначено будетъ мѣстнымъ начальствомъ, ожидать шамъ дальнѣйшаго повелѣнія для слѣдованія въ Россію. Въ опредѣленіи цѣны кораблямъ и ихъ принадлежностямъ, Францускіе комисары дѣлали большія затрудненія; напримѣръ пушки приняты были шолько за мешалль, порохъ за селистру, и многія вещи еще годныя къ употребленію оцѣнили въ 24-ю часть прошиву наспоющей ихъ цѣны. Но одинъ поступокъ начальствующаго эскадроо принудилъ ихъ бытъ справедливе. Корабельныя мачшы, которыя въ здѣшнихъ безлѣсныхъ мѣстахъ спояшъ очень дорого, не смотря, что нѣкоторыя были довольно прочны, а другія ничѣмъ не повреждены, были однакожь опредѣлены къ сломкѣ на дрова. Подъ предлогомъ

облегченія кораблей для вводу оныхъ въ бассейнъ новаго караншина, Французскій Комисарь предложилъ всѣ мачты вынуть нашими людьми и въ цѣлости сложить въ сарай; но какъ въ портѣ не было крана, для вынута мачты необходимаго, по Михайла Тимоеевичъ приказалъ ихъ срубить. Едва успѣли срубить одну мачту, Комисарь убѣдительноше просилъ оставить въ цѣлости другія и симъ принужденъ былъ, какъ мачтамъ, такъ пушкамъ и другимъ вещамъ положить сходную цѣну. Къ 20 Октябрю военные снаряды, паруса и снасти сложены по сортамъ въ магазейны, пустые корабли введены въ бассейнъ новаго караншина, а люди перешли въ отведенныя въ городѣ казармы.

Капитанъ - Лейтенантъ Сальпи, начальствовавшій эскадрою, споявшею въ Венеци, разруживъ суда свои ввелъ въ арсеналь и въ Ноябрь мѣсяцъ, по повелѣнiю Капитана 1го ранга М. Т. Быченскаго оставивъ для оцѣнки и сдачи всѣхъ матеріаловъ Французскому правительству нѣсколько Офицеровъ съ малымъ числомъ машрозовъ, выступилъ изъ Венеци, и по назначенiю Маршала Мармонша, Намѣстника Иллирійскаго, во ожиданiи прибытiя морскихъ служителей изъ другихъ мѣстъ, расположился на квартирахъ въ *Оберъ Лайбахъ*. Лейтенантъ Куломзинъ съ двумя транспортами находившійся въ Боко ди Кашаро, сдавъ суда свои и получивъ квитанцiю во что они были оцѣнены, въ Декабрь

мѣсяцъ чрезъ Далмацію прибылъ въ Триестъ. Капишанъ - Командоръ Лелли, остававшійся во все время въ Корфѣ, встрѣшилъ немалыя затрудненія какъ въ сдачѣ кораблей, призовыхъ судовъ и магазейновъ, шакъ особенно въ переправѣ изъ Корфы въ Ишалію. Не смотря однакожь на бдительность Англинскихъ крейсеровъ, команды на малыхъ лодкахъ, всѣ благополучно и безъ потери перевезены, и изъ *Lexgio*, гдѣ было сборное мѣсто выступили въ дальнѣйшій путь. Между тѣмъ Генераль-Адьюшантъ, Графъ Шуваловъ по повелѣнію Государя, исходатайствовалъ нужную помощь опъ Австрійскаго правительства, и когда опрядъ Капишанъ-Командора Лелли прибылъ въ Венеціанскій округъ, то и мы въ шести колоннахъ 24 Марша 1810 года наконецъ оставили Триестъ. Командамъ Балійскаго флота подъ начальствомъ Капишана 1 ранга М. Т. Быченскаго, должно было чрезъ Каринтію, Шширію, Венгрію и Галицію слѣдовать прямо въ Кронштадъ; командамъ же Черноморскаго флота подъ начальствомъ Капишанъ-Командора Лелли изъ Радзивилова предписано идти въ Николаевъ.

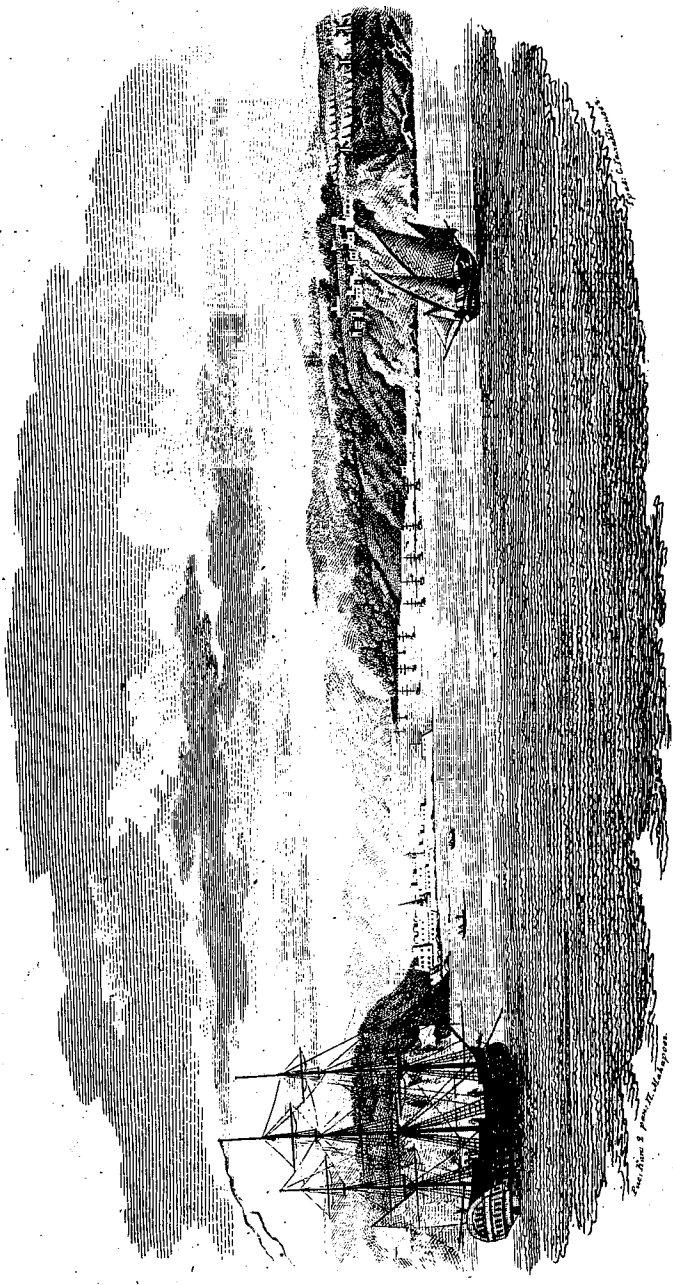
Не смотря на перемѣнившіяся политическія обстоятельства, жители Триеста съ печалію расшались съ нами. Въ двух-лѣтнее пребываніе не встрѣшилось ни одного случая, на который могли бы пожаловаться граждане города. Спрогая подчиненность маэпрозовъ и кротость ихъ обращенія приобрѣли имъ

уваженіе, а проворствомъ и отважностію своею въ упушеніи загорѣвшагося въ каналѣ судна, посреди города находящагося, заслужили они общую благодарность. Пожаръ сей показалъ жишелямъ Тріеста безкорыстіе Рускаго народа. По обѣ стороны канала были магазейны полныя товаровъ; испребленіе оныхъ разорило бы богашѣйшихъ купцовъ. Полиція не имѣла доспашочнаго числа людей для упушенія пожара; купцы, каждый думалъ о спасеніи своего имущества, народъ безъ плашмы не хотѣлъ подвергашъ жизнь свою опасности, и между тѣмъ какъ шорговались, покойный Капищанъ-Командоръ, съ каждаго корабля приказалъ опсправить на берегъ шреть экипажа, и вдругъ машпрозы наши, одни бросились на горѣвшее судно, другіе опрубивъ канашы вывели всѣ прочія суда изъ канала, и не могли упушить огня, который распроспранился уже на мачшы, прорубили горѣвшее судно, потопили его въ гавани и тѣмъ спасли прочія опъ явной погибели. Къ удивленію купцовъ, которые собирали деньги, дабы опспрагодарить машпрозовъ, они безъ всякихъ шребованій и хвасстовства выпивъ по чаркѣ водки у того, кто догадался имъ поднести, шопчасъ разошлись. Дружескія и семейшвенныя связи нѣкошорымъ образомъ удерживали самихъ Французовъ въ угнѣшеніи хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ спояли или принимаемы были Рускіе Офицеры. Предъ самимъ опсправленіемъ городовое правленіе, именемъ всѣхъ сословій,

засвидѣтельствовало начальствующему нашему общую благодарность и признательность за сохраненіе порядка, добраго согласія и примѣрнаго поведенія какъ Офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

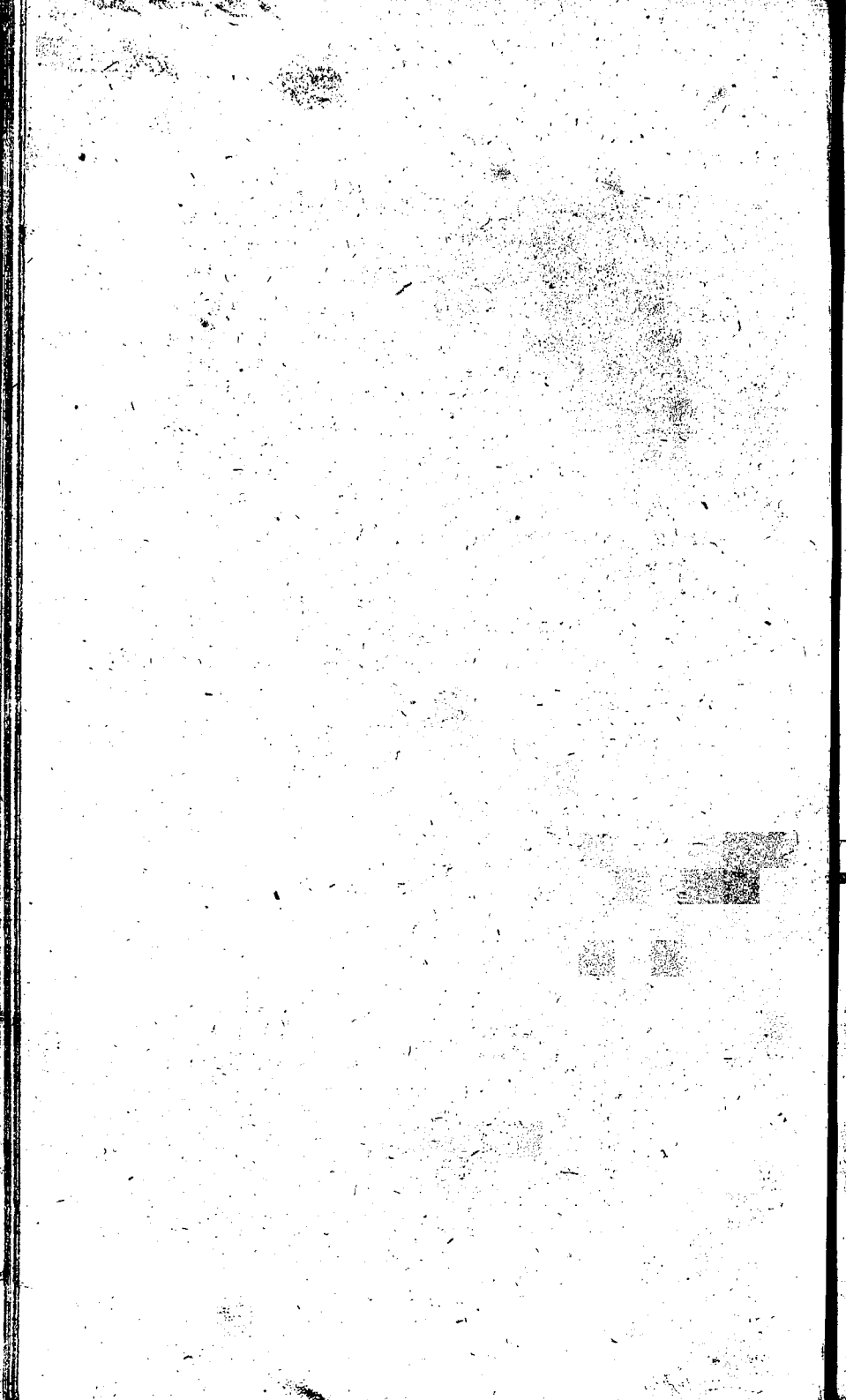
Отбѣздъ Принца Регента Португальскаго въ Бразилію. — Лиссабонскій договоръ.

Когда Принцъ Регентъ Португальскій рѣшился на отбѣздъ въ Бразилію, когда и престарѣлая Королева мать его, досель считавшая невозможнымъ переселиться изъ Европы въ Америку, побуждала его къ скорѣйшему отсправленію; но нечаянное прибытіе Россійскаго флота въ Лиссабонъ 5 Ноября 1807 года повергнуло Дворъ въ новое безпокойство. Союзъ нашъ съ Франціею, неизвѣстность, какія повѣднія имѣетъ Россійскій Адмиралъ, и какое его намѣреніе въ разсужденіи Португальскаго флота, возбудили въ Лиссабонѣ непріятныя слухи. Народъ, усрашенный приближеніемъ Францускихъ войскъ и приуготовленіемъ къ отбѣзду Царской фамиліи, преобладавъ оружія, большая часть войскъ были уже на корабляхъ; общая ненависть прошиву Французовъ могли имѣть печальныя послѣдствія; но на канунѣ отбѣзда, слѣдующая прокламація успокоила народъ и убѣдила его въ необходимости отсправленія Королевскаго семейства.

Видъ Дурданевъ отъ Архипелага.

Гравированъ въ Москвѣ у П. П. Мухоморова.

„Пожертвовавъ драгоцѣннѣйшими выгодами народа, я вступилъ въ союзъ съ державами Европы, исполнилъ всѣ требованія Императора Наполеона (*) и предлагалъ одно условіе, что бы иностранныя войска не занимали предѣловъ Португалліи; но оно не принято. Французская армія вступила въ мои владѣнія, и я, не будучи увѣренъ въ общественной безопасности, ѣду въ Бразилію; гдѣ мѣспомъ своего пребыванія до заключенія общаго мира, избираю Санъ-Себастьянъ. Разлучаясь съ отечествомъ, прошу моихъ подданныхъ съ шептвнѣмъ и покорностію сносить постигшій ихъ жребій. Всякое усиліе къ сопротивленію, было бы напраснымъ пролитіемъ крови. Удержите, вѣрные мои подданные, справедливое ваше негодованіе противу сильнаго врага, побѣдившаго могущесшвеннѣйшіе народы. Богъ, попускающій иногда временныя несчастія, никогда не оставитъ ушѣсненныхъ, и рано или поздно, не укоснитъ наказашъ несправедливыхъ. Прощаясь съ вами, любезные и вѣрные мои подданные, я не теряю надежды опятъ съ вами увидѣться.“

17го Ноября въ 9 часовъ упра Королева Марія Франциска Изабелла, Принцъ Регентъ сынъ ея и все Королевское семейство прибыли на флосъ. Въ проѣздѣ ихъ чрезъ Лиссабонъ, народъ произенный печалію падалъ

(*) 20 Октября объявлена была война Англіи.

ницъ, и не громкими восклицаніями, а по-чтишельнымъ горестнымъ молчаніемъ изъ-являлъ свою преданность. У пристани Принцъ Регенсъ вышелъ изъ кареты, съ великимъ умиленіемъ прощался съ остававшимися чиновниками, поручилъ имъ при вступленіи Французовъ стараться сохранить пиши-ну; увѣщевалъ безропотно покориться несчастнымъ обстоятельствомъ. Приказалъ о-сальные войска, кои на корабляхъ помѣ-спиться не могли, распустить по домамъ и принявъ благословеніе отъ Архіепископа, сѣлъ на шлюпку и отправился на корабль. Въ 11 ча-совъ, когда Французскія войска показались въ окрестностяхъ столицы, пушечный выстрѣлъ далъ знакъ къ опплышю и Португальскій флотъ, состоящій изъ 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 9 бриговъ и 10 большихъ транспортовъ, снялся съ якоря. Множество купеческихъ судовъ, бо-ясь опспать отъ своего флота, рубили кана-пы и съ поспѣшностію слѣдовали въ море. Торжественные клики *Vivat! Ura!* шолпы на-рода, по берегу рѣки съ горестными вопля-ми бѣгущія за Царскимъ кораблемъ, не одна тысяча шлюпокъ въ слѣдъ за нимъже плы-вущихъ представляли шакое зрѣлище, кошо-рое каждого много мыслишь заславляло, и какое сердце не смушилось бы униженіемъ вѣнценоснаго дома, и чувствами общей скор-би, печали и негодованія? Англинская эскадра, подъ начальствомъ *Сира Сиднея Смита*, бло-кировавшая Лиссабонъ и стоявшая на якорѣ

предъ усъемъ Таго, вспрѣшили Принца Регенша съ должною почестію. Весь день Португальскія купеческія суда, набишья шакъ сказашъ народомъ, выходили изъ рѣки, на лодкахъ переѣзжали цѣлыя семейства, въ надеждѣ бытъ принятыми на свои или на Англинскіе корабли. Тѣсноша на военныхъ судахъ и транспорсахъ не позволяла принимашъ болѣе людей. Смяшеніе и опчаяніе шѣхъ, кои должны были возвратишъ въ руки Французовъ, были неописанны. Лиссабонская чернь, намѣреніемъ сопрошивляшъ вспуленію неприятеля угрожала новою бѣдою, внушенія начальства едва могли удержашъ волненіе народа. Многія семейства, отъ ожидаемаго бунта искали убѣжища на корабляхъ оставшихся въ Таго. Къ умноженію ужаса въ самой шощъ день къ вечеру поднялась жестокая буря, угнавшая въ океанъ бѣгшвующій флотъ: не исправность, дурное сосшояніе многихъ кораблей, заспавляло опасашъ горесшнѣйшихъ потерь.

При опшлышїи Португальскаго флота, въ Лиссабонѣ была молва, будшо бы Принцъ Регеншъ будешъ задержанъ Россійскимъ Адмираломъ. Связь нашего Двора съ Наполеономъ, коему по Тильзитскому миру мы были обязаны помогашъ и содѣйшвовашъ во всѣхъ его предпрїашяхъ, до шого молву сію, распространенную неблагонамѣренными людьми и подтвержденную одною Французскою газетшою, въ общемъ мнѣнїи ушвердила, чшо и самыя

праводушные люди вѣрили, что Сенявинъ не упустишь воспользоваться случаемъ, который можетъ доставить ему благоволеніе Императора Наполеона. Когда же Португальскій флотъ миновалъ Россійскій, когда и купеческія суда свободно были пропущены, то безпокойное ожиданіе и смутное подозрѣніе народа обратились въ радость. Сей поступокъ Сенявина приобрѣлъ ему любовь и довѣренность Португальцевъ, почтеніе благомыслящихъ Французовъ, и изумленіе тѣхъ, которые слѣпо слѣдуя Наполеоновой философіи, видѣли въ поступкѣ семь усиліе добродѣтели, великодушіе необычайное; ибо думали, что священныя права госпепримства и самая даже честь для сокровищъ, погруженныхъ на Португальскихъ корабляхъ, могли бытъ нарушены. Послѣдствіе доказало, что Сенявинъ симъ благороднымъ подвигомъ заслужилъ уваженіе и самыхъ непріятелей, пригрозилъ себѣ по Англинскаго Адмирала снисхожденіе, которое спасло честь нашего флага и избавило Россію отъ огорченія видѣть флотъ свой принужденнымъ безъ славы сдатьъ на уничтожительную капишуляцію, или вовсе бытъ испреблену.

20го Ноября Французская армія числомъ до 20,000 челов: собралась въ окресностяхъ Лиссабона, но опасаясь возмущенія жителей столь многолюдной столицы не прежде какъ 22го Ноября въ 6ть часовъ по полудни вступила въ Лиссабонъ, а въ слѣдующіе дни занявъ

всѣ крѣпости по берегу Таго расположенныя, 25го Ноября въ полдень на ославшихся въ адмиралтействѣ 4 корабляхъ, 10 фрегатахъ и 8 мелкихъ военныхъ судахъ (*), также и на всѣхъ крѣпостяхъ и башаряхъ спустили Португальскіе флаги, а вмѣсто оныхъ подняли Францускіе. При чемъ главнокомандующій Францускими войсками Генераль Жюно именемъ Наполеона объявилъ, что Браганскій Домъ пересталъ царствовать въ Португаліи.

Не смотря, что Португаллія занята была безъ всякаго сопротивленія, съ нею поступлено было какъ съ завоеванною областію. Первыми дѣйствіями Францускаго правительства были: отобраніе въ казну Англинскихъ товаровъ, коронныхъ имуществъ, наложеніе на государство обременительной копрібуціи и всѣ другія мѣры къ угнетенію и разоренію народа способствующія, что крайне затрудняло распоряженія Сенявина къ продовольствію его эскадры.

Не имѣя еще никакихъ наставленій въ какомъ видѣ, приемлеть нашъ кабинетъ насильственное занятіе Португалліи, доселѣ бывшей съ Россіею въ союзѣ; и какъ флотъ нашъ пришелъ въ Лиссабонъ тогда, когда Принцъ Регентъ въ немъ еще властвовалъ, то посему полагая Лиссабонъ, для Россійскаго флага, поршомъ Неушральнымъ, Сенявинъ,

(*) Купеческихъ судовъ ославалось въ Лиссабонѣ до 300

дабы обезпечить себя на случай дурнаго обо-
роша дѣль для Французовъ, рѣшился не при-
нимать ни какого участія въ дѣлахъ новаго
союзника, уклоняясь отъ себя всякіе непріяз-
ненные поступки могущіе оскорбить народъ
Португальскій; и наконецъ въ дѣйствіи про-
шиву Англичанъ, ограничить себя только
тѣмъ, чтобы съ собственными силами быть
во всякое время готову принять и отпра-
вить ихъ нападеніе. Адмиралу стоило боль-
шаго труда, соразмѣрить свое поведеніе ска-
заннымъ образомъ, нужна была необыкновен-
ная осторожность и благоразуміе, дабы вы-
играть довѣренность Дюка д'Абранпеса, спа-
равшагося вовлечь Сенявина въ свои распо-
ряженія къ угнетенію Португальцевъ клонив-
шіяся, и при томъ не оскорбить Англичанъ съ
величайшею недовѣрчивостію наблюдавшихъ
его поступки и поведеніе. По счастію Жю-
но будучи пышный и великолѣпный Французъ
былъ при томъ человекъ добрый, простой и
откровенный въ обхожденіи, и Дмитрій Ни-
колаевичъ до того свискалъ его доброе рас-
положеніе, что Маршалъ, поколику спрогосъ
предписаній Наполеона ему позволяла, за удо-
вольствіе доставлялъ облегчать участіе по-
кровительствуемыхъ Сенявинымъ Англичанъ,
съ давняго времени въ Лиссабонѣ поселив-
шихся. Съ другой стороны Адмиралъ Коп-
шонъ, получивъ отъ Сиднея Смита, кошораго
онъ смѣнилъ, доброе мнѣніе о свойствахъ Се-
нявина, хотя отправленіе въ Россію Коншръ

Адмирала Грейга и другихъ Англинскихъ Офицеровъ, (*) служившихъ на флотѣ нашемъ, было поводомъ непріятнаго объясненія съ Кошпономъ, коему сія великодушная мѣра Правительсва нашего показалась ожесточеніемъ прошиву Англій; но послѣ сего, сношенія обоихъ Адмираловъ были основаны на взаимномъ уваженіи и приличной вѣжливости.

Въ Апрѣль мѣсяцъ 1808 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе Сенявину, со вѣренною ему эскадрою соспояшь въ распоряженіи Наполеона. Но сей вѣроломный союзникъ употреблялъ во зло сдѣланную ему довѣренность: Всѣ повелѣнія, полученныя отъ него, заключали въ себѣ хитрыя намѣренія, усмреленныя къ погубленію Россійскаго флота, и Сенявинъ, сколько ни спарался подъ разными благовидными предлогами уклоняясь отъ исполненія такихъ повелѣній, былъ поставленъ наконецъ въ самое затруднительное и опасное положеніе. Въ сихъ шягосшныхъ обстоятельсвахъ Сенявинъ, отвергнувъ личную свою выгоду и лешные виды для своего чешполубія, руководимый поком совершенною приверженностію къ Государю своему и любовію къ ошечеству, успѣлъ укрышья отъ прозорливаго и неограниченнаго власшолубія, и ешли Наполеонъ былъ недоволенъ медленнымъ исполненіемъ его воли, то Сенявину обязаны мы сохраненіемъ нашей чешпи. Одно изъ такихъ повелѣній было

(*) 9 Февраля 1808 года.

слѣдующаго содержанія: дабы усилишь эскадру жашу Португальскимъ кораблемъ и фрегатомъ, оспававшимися въ Лиссабонѣ, Наполеонъ приказалъ, призвавъ людей со шлюпа Шпицбергена, въ портѣ Виго находившагося и опкомандировавъ съ каждаго корабля по нѣскольку людей, дополнишь экипажъ корабля и фрегата Португальскими и иностранными мапросами, которыхъ должно было взять силою. Сенявинъ подь предлогомъ, что ему нужно бышь въ оспожности опъ нечаянныхъ нападений и въ соспояннн дашъ сильной оппоръ Англичанамъ, началъ починивашъ по одиначкѣ всѣ корабли свои, и даль знашь, что когда онъ будешъ въ гоповности съ своею эскадрою вышши въ море и напасшь на неприяшеля, тогда приступишь и къ вооруженн Португальскаго корабля и фрегата.

13го Маія въ 5-мъ часу пополудни на адмиральскомъ кораблѣ Твердомъ опъ молннн загорѣлась гротъ (*) мачша; огонь столь далеко распроспранился внутрь, что не было возможности ушущишь его. Адмиралъ приказалъ срубишь мачшу, и когда новая была изгоповлена, по ее поставили, оснащили корабль и привели изъ Адмиралшейсшва на свое мѣсто въ линню, не болѣе какъ въ 4-ре часа, за что Капшпану и Офицерамъ сигналомъ изъявлена благодарности, а мапросамъ приказано дашъ по чаркѣ вина.

(*) Средняя и большаа.

Въ началѣ 1808 года народная война распространилась по всей Испаніи. Уже патриоты, сражавшіеся съ ожесточеннымъ мужествомъ за драгоцѣнную честь свою и свободу, не смотря на неустройство свое, въ нѣкопорохъ мѣснахъ имѣли успѣхъ; всякое сношеніе съ Россією прекратилось. Надежда на полученіе денегъ къ содержанію эскадры необходимыхъ, совсѣмъ исчезла. Адмиралъ, имѣя кредитивы и личное уваженіе, хотя бы и могъ браться деньги на исправленіе и на другія потребности эскадры отъ Агенговъ; но разсуждая, что при возвратѣ суммъ Агенгамъ, казна должна была приплачивать по курсу значительное число проценговъ и за комиссію, и желая отклонить отъ нея споль великой убытокъ, рѣшился употребить на расходы призовую сумму. Но какъ сумма сія составляла собственность пріобрѣтшихъ ее и по закону ПЕТРА Великаго, нынѣ царствующимъ Императоромъ подшверженному, долженствовала во всякомъ случаѣ, какъ частное имущество, быть неприкосновенною; по сему Адмиралъ предложилъ участвующимъ, не согласятся ли они уступить каждый свою часть на издержки по эскадрѣ необходимыя, представляя, что каждый получа свою долю, вѣроятно употребить ее на иносранныя издѣлія и возвратится домой со множествомъ бездѣлокъ, но безъ денегъ, увѣряя при томъ всѣхъ, что Государь, конечно съ благоволеніемъ приметъ шакое общее къ нему усердіе,

и по возвращеніи въ Россію, каждый получитъ свою часпъ безъ удержанія. Могли ли подчиненные Сенявина, привыкшіе во всѣхъ его предпріятіяхъ видѣть свою пользу и славу, могли ли, когда онъ самъ значительною своею долею пожертвовалъ казнѣ, не рѣшиться слѣдовать его примѣру? Весь флотъ единодушно согласился, и казна отъ процентовъ, переводу денегъ на иностранную монету и за комиссію банкерамъ, приобрѣла по самому ограниченному щепу, въ свою пользу до 250 тысячъ червонцовъ; вся же призовая сумма и слѣдовавшая на жалованье и прочее простиравшаяся до 600 тысячъ червонцовъ, оспалась внутри государства нашего.

Примѣръ Испанскаго народа пробудилъ упавшій духъ и Португальцевъ. 20 Іюня развернулось знамя за честь и свободу опеченства. 6 Іюля, въ Опоршю начальникъ регулярныхъ Испанскихъ войскъ взялъ подъ спражу Французскаго Генерала Кенеля съ его шпабомъ, возвелъ на прежнее мѣсто Губернатора Оливедскаго и вскорѣ подъ предсѣдательствомъ Епископа учредилась Юнша, которая принявъ верховную власть обнародовала извѣщеніе, что съ Испанією и Англією возобновлены миръ и дружество, что Королевство Галиція и другія пограничныя Испанскія обласи готовы содѣйствовать въ опечественной войнѣ Англичане, въ скоромъ времени высадкою войскъ своихъ въ Опоршю и доспавленіемъ ружей, пушекъ и пороку подкрѣпили всенародное

возстаніе. Жюно, получивъ о семъ извѣстіе, все находившіеся при его корпусѣ Испанскія войска обезоружилъ и опослалъ на разснащенные корабли, споявшіе въ Таго. Наполеоновы легіоны дѣйствовали сначала удачно, успѣвали возстановлять спокойствіе; но толпы патриотовъ безпрестанно умножались, въ выгодныхъ позиціяхъ защищались опчаянно, уступали иногда превосходному устройству Французскихъ полковъ; но отъ того не унывали, разсѣявшись собирались снова, нападали, искали смерти, сражались упорно, жертвуя жизнью, не просили и не давали пощады. Духъ геройства оживилъ и мирныхъ поселенъ, мщеніе врагамъ было ихъ военнымъ словомъ, смерть и раны за опечество были ихъ обѣтомъ. Война жестокая и кровопролитная распространилась по двумъ Государствамъ, отъ Пиринеевъ до Кадикса, и отъ Эбро до Таго, весь народъ, старый и малый, даже женщины вооружились и повялись непримиримою враждою къ имени Французовъ. Наглая неслыханная обида въ лицѣ Испанскаго и Португальскаго Королей исполнила вѣрный народъ испуленіемъ злобы, дикаго геройства, и Наполеонъ сдѣлалъ первый шагъ къ своему паденію; рука Божія на Пиринейскомъ полуостровѣ приуготовила ему казнь, соразмѣрную его тиранству. Французскія войска видя, что съ ними въ первый разъ осмѣлились обходиться, какъ съ разбойниками, смутились, уничтожились духомъ, и побѣждая поемо въ

своихъ Монитерахъ, въ каждомъ сраженіи безъ пользы теряли они людей; переходя отъ одной битвы къ другой, изъ мѣста въ мѣсто блуждали они какъ въ очарованномъ лѣсу; выгоняли изъ города папріошовъ, и уступая для возстановленія пишины въ другомъ, возвращались, покоряли и уступали одинъ и шопъже городъ по нѣскольку разъ въ одинъ мѣсяць. Голодъ и упомленіе уменьшали войска ихъ болѣе, нежели самыя битвы; раненые, больные и опспавшіе погибали невозвратно; кто попадался въ плѣнъ, шопъ безжалостно былъ убиваемъ народомъ. Французы мспили пожарами и казнями, и сами старали на коспрахъ непріятельскихъ, умирали отъ руки ночнаго убійцы и оправляемы были ядомъ.

Генераль Куазонъ, съ сильнымъ опрядомъ опсправленный изъ Лиссабона для усмиренія папріошовъ въ Опорто, послѣ безполезныхъ жаркихъ сшибокъ, спрашась бышь опрѣзаннымъ отъ главнаго корпуса повсюду возстающими поселянами, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Сообщение съ Французскою армією въ Испаніи прекратилось, опасность увеличивалась и наконецъ Французскія войска, въ Португаліи находившіяся, были окружены многочисленными еще неуспроенными толпами, но уже довольно привыкшими къ огню и бурямъ военнымъ. Въ семь положеніи дѣль Маршаль Герцогъ д'Абраншесь издалъ къ жителямъ Лиссабона увѣщательную прокламацію,

исполненную безстыдныхъ увѣщаній и угрозъ; но она ни мало не подѣйствововала, поздно уже было раскаяніе и народъ съ адскою улыбкою почилъ въ шайнѣ кивжалы мщенія. Въ поже время, дабы усилишь защищеніе по рѣкѣ Таго расположенныхъ крѣпостей и произвестъ полезное вліяніе на Поршугальцевъ и Испанцевъ, Жюно наспояшело именовъ Наполеона пребоваль опъ Адмирала Сенявина высадишь на берегъ нѣскольго морскихъ солдатъ и мапшровъ съ его эскадры. Сенявинъ, какъ сказано выше, поставивъ себѣ правиломъ ничего неприязненнаго не предпринимашь прошиву Лиссабона, опевѣшпвоваль Французскому Маршалу, сколь можно учшивѣе, что въ слѣдствіе повелѣнія Императора Наполеона и въ защиту чести флага Россійскаго, онъ долженъ бышь готовъ на каждую минушу опразитъ всѣми силами неприязельское нападеніе, а пошому, къ крайнему сожалѣнію, не можешъ удѣлить ему людей не ослабивъ себя самага, шѣмъ паче, что малое ихъ число былобы для него бесполезно, и вмѣсто помощи, по незнанію языка, болѣе обременительно.

Вскорѣ послѣ сего Маршалъ Жюно принужденъ былъ собрать въ одно мѣсто войска свои и всѣми наличными силами напасъ на Англичанъ 5 Августа при *Ролейѣ* и 9го при мѣстечкѣ *Велейро*; но по упорномъ сраженіи будучи разбишь опспунилъ къ Лиссабону, гдѣ возмутившійся народъ поставилъ его въ зашруднительное положеніе. 12го числа Мар-

шалъ Жюно для заключенія общей капишуляціи съ Англинскими Главнoкомандующими сухопутныхъ и морскихъ силъ, пригласилъ Сенявина въ *Каскайю*; 16го числа увѣдомилъ, что соглашеніе въ *Каскайб* не состоялось и 19го Августа Жюно сообщилъ капишуляцію, заключенную имъ въ *Цинтрб* съ Англинскимъ Генераломъ *Далриплемб*, по обстоятельствамъ весьма для себя выгодную. Въ числѣ спашей сей капишуляціи, седьмая была слѣдующаго содержанія:

„Неушралишеть Лиссабонскаго порша для
 „Россійскаго флота долженъ бышь признанъ,
 „по есть, когда Англинская армія или флотъ
 „займешъ городъ и поршъ, по Россійскій
 „флотъ не долженъ бышь обезпокоенъ въ про-
 „долженіи его пребыванія въ сей гавани, ни-
 „же ошановленъ, когда бы оный пожелалъ ее
 „оставишь, ниже преслѣдованъ, когда бы оный
 „вышелъ въ море, до окончанія 48 часоваго
 „срока, по положенію общаго морскаго закона,
 „принятаго воюющими народами.“

Въ силу прочихъ спашей сего договора, съ великимъ неудовольствіемъ принятаго Англинскимъ Правительствомъ и народомъ, Французскія войска должно было перевезть въ ближайшій поршъ Франціи, безъ всякаго условія въ разсужденіи ихъ будущей службы, а Португальскія крѣпости немедленно сдать Англинскимъ войскамъ.

20го Августа Адмиралъ Кошпонъ, не ушвердивъ седьмой спашьи капишуляціи, объ-

явилъ Сенявину о невозможности признашь неутральнымъ Лиссабонскій портъ ни въ погдашнемъ его соспоаніи, ни по выходѣ изъ онаго Французовъ. На другой день на крѣпостяхъ Санъ-Жуліанъ и Бужіа подняшы были Англинскіе флаги, а попомъ и крѣпость Белемъ (*) была также заняша неприяшелемъ. Въ семь крайне затруднительномъ положеніи, когда эскадра наша была окружена съ моря (**), и сухаго пуши чрезмѣру превосходными силами, Адмираль призвавъ Капитановъ кораблей, пребоваль мнѣнія, что въ такомъ крайнемъ случаѣ предпріяшь должно. Капитаны кораблей по общему согласію объявили Адмиралу, что они согласны слѣдовать всякому его постановленію. Дмипрій Николаевичъ, поблагодаривъ за лестную довѣренность, отвѣчалъ Капитанамъ: я предложу Англинскому Адмиралу договоръ; но какъ въ обстоятельшвахъ, въ какихъ мы находимся, невѣроятно, чтобы какое либо соглашеніе, кромѣ безусловной сдачи, могло бышь приняшо, шо для спасенія чести нашей, я не вижу другаго еще пуши, какъ сражашься по всей возможности.

Эскадра наша стояла между крѣпостью

(*) По заключеніи договора, на всѣхъ крѣпостяхъ подняшы были Поршугальскіе флаги.

(**) Англинская эскадра состояла изъ 13 кораблей, 11 фрегатовъ, 5 мѣлкихъ военныхъ судовъ и 200 шранс-портовъ.

Белемомъ и южнымъ берегомъ, въ двухъ ли-
 няхъ полукруга, такъ что непріятельскій
 корабль нападая на одинъ изъ нашихъ дол-
 женъ былъ бы сражаться вдругъ съ двумя и
 тремя кораблями; подходя же, надлежало ему
 выдержать огонь всей почти Россійской эска-
 дра. Въ такой позиціи каждый былъ увѣренъ
 въ возможности дать сильной отпоръ Ан-
 гличанамъ, не смотря на то, что береговія
 батареи были отъ насъ ближе картечнаго
 выстрѣла. Офицеры и служители, одушевлен-
 ные мужествомъ, не думали объ опасности,
 съ нѣкоторымъ шоржествомъ готовились къ
 смерти, не спускали глазъ съ непріятельскихъ
 кораблей и жаждали перваго выстрѣла. Въ
 продолженіи переговоровъ, каждый мучимый
 неизвѣстностію, горѣлъ неперенѣимъ сразить-
 ся, и при малѣйшемъ движеніи въ непріятель-
 скомъ флотѣ восклицалъ: Англичане снимающе-
 ся, идутъ наконецъ, слава Богу! Но послѣ
 щепшнаго поминельнаго ожиданія, продол-
 жавшагося цѣлые три дня, отъ Главкома-
 ндующаго отданъ былъ приказъ слѣдующаго
 содержанія:

Превращенія обстоятельства Португаль-
 скаго Королевства доставили наконецъ Англи-
 чанамъ совершенную власть надъ Лиссабон-
 скимъ портомъ. Адмиралъ Кошпонъ, объявилъ
 мнѣ, что онъ не признаетъ сего Порта не-
 упральнымъ, ни тогда, когда оный былъ за-
 нятъ Французами, ни по выходѣ ихъ изъ она-
 го. Францускій Главкомандующій Дюкъ д'
 Абраншесъ 10 го минувшаго Августа заключилъ

нашъ. Въ сіе время дѣлаются знакомства съ такими людьми, коихъ никогда лица не увидишь. Бываютъ обманы довольно забавные; встрѣчаются случаи, которые всегда оставляють пріятное воспоминаніе.

Въ продолженіе карнавала фокусники забавляють народъ различными представленіями. Собачій балешъ, кукольная комедія, кабинетъ восковыхъ снашуй показываються на площадяхъ. Балансеры, несгараемый человекъ и шому подобное, иногда показывають свое искусство на театрѣ. Ученыя кинарейки наиболѣе мнѣ понравились. Тиролецъ подь музыку заставляешъ ихъ маршировать, беретъ ими бумажную крѣпость, изъ которой спрѣляють изъ пушекъ. Взявъ крѣпость разспрѣливають дезертира, кошорой по учиненіи изъ пушечки высрѣла, падаетъ мершвымъ; но когда Тиролецъ положитъ его къ себѣ на руку, кинарейка вдругъ вспорхнетъ и запоешь. Удивительно, какъ споль малую ппичку успѣвають пріучитъ къ повиновенію и къ различнымъ движеніямъ несвойственнымъ ея породѣ. Всего пріятнѣе, когда они числомъ до пысячи, всѣ вмѣстѣ поють подь органъ и умолкають вдругъ, когда Тиролецъ погрозитъ имъ шроспочною.

Подземный гротъ въ Липцахъ.

Удивительной подземной гротъ въ Липцахъ въ 24 хъ версахъ отъ Триеста по до-

рогъ къ Фіуму, возбудилъ во многихъ любопытство. Сѣгласившись наняли мы коляски и въ числѣ одиннашцати человекъ рано ушромъ оправились къ грошу. Дорога сперва вела насъ мимо загородныхъ красивыхъ домовъ, между пріятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься на высокую каменную гору, соединяющую изъ плишника, совершенно голаго. Солнце пекло, зной былъ несносный, шагомъ вспащившись на вершину, мы остановились, дабы дать отдохнушь уставшимъ лошадямъ. Мы укрылись подъ шѣнію трехъ или четырехъ деревъ, съ нами были шрубки и пиво. Ошдыхъ былъ пріятнѣйшій. Видъ съ горы вокругъ представлялъ различные предметы. Къ востоку шянулся хребешъ горъ, изрѣдка поросшій мѣлкимъ лѣсомъ, почва земли близъ насъ состояла изъ бесплоднаго камня. Бѣдные жишеди сихъ горъ имѣюшъ свое проишаніе ошъ продажи угольевъ; почему и называюшъ ихъ *Карбонарами* (угольниками). Къ сѣверу вдали видѣнъ былъ сѣдой хребешъ Фріульскихъ горъ, также черныхъ и нагихъ, какова и ша, на которой мы находились. Близъ Триєспа часть моря, окруженнаго высокими скалами, ошъ преломленія солнечныхъ лучей, въ спокойной водѣ блесшѣла какъ зеркало. До деревни Безовицы, не было ни какого признаку обитаемости. Вездѣ видѣнъ былъ голый камень, кремнистыя скалы печально сшояли посреди пустыни, мрачная шущина

пишаны съ должными или слѣдуемыми имъ почестями.

Четвертая. По заключеніи мира корабли и фрегаты будутъ возвращены Его Величеству Императору Всероссійскому, въ помѣже почно состояніи, въ какомъ онѣ нынѣ сданы (*). Изъ числа девяти кораблей, Ярославъ и Рафаиль останутся здѣсь на рѣкѣ Таго, а Экипажи ихъ размѣстятся на корабли, слѣдующіе въ Англию.

Сіи двѣ списаны будутъ почтятся яко составляющими часть соглашенія, заключеннаго и подписаннаго $\frac{23 \text{ Августа}}{3 \text{ Сентября}}$. Въ удостовѣреніе чего мы подписываемъ двѣ совершенно сходныя копіи. Заключено и подписано на кораблѣ Твердомъ въ Таго и на кораблѣ Гиберніи при устьѣ сей рѣки $\frac{24 \text{ Августа}}{4 \text{ Сентября}}$ 1808 года.

(*) Корабли Сильный и Мощный прибыли въ Кронштадтъ въ 1813 году. За прочіе пять кораблей и фрегатовъ Англинское Правительство, не смотря, что корабли сіи совершенно сгнили (что конечно случилось бы съ ними и въ Россіи) заплатило такую сумму, чего бы оныя сполли новыя; пушки и годныя снаряды привезены на флотъ нашемъ, возвратившемся изъ Англии въ 1813 году.

Корабли, заключающіеся въ договорѣ;

Имена кор.	Имен. Капитан.	Чис. пуш.	Чис. Эк.
1) Твердый	Кап. 1 р. Малѣвъ	84	— 736.
2) Скорый	Кап. 1 р. Шелшингъ	64	— 524.
3) Св. Елена	Кап. 1 р. Ив. Быченскій	74	— 598.
4) Селафаилъ	Кап. 2 р. Рожновъ	74	— 610.
5) Ярославъ	Кап. 2 р. Мишъковъ	74	— 567.
6) Ратвизанъ	Кап. 2 р. Ршищевъ	66	— 549.
7) Сильный	Кап. Лей. Мальгинъ	74	— 604.
8) Мощный	Кап. Лей. Развозовъ	74	— 629.
9) Рафаилъ	Кап. Лей. Бычинскій	84	— 646.
10) Фр. Кильдюинъ	Кап. Лей. Дурновъ	32	— 222.

и того 700. пуш. 5685 человекъ,

Сохраненіе чести флага, для славы Государя необходимое, есть предметъ великой важности, драгоценный для Генерала, солдата и всякаго сына Отечества. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ Эскадра наша находилась, капитаны мои могутъ ясно видѣть, въ какой опасности была честь флага Россійскаго, и если служившіе на военномъ поприщѣ и знающіе, что значить поперять знамя или флагъ, съ удовольствіемъ прочтутъ сей достопамятный Лиссабонскій договоръ, копорый по смыслу спашей едеали соглашеніемъ назваться можно, то конечно уразумѣютъ они изъ того, что единственно рѣшимости, искусству всѣхъ переговоры, а наиболѣе личному къ Сенявину уваженію непріятеля, обязаны мы и попомощво наше спасеніемъ чести

флага, той славы, для приобрѣтенія которой мы охотно жершвуемъ жизнью, и ищемъ смерти съ радостію. Въ военныхъ дѣйствіяхъ приобрѣтенныя выгоды измѣряются поперею непріятельскою; но часно и тошъ и другой присвоивающъ себѣ побѣду; почему сличеніе публичныхъ Акшовъ воюющихъ державъ есть вѣрное мѣрило испинны реляцій. По уваженію сему, дабы соотечественники мои могли почерпнуть удовольствіе свое изъ огорченія непріятелей нашихъ, я предлагаю здѣсь выписку изъ публичныхъ Англинскихъ бумагъ, поднесенныхъ Королю для сужденія въ Парламентѣ (*):

„Извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ въ
 „Португалліи Сиромъ Арпуромъ Велеслеемъ
 „17 и 21 Августа Н. ш. приняты были наро-
 „домъ всѣхъ состояній съ воспоргомъ, но при
 „появленіи *трезвытайной газеты*, въ коей объ-
 „явлено было объ освобожденіи Португалліи
 „отъ Французовъ и о взяшии на сбереженіе
 „Россійской Эскадры, неудовольствіе публики
 „было неописанно. Потеря сраженія чрезъ из-
 „мѣну не произвела бы сколько полковъ,
 „сколько уничижительныхъ разсужденій.

„Что опороженіе Португалліи есть пред-
 „метъ великой важности, сего никакъ оп-
 „вергнуть не можеть: но что бы побѣдоно-

(*) Помѣщенные въ морскомъ Хронологическомъ журналѣ.
 Смощри Naval chronicle 20 шомъ страницы 229 и 362.

„сая армія должна позволишь разбшому не-
 „пріаіелю въ числѣ 15, 000, когда Бриіанская
 „армія сосіояла изъ 32,000, опшравшсь
 „сь оружіемъ, аммуниціею, со всею частною
 „и казенною собсвенностію, пріобрѣшенною
 „грабшельсшвомъ, и что бы сверхъ шого
 „„должно было перевесшь сшхъ мародеровъ въ
 „ихъ опечество, дабы они могли бышь не
 „медленно употреблены прошву насъ или на-
 „шшхъ союзниковъ, пошпшннѣ сіе каждому
 „должно казашься очень непоняшнымъ.“

„Пріяіашіе Россійскаго флота *подѣ со-*
 „храненіе, для безусловнаго возвращенія по
 „заключенію міра, еще болѣе шого удивитель-
 „но. Препровожденіе же, на нашемъ щепѣ и
 „содержаніи въ Рускіе гавани офицеровъ и ма-
 „шросовъ, дабы они неукоснштельно могли дѣй-
 „сшвовашь прошву нашего храбраго и благород-
 „наго союзника Короля Шведскаго, ешть дѣло
 „неслышанное и самая военная исторія не
 „предсшавляетъ подобнаго примѣра.“

„Капшшуляція, заключенная *въ Цинтрѣ*,
 „конечно ешть самая непріяшная и невыгодная
 „для насъ; но ешть ли бы Адміраль Кошшонъ
 „согласно съ Генераломъ Дарлімплемъ призналь
 „и ушвердиль седьмую спашью сей капшшу-
 „ляціи, то Россійскій флотъ не могъ бы ус-
 „кользнуть изъ нашихъ рукъ. Кошшонъ желая
 „опшлчшться въ искусствѣ переговоровъ, предъ
 „извѣстнымъ и прославшвшимся въ диплома-
 „шшческихъ шонкосшяхъ Россійскимъ Адміра-
 „ломъ опшвергнуль помянутую седьмую спашью

„и подписалъ морской договоръ, чрезъ кото-
 „рый гораздо болѣе, нежели Цинпрскою ка-
 „пишуляціею унижена національная честь, и я
 „(*) смѣю ушверждать, что естли бы сечь-
 „мая спашья была Кошпономъ исполнена,
 „по мы выиграли бы несравненно больше,
 „нежели чрезъ его Лиссабонскій договоръ.
 „Разсмотримъ обстоятельство сего дѣла: Рос-
 „сійскій флотъ вошелъ въ Таго, когда Принцъ
 „Регентъ имѣлъ еще власть, слѣдовательно
 „онъ былъ портъ неутральный, а какъ портъ
 „сей несмотря на то, что временно занятъ былъ
 „Францускими войсками, всегда принадле-
 „жалъ Португаліи, донинѣ въ союзѣ съ Рос-
 „сіею состоящей, по посему какъ до вслуп-
 „ленія Францускихъ войскъ въ Лиссабонъ,
 „шакъ и по освобожденіи онаго, во время мор-
 „скаго договора мы должны почиташъ его неу-
 „тральнымъ. Принявъ сіе во основаніе, поло-
 „жимъ шеперь, что Рускому флоту позволили
 „вышши въ море и не погнались бы за нимъ
 „прежде 48 часовъ, тогда одно изъ слѣдую-
 „щихъ обстоятельствъ было бы неминуе-
 „мымъ послѣдствіемъ. Наша Лиссабонская эскад-
 „ра могла бы догнашъ оный или нашъ Ка-
 „нальный флотъ, или крейсующій въ Нѣмец-
 „комъ морѣ, или наконецъ нашъ Бальшійской
 „флотъ или Шведской, могли бы встрѣнншъ

(*) Лордъ Меръ Градоначальникъ Лондона.

„ся съ нимъ. Положимъ и то, что Россійская эскадра счастливо преодолѣла бы всѣ препятствія, избѣгнула бдишельности нашихъ крейсеровъ, даже разбила бы всѣ наши флоты, и благополучно прибыла наконецъ въ Кронштадтъ; но по крайней мѣрѣ Россійскій Адмираль пришелъ бы шуда на собсшвенномъ, а не нашемъ содержаніи. Сверхъ того мы не должны были бы ломать вѣшкіе Рускіе корабли въ своихъ портахъ и плашить за нихъ какъ за новые, не обязаны были бы держать того непріятели, кошорый къ уничиженію достоинства Великобританіи съ развѣвающими флагами въ шоржесшвѣ пришелъ въ нашъ портъ.

„Во всѣхъ отношеніяхъ Цинтпрскій и Лиссабонскій договоры не подають ни малѣйшаго ушѣшенія, и какъ подробности оныхъ, такъ и все цѣлое, чрезъ мѣру безславы и уничижельны для цѣлой націи.

„Сирь Келдеръ (Адмираль) за совершенную побѣду (*) по приговору военного суда получилъ выговоръ; а теперь спусня не много лѣшъ, человекъ споль совершенно побѣжденный (Vanguished) Сенявинымъ еще начальшвуешъ ненаказанно? Честъ націи опъ того жестоко спраждешъ и ешъли въ со-

(*) Келдеръ разбилъ Францускую эскадру сужденъ былъ за то, почему онъ имѣя возможность взять всѣ корабли допустилъ, что нѣсколько оныхъ ушло.

„браніи Парламенша, не будешъ изслѣдовано
 „поведеніе Главнокомандующихъ Далримпеля
 „и Кошпона, по я желалъ бы, что бы Члены
 „Парламенша послѣ строгаго и безпристра-
 „снаго сужденія, наказавъ преступленіе, из-
 „бавили себя ошъ справедливаго нареканія.“

По сему представленію Лорда Мера, Далримпль отданъ подѣ военный судъ и смѣненъ Велеслеемъ (нынѣшнимъ Герцогомъ Веллигшопомъ), командовавшимъ передовымъ войскомъ. Велеслей, по повелѣнію главнокомандующаго подписавъ капитуляцію, прошествовалъ противу оной. Примѣръ шаковаго почнаго повиновенія начальству было первымъ шагомъ славныхъ подвиговъ Герцога въ Португалліи и Испаніи. Оправданіе Кошпона по обстоятельствамъ того времени и доводамъ, въ ономъ приведеннымъ, сполько любопытно, что я не излишнимъ счишаю сдѣлать изъ онаго краткую выписку.

„Выгоды Англіи и Россіи сопряжены не-
 „разрывно. Петръ Великій и Пишпъ такъ
 „думали; благомыслящіе любители Опечества
 „обѣихъ націй въ шомъ согласны, опышъ до-
 „казали намъ пользу союза съ Россією; —
 „опышъ же надѣюсь покажетъ, что нынѣшняя
 „война не принесетъ Россіи, а еще менѣе
 „Англіи, ни славы и никакой выгоды. Россія
 „и Англія, по Географическому даже нрав-
 „ственному отношенію, не могутъ и не дол-
 „жны бытъ соперницами, и, какъ двѣ сестры
 „имѣющъ нужду шолько во взаимной любви

„и уваженіи. Истинные патріоты съ край-
 „нимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ приняли
 „перемѣну, вопреки политической нашей
 „связи съ Россією послѣдовавшую. Мы лиши-
 „лись послѣдняго и вѣрнаго друга. Россійскій
 „народъ, съ такимъ безкорыстіемъ проливав-
 „шій кровь свою для защиты общаго дѣла,
 „пріобрѣлъ сколько правъ на нашу къ нему
 „благодарность и удивленіе, что не смошря
 „на разрывъ дружественныхъ связей, неблаго-
 „разумно было бы, какъ я думаю, опшудашь
 „опъ себя пріязнь могущественнаго народа.
 „Націи, бывшія однажды въ войнѣ, никогда
 „уже послѣ не могутъ бышь искренними
 „друзьями. Пролитая кровь и въ побѣдшелѣ
 „и побѣжденномъ посѣшъ сѣмя вражды: оно
 „произрастетъ, дастъ горкіе плоды и сопер-
 „ничество въ славѣ обратшся со временемъ
 „въ ненависть. “

„Служивъ до старости съ полнымъ усер-
 „діемъ моему Опечеству, я увѣренъ и надѣюсь,
 „что никто не упрекнетъ меня уклоне-
 „ніемъ опъ нападенія на Россійскую эскадру,
 „которая не смошря на похвальное мужество
 „воиновъ, не смошря на рѣшительность пред-
 „водшела ихъ, объявившаго мнѣ готовность
 „защищашься до крайности, должна бы была
 „безъ сомнѣнія усшупшть превосходной силѣ
 „или погребшши себя въ Таго. Скорое опорож-
 „неніе Португалліи не позволяло медлшть;
 „швердость непріятельскаго Адмирала заста-
 „вляла опшудашь печальныхъ слѣдшвей его

„отчаяннаго мужества; сраженіе, долженство-
 „вавшее произойти такъ сказать въ самомъ
 „Лиссабонѣ, должно было причинить жителямъ
 „значительный убытокъ, столица могла бы отъ
 „бишвы двухъ флотовъ истреблена быть ог-
 „немъ. По симъ причинамъ я ушвердилъ прис-
 „ланый отъ Сенявина договоръ— и не упрекаю
 „совѣсти моей по личному уваженію къ свой-
 „ствамъ его, не усомнился подписать двѣ
 „дополнительныя статьи о неприкосновеннос-
 „ти и должной почести Россійскому флагу.
 „Благородное и благоразумное поведеніе Сеня-
 „вина въ продолженіи десятиимѣсячнаго пре-
 „быванія его въ Лиссабонѣ, безпрепятственный
 „пропускъ Принца Регента въ Бразилію, до-
 „вѣренность пріобрѣтенная имъ въ Порту-
 „гальскомъ народѣ, мое и Капшановъ подъ
 „моимъ начальствомъ состоящихъ къ нему
 „почтеніе убѣдили меня согласиться на нѣко-
 „торое должное къ достоинствамъ его уваженіе.
 „Честь Россійскому флагу, честь нашимъ недру-
 „гамъ, оказанная предъ лицомъ Британіи, пове-
 „дешельницы морей, да будетъ жертвою при-
 „нашельности Англинскаго народа къ Россійс-
 „кому. Докажемъ свѣту, что характеръ Бри-
 „танцевъ еще не измѣнился, докажемъ, что
 „мы умѣемъ отдавать справедливость и не-
 „пріятелю! Но вопли народа меня обвиняють,
 „— съ покорностію ожидаю безпристрастнаго
 „суда его, и надѣюсь, что просвѣщенные Па-
 „пріюшы, просиравъ взоръ свой на будущую
 „перемѣну политическихъ обстоятельствъ, не

„помрачашъ чести моей и моего ревностнаго „служенія Отечеству.“

Копшювъ, какъ извѣстно былъ оправданъ и не вскорѣ лишился начальства, но попомъ перемѣненъ былъ и мѣсто его заспунилъ Вице-Адмиралъ Берклей; только Лорды Адмиралства ошъ 17 Сеншября Н. С. вѣроятно прежде его оправданія дали ему на замѣчаніе, что по заключенной уже капишуляціи, не должно было ему подписывать двѣ дополнителныя спашьи.

Продолженіе дѣйствій Россійской эскадры въ Портсмутѣ. Поднесеніе Сенявину Вазы. Прибытіе въ Ригу.

Въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Экипажи съ кораблей Ярослава и Рафаила размѣщены были на прочіе корабли. При създѣ Капишановъ флаги и вымпелы были спущены съ должною почестію. Для сдачи сихъ двухъ кораблей, оставлены были содержашели матеріаловъ и Ревизоръ съ 30 человѣками машросовъ. 31 Августа Россійская эскадра оставила Лиссабонъ. На корабляхъ нашихъ, проходя корабль Англинскаго Адмирала, спавили людей по ваншамъ, равномѣрно и Англинскіе корабли ошдавали шакуюже почестъ нашему Адмиралу. При ушѣ Таго, Англинская эскадра, бывшая подъ начальствомъ Кошпръ-Адмирала Тиллера, и состоявшая изъ 7 кораблей, 2 фрегатшвъ и 1 брига, соединилась съ нами и пошпроилась подъ

вѣспромъ нашей эскадры въ линію. Въ продолженіи плаванія, на эскадрѣ Сенявина развѣвлялъ Императорскій флагъ; Англинскій Адмиралъ уступалъ Сенявину спаршинство и отдавалъ ему почести первый. 26 Сентября, лавируя и подходя къ Порпсмуту, на корабляхъ нашихъ подняли флаги. Эскадра Тиллера сдѣлала поже; но на Англинскихъ корабляхъ, стоявшихъ на рейдѣ, и на крѣпостяхъ флаги спустили. На другой день поутру, слѣдуя кораблю Адмирала Моншегю, главнаго Командира Порпсмутскаго порта и на нашей эскадрѣ, вмѣстѣ съ Англинскими кораблями подняты были флаги при барабаномъ боѣ. Необыкновенное зрѣлище видѣшь непріятельской флагъ развѣвающимъ въ своемъ портѣ, не понравилось гордому Англинскому народу. Морскіе Офицеры шаковое уваженіе Россійскому флагу почитали увичиженіемъ могущества Британскаго на моряхъ. Правительство, дабы не раздражишь народа, не публиковало послѣднихъ спашей, составляющихъ дополнителные пункты соглашенія; но когда въ Лондонѣ узнали о прибытіи въ Порпсмутъ Россійской эскадры подъ своимъ флагомъ, по одни шому не вѣрили, другіе спѣшили видѣшь явленіе, какаго никогда не бывало. Разглашеніе о семъ и огорчительныя шолки произвели явный ропощъ, и Король по дошедшимъ къ нему непріятнымъ слухамъ, чрезъ Министра морскихъ силъ прислалъ Сенявину слѣдующую пошу.

„Адмираль Кошпонъ по заключеніи пер-
 „выхъ двухъ спашей Лиссабонскаго договора,
 „не имѣлъ права подписывать двѣ дополни-
 „тельные къ оному спашьи. Его Британское
 „Величество не признаетъ двухъ сихъ спа-
 „шей дѣйствительными и не можетъ позво-
 „лить, что бы въ его гавани развѣвлялъ не-
 „приятельскій флагъ; почему Россійская эска-
 „дра долженствуетъ снять свои флаги, и
 „вмѣсто оныхъ до отъѣзда въ Россію, имѣю-
 „щаго въ скоромъ времени послѣдовать, ни
 „какихъ не поднимаешь. Ваше превосход-
 „ительство приглашаетесь пріѣхать въ Лон-
 „донъ, Капитаны же ваши имѣютъ позволе-
 „ніе сойти на берегъ или жить на корабляхъ
 „до возвращенія въ Россію.“

подписали: { *Лордъ Мульграбъ*
Бардъ
Доментъ.

Сенявинъ не могъ не догадаться, что
 правительство Англинское, опринувъ часть
 договора, имѣетъ въ виду воспользоваться
 самоналѣйшимъ его упорствомъ, и чрезъ
 то получить причину къ уничтоженію
 и всѣхъ спашей онаго; почему и отвѣчалъ
 Лорду Мулграву въ слѣдующихъ выраженіяхъ:
 „Я никогда не могъ сомнѣваться, что
 „бы подвисавшій Лиссабонскій договоръ не
 „имѣлъ отъ Англинскаго правительства
 „достаточно уполномочія; почему призна-

„ніе его Брипанскимъ Величествомъ дѣйстви-
 „тельными послѣднихъ двухъ дополнишель-
 „ныхъ сташей, тѣмъ болѣе приѣмлю я съ
 „удивленіемъ и огорченіемъ, что онѣ раше-
 „фированы Адмираломъ Кошпономъ вмѣстѣ
 „съ первыми и соспавляютъ часть неоп-
 „дѣльную отъ настоящаго договора. Съ моей
 „стороны я выполнилъ всѣ условія свято.
 „Находясь въ портѣ и владѣніи Англинскомъ,
 „не могу не исполнить воли его Королевскаго
 „Величества; почему и дальнѣйшее исполне-
 „ніе договора зависить теперъ отъ Англин-
 „скаго Минисперства; всякое другое объясне-
 „ніе по сему предмету излишнимъ почитаю.
 „Приглашеніемъ пріѣхашъ въ Лондонъ восполь-
 „зовашься не могу, равно и Капитанамъ мо-
 „имъ не нахожу приличнымъ жишь на берегу.

Сенявинъ.

Адмиралъ Моншегю, по равности ли къ
 службѣ, или по данному наставленію, требоваль
 немедленнаго исполненія въ слѣдствіе отно-
 шенія Лорда Мульграва, и угрожалъ, что
 если Сенявинъ не спуститъ своего Ад-
 миральскаго и другихъ корабельныхъ фла-
 говъ прежде захожденія солнца, то онъ опо-
 шлешъ его на берегъ и никогда не позво-
 литъ поднять флага въ другой разъ. Дими-
 трій Ниволаевичъ отвѣчалъ на сіе: „во владѣ-
 ніяхъ Короля воля его противишься не могу;
 почему въ обыкновенное время по захожденіи
 солнца съ должными почестями корабель-

ные флаги будутъ спущены, мой будетъ снятъ ночью. Если же ваше Превосходительство имѣете право мнѣ угрожать, то нарушая симъ святость договора, вынуждаете меня сказать вамъ, что я здѣсь еще не плѣнникъ, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флагъ мой не спущу днемъ, и не опдамъ оный, какъ только вмѣстѣ съ жизнью моею. „Моишегю не осмѣлился болѣе настаивать, — безъ повелѣнія правительства силою принудить спустить флаги, было бы явное нарушеніе договора, еще болѣе уничижительное для Англїи, нежели самое онаго утвержденіе: и пакъ онъ послѣ угрозъ своихъ замолчалъ. Въ слѣдствіе сихъ переговоровъ отданъ былъ по флоту слѣдующій приказъ:

„Опъ Англинскаго Министра морскихъ силъ получено мною извѣстіе, что въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Его Величеству Королю Великобританскому угодно въ скорѣйшемъ времени опправить насъ въ Россїю; а какъ Его Величество находить неприличнымъ, что бы флаги наши развѣвались въ его портахъ, ибо они непрїятельскіе, то и предлагаешь, что бы я и Капитаны съѣхали на берегъ взявши съ собою флаги и вымпелы съ увѣренїемъ, что до опъѣзда нашего въ Россїю не будетъ поднятъ никакой флагъ на корабляхъ нашихъ. Я не нахожу надобности съѣзжать на берегъ, равно и Гг. Капитанамъ; но не имѣя возможности не исполнить пребожанія Англинскаго Короля, шѣмъ паче, что

находимся въ его портѣ и его владѣніяхъ, я имѣю въ сей ночи сняшь мой флагъ и предписываю Господамъ командующимъ кораблями и фрегатамъ сняшь вымпелы также ночью, — корабельные же флаги по обыкновенію спустишь по пробитіи зари. На корабль *Твердоуб*. 29 Сентября 1808 года. “

Сенявинъ.

Настояніе Монпегю подало поводъ жителямъ Поршсмуша ожидать, что Сенявинъ будетъ принужденъ спустить свой флагъ, какъ то дѣлають военнопленные, сдавшіеся съ присвоеніемъ военныхъ почестей. Но когда сего не последовало, журналисты всѣми силами напали на Коштона, и ошдали справедливостъ Сенявину. Каррикашуры, ходившія въ публикѣ, всѣ были въ похвалу послѣдняго, нѣсколько дней имя Сенявина переходило изъ устъ въ уста, множество любопытныхъ желали видѣть его, и видѣвшіе отъ добраго сердца поздравляли и радовались его шоржесству. Кто знаетъ характеръ Англичанъ, тотъ не удивится, что Сенявинъ въ общемъ мнѣніи заслужилъ такое уваженіе. Еслибы Дмишрій Николаевичъ согласился ѣхать въ Лондонъ во время продолжавшагося воспорга, то весьма вѣроятно, что народъ встрѣшилъ бы его рукоплесканіемъ, криками и понесъ бы его на рукахъ. Во время перваго разрыва съ Англією въ 1801 году, Нельсонъ прибылъ со флотомъ въ Ревель, когда ош-

крыты были переговоры о мирѣ, въ чаяніи отличнаго приѣма, онъ просилъ позволенія приѣхать въ Пешербургъ, — Сенявинъ по той же причинѣ отказался видѣть Лондонъ. Какое самонадѣяніе и какая скромность видна въ характерахъ двухъ Адмираловъ.

1 Октября, при отношеніи Лорда Мульграва, явился къ Сенявину Коммисаръ *Мекензи*, назначенный Англинскимъ правительствомъ для приведенія въ исполненіе подробностей Лиссабонскаго договора; на негоже возложено было попеченіе о содержаніи эскадры. Во первыхъ свезенъ былъ порохъ на берегъ, потомъ эскадра перешла къ острову Вайшу, гдѣ на *Модеръ-баннѣ* и стала Ферпоингъ (*). На зиму для облегченія кораблей и свободнѣшаго размѣщенія служившей сложены въ магазинны паруса и артиллерія.

Наспояніа Сенявина, для положенія безнужнаго содержанія Офицерамъ и служившимъ, принятіе больныхъ въ гошпитали и тому подобныя требованія, были безъ труда удовлетворяемы; но побужденіе къ скорѣйшему отправленію экипажей въ Россію стоило ему многихъ непріятностей, великихъ безпокойствъ и произвело щекотливую переписку, продолжавшуюся до самаго отъѣзда изъ Англій: по отклоняли отправленіе за неимѣніемъ судовъ, по располагались перевезти

(*) На двухъ якоряхъ.

экипажи въ Архангельскъ, по дѣлали несообразныя предложенія, какъ то: оставленіе достаточнаго числа служивелей для храненія кораблей и принадлежностей оныхъ до заключенія мира. Наконецъ Англинское Правительство откландывало отправление по причинѣ продолжавшейся еще Шведской войны. На послѣднее Сенявинъ представлялъ, что сіе не можешь касаться до него; ибо когда заключень былъ договоръ, то Адмиралъ Коштонъ извѣстенъ уже былъ о войнѣ Россіи съ Швеціею.

Въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809 годовъ, Англичане отправляли въ Испанію войска. Почти безпрестанно приходило и уходило въ море по 200 и 300 транспортовъ. 1 Февраля 1809 года прибыли изъ Лиссабона оставшіеся тамъ для сдачи кораблей Рафаила и Ярослава Офицеры и маэрозы. 18 Апрѣля Англинскій фрегатъ, при свѣжемъ вѣтрѣ лавируя въ Нидельскомъ проливѣ, спалъ на мѣль у острова Вайша. Онъ шребовалъ сигналами скорой помощи изъ Портсмута, вода была тогда въ самомъ почпи возвышеніи и оставалось нѣсколько минутъ до гибельнаго положенія сего фрегата. Въ то самое время сигналомъ съ корабля Твердаго вслѣдно шерпящему бѣдствіе подашь помощь. Съ немалымъ трудомъ и опасностію, въ короткое время фрегатъ нашими людьми былъ снятъ съ мѣли. Адмиралу Коршесу поручено было благодарить Сенявина отъ лица прави-

пельства. Почтенный старикъ прибывъ на корабль Твердый, съ радостію изъявилъ Сенявину признательность народа и между прочимъ сказалъ ему, что Англія почитаетъ его другомъ своимъ. Сенявинъ, споль лесную, многозначущую признательность принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ.

Вошъ еще знакъ особенной признательности Англинскаго Правительства къ Д. Николаевичу. Фрегатъ Спѣшный отправленъ былъ изъ Кронштада съ деньгами и разными вещами, потребными на содержаніе арміи и флота въ Средиземномъ морѣ бывшихъ. Капитанъ фрегата по прибытіи въ Портсмутъ, извѣстясь, что эскадра наша возвращается въ Россію, остановился ожидать оной на мѣстѣ. Между тѣмъ послѣдоваль разрывъ и фрегатъ взяли въ плѣнъ. На немъ былъ серебряный сервизъ, адресованный Адмиралу Сенявину. Англинское Правительство, токмо по личному уваженію, повелѣло, выключивъ оный изъ числа призовъ, яко собственность Сенявина и доставивъ ему. Англинскіе Офицеры, имѣвшіе случай заслуживъ вниманіе Сенявина, искали его покровительства, которое съ такимъ уваженіемъ было принимаемо, что доставляло имъ награду или какое либо отличіе. 20 Апрѣля, начали сдавать корабли по описи; 18 Маія 36 транспортовъ назначены были для перевозу командъ въ Россію.

Предъ отъѣздомъ, нѣкоторые Офицеры предложили засвидѣтельствовать Сенявину

общую къ нему благодарность публичнымъ Актомъ. Не ужели, говорили они, съ славнымъ нашимъ начальникомъ распанемся мы равнодушно? Нѣтъ, возразили другіе, одной признательности недоспащочно: — поднесемъ ему вазу, кошорая была бы его достойна и соразмѣрна той степени усердія и признательности, съ какою мы желаемъ засвидѣтельствовать ему свои чувствованія предъ опечесствомъ и свѣшомъ. Миѣніе сіе принято было съ радостію и единодушно. Тотчасъ приступили къ исполненію: собрали доспащочную сумму съ каждаго поровну, выбрали депутатовъ, коимъ поручили сочинить рѣчь, сославивъ рисунокъ, придумавъ украшенія и проч.; а до тѣхъ поръ, пока ваза будетъ гошова, дали слово содержать намѣреніе сіе въ шайнѣ, дабы нечаянностію опклонить опказъ и прилично удивить Главннкомандующаго. Полковника Вакселя, находившагося въ Лондонѣ, просили изъ многихъ рисунковъ, по совѣшу знаменитѣйшихъ художниковъ, нещадя издержекъ, выбрать или сочинить лучшей. Г. Ваксель охотно принялъ на себя всѣ попеченія, чиновники, нашей Миссіи и многіе путешественники остававшіеся въ Лондонѣ, также приняла дѣятельное въ шомъ участіе. Составленіе рисунка и работа вазы, поручена славнѣйшимъ въ Лондонѣ Академикамъ и Ювелирамъ. По признанію одного изъ нихъ, наша ваза, какъ во вкусѣ, такъ опдѣлкѣ и изобрѣшеніи эмблемъ, далеко превосходитъ вазу,

поднесенную Лорду Нельсону. Также подношение не только достопамятно, какъ отличный знакъ усердія подчиненныхъ къ Начальнику; но паче примѣчательно какъ первый примѣръ сего рода въ Россійскомъ флотѣ, примѣръ важный для потомства, равномѣрно къ чести Начальника и подчиненныхъ относящійся. Многія вазы могутъ быть и богаче и дороже; но подаренная Сенявину украшается наиболѣе мыслями и чувствами столь рѣдко заслуживаемой общей признательности, любви, уваженія и преданности. Видя, что до отъѣзда въ Россію, ваза не могла быть гошова, рѣшились они поднести общо-человѣчельный рисунокъ оной.

1 Іюня, когда Сенявинъ всего менѣе ожидалъ какой либо нечаянности, видитъ, что со всѣхъ кораблей Капитаны съ Офицерами въ полномъ мундирѣ ѣдутъ къ его кораблю. Не зная чему приписать такое движеніе. Дмитрій Николаевичъ спросилъ, что бы сіе значило? Но вдругъ избранные Деушаны Капитаны П. М. Рожновъ, Д. К. Мильковъ и Р. П. Шелпингъ входящъ; за ними, сколько могло помѣститься въ каютѣ, вошли Офицеры. Одинъ изъ Деушановъ къ пріятному изумленію Сенянина отъ лица всего сословія привѣщиваетъ его слѣдующею рѣчью:

Ваше Превосходительство!

„Вы въ продолженіи чепырехлѣшняго главнаго начальства надъ нами, во всѣхъ слу-

чаяхъ показали намъ доброе свое управленіе. Какъ искусный воинъ будучи неоднократно въ сраженіи съ непріятелями, заставили насъ, какъ соспрудниковъ своихъ, всегда поржешествовать побѣду. Какъ добрый отецъ семейства, вы имѣли о насъ попеченіе, — и мы не знали нужды, а заботу и пруды почитали забавою; вы оное видите на радостныхъ лицахъ нашихъ.

Вы своимъ примѣромъ и наспавленіемъ ободряя за добро и умѣренно наказуя за вины, исправили наши нравы и отогнали пороки, сопряженные съ молодосію. Въ томъ порукою наше поведеніе. Будучи въ утѣсненныхъ по несчастію обстоятельспвахъ, вы отврапили отъ насъ всякой недоспашокъ, даже доспавили случаи пользованья удовольствіями; — съ вами всегда мы были и еспь счастливы.

Теперь приближилось время возвращенія въ любезное наше опечество, по прибытіи куда окончипся и наше споль продолжипельное плаваніе; а можентъ бышь, что по необходимости должны будемъ лишипсья и вачепо надъ нами начальспва. Слѣдовательно, оспается намъ сполько возблагодарипсь за всѣ ваши благодѣанія, но чѣмъ? Прославипмъ ли васъ нашею похвалою? мы знаемъ, что прямо достопный человекъ похвалъ удаляется; онъ любитъ похвалу заслуживать, а не слушатъ. — Изъявипсь ли вамъ наше почтеніе, нашу любовь? но онѣ давно уже обипающъ въ серда-

цахъ нашихъ; вамъ шо извѣстно; да и кто въ помъ усомнишься можетъ? Попощимся ли увѣряшь васъ въ своемъ повиновеніи и преданности? Вы видѣли ихъ на дѣлѣ.

Когда народъ непросвѣщенный, неимѣющій другихъ правъ, кромѣ войны; другой надъ собою власти, кромѣ духовной,—и пощъ народъ (*) добровольно вамъ повиновался, пощпалъ васъ и любилъ: шакъ намъ ли съ нами равняшсь? Нѣшъ эшо для насъ неудовлешворительно! Мы хощимъ соорудить шаккой памятникъ, въ кошоромъ бы ващи и наши пощпки могли видѣшь и воспоминашь незабвенное добро, вами содѣянное. Мы шакже хощимъ, что бы вамъ равные видѣли въ семъ памятникѣ достойный примѣръ добраго управленія; мы даже и шого хощимъ, что бы нашъ Всемилостивѣйшій Государь, узнавъ нашу къ вамъ приверженность, могъ видѣшь, сколь должна быть велика наша къ Немъ благодарность за пощпавленіе надъ нами столь достойнаго Начальника; и наконецъ сами вы смощря на оный, не безъ удовольствія воспоминашь будете о шысячахъ приверженныхъ къ вамъ сердець.

Сей памятникъ состоящъ будетъ изъ Вазы съ приличными на оной изображеніями. Скорость нашего опщправленія не дозволяетъ намъ дождашсь получения оной изъ Лондона,

(*) Черногорцы.

гдѣ она доканчивается; но по прибышii нашемъ въ Россiю, поручено вѣрному человѣку, по изгоповленii доставишь въ Санктпетербургъ, гдѣ мы будемъ имѣшь удовольствiе Вашему Превосходительству оную поднести. (*) Неперпѣнiе наше шакъ велико, что мы въ ожиданii оной просимъ васъ благосклонно приняшь рисунокъ, представляющii видъ Вазы съ описанiемъ настоящаго изображенiя, которое подасть вамъ нѣкоторую мысль о подлинникѣ. При семъ приложенъ списокъ Офицеровъ, изъявляющихъ вамъ сiю благодарноснiю и сiе начертанiе. Въ заключенiе всего оспашеся намъ желашъ, что бы Ваше Превосходительство все оноѣ приняли отъ насъ благосклонно, и не сочли что либо лестiю, а единственно изъявленiемъ вамъ усердiя, любви и благодарноснiи.

Описанiе Вазы: Ваза вышиною полтора фуша, вылипа изъ серебра, украшенiя изъ чистаго золота, формы Эпзурской. На крышкѣ золотой орелъ съ Императорскою короною на главѣ, сидящii на кругломъ щитѣ, въ одной лапѣ держишь Турецкую Луну, а другою опирается на щитъ, на кошоромъ вырѣзана слѣдующая надпись: *Въ память побѣды, одержанной Россiйскою эскадрою надъ Турецкимъ флотомъ у острова Лелноса въ Архипелагѣ 1807 года Юня 19 дня.*

(*) До отъѣзда въ Россiю Ваза была гошова и поднесена въ Поршесмушъ.

Четыре змѣи во знаменованіе мудрости и вѣчности извиваясь соснавляютъ обѣ ручки Вазы, и головами своими поддерживаютъ широкую золотую поясъ, на копоромъ начерпана эмалью слѣдующая надпись: *поднесена Его Превосходительству Г. Вице-Адмиралу и Кавалеру Дмитрію Николаевичу Сенявину Россійскими Офицерами, на эскадрѣ подѣ его начальствомъ находившимся, во избявленіе своего къ нему усердія, любви и благодарности. 1809 года.*

На срединѣ Вазы двѣ золотыя вѣшви: одна изъ дубовыхъ, другая изъ лавровыхъ лисъевъ, во знаменованіе швердосци и славы, съ одной спороны обвиваютъ золотое изображение Его Императорскаго Величества съ надписью: *АЛЕКСАНДРЪ I, 1807 годѣ*, напоминающею побѣду при Лемнось подѣ благоденшвеннымъ царшвованіемъ сего Монарха одержанную. Съ другой спороны сіиже вѣшви обвиваютъ гербъ Вице-Адмирала Сенявина.

Нижняя конечность Вазы украшена листьями и цвѣтами *Хотуса*, (расшеніе посвященное Непшуну и свойшвенное только водамъ Архипелажскимъ). На поднось при якоря, обвитые канашами, сходясь въ одно средопочіе, поддерживаютъ и служатъ ей основаніемъ.

Адмиралъ никакъ не ожидалъ шакого явленія; въ продолженіи рѣчи, смиреніе его боролось съ сердечнымъ наслажденіемъ; по окончаніи же оной, когда поднесли ему изображение Вазы, онъ едва прерывисто могъ ошвѣчать: „Почтенные мои шоварици,—это уже

слишкомъ много — благородныя ваши чувствованія умиляютъ меня до глубины души — я не имѣю словъ — не умѣю вамъ объяснить мою признашельность. . . . Но могу ли не принять столь неоцѣненнаго подарка — онъ будетъ сокровищемъ моимъ и единственнымъ завѣщаннымъ наследствомъ дѣшей моихъ.», Едва Дмишрій Николаевичъ принялъ изображеніе Вазы, клики ура! раздались на всей эскадрѣ. Офицеры просили попомъ удостоить принять ошъ нихъ угощеніе. Теперь я въ вашемъ распоряженіи, ошвѣчалъ Адмираль. Послѣ сего всѣ вышли. Между шѣмъ шканцы обратились въ заль, красиво убранный флагами. Когда сѣли за столъ, хоръ пѣвчихъ сопровождаемыхъ оркестромъ музыки пропѣли Акроспихъ, шакже на сей случай сочиненный :

Се! кто присушствіемъ желанный,
 Единъ всѣхъ веселишь сердца?
 Начальникъ славою вѣнчанный,
 Являетъ намъ собой Опца.
 Враговъ Россіи побѣдидель,
 И счастья нашего шворецъ;
 Надежда всѣхъ и покровидель
 Мужъ незабвенный для сердець.

5 Іюня Адмираль въ знакъ признашельности давалъ Офицерамъ балъ и ужинъ. Праздникъ продолжался во всю ночь. Корабль *Твердый* предшзвлялъ въ сіе время нѣчто необыкновенное. Освѣщенный фонарями, оный

казался огромнымъ огненнымъ столпомъ, возникающимъ изъ моря. Шканцы обращены были въ великолѣпный залъ, убранный зеленью, вазами цвѣтовъ, картинами и разноцвѣтными флагами; Каюшь-кампанія и верхняя палуба до гротъ мачты, составляли двѣ залы, съ такимъ же вкусомъ убранныя. Буфетъ былъ особеннымъ образомъ усроенъ, бочки рому, лимонаду, поршеру, шеры, поршвейну и другихъ винъ висѣли на цѣпяхъ. Бахусъ, увѣнчанный виноградными листьями, чрезъ кранъ наливая бокалы, пошчивалъ гостей. Въ нижней палубѣ, Коншанельская обращена была въ театръ. Такимъ образомъ корабль превращенъ былъ въ трехъ-этажный домъ, въ коемъ ничто не походило на корабль. Кромѣ Англичанокъ украшали балъ и Россіанки, прибывшія изъ Лондона для ошпытія въ отечество вмѣстѣ съ экипажами. Угощеніе было истинное Русское: удовольствіе хозяина, ласковость, вниманіе его ко всѣмъ разливали на общество непритворное веселіе; всѣ были счастливы, танцовали, рѣзвились до свѣшу. Хоры пѣвчихъ, Рускія и цыганскія пляски, разнообразили занятіе, и гости, особенно Англичане, признавались, что они ничего подобнаго сему не видали.

12. Іюня, Команды, перебравшіяся на транспортны по вспрѣшившейся въ оныхъ надобности для Англичанъ, снова перешли на корабли свои. Вскорѣ 20 кораблей, 15 фрегатовъ, 23 брига и 280 транспортовъ съ войсками ошпылили въ Испанію. Наконецъ 31 Іюля, команды размѣстились на 21 тран-

спортивъ. Для главнокомандующаго назначенъ былъ фрегатъ *Чалпюнъ*. 5 Августа оснавили Портсмутъ. На другой день прошли Дувръ, на короткое время заходили въ Диль и Ярмутъ и 18 прибывъ въ Категаъ за проливнымъ вѣтромъ спали на якорь между островами Ангольпомъ и Есселемъ. Проходя Бельпомъ, по причинѣ пишины и мѣлей, часто спановились и снимались съ якоря и пользовались малѣйшимъ вѣтромъ. 25 Августа, къ конвою нашему, споявшему на якорь у острова *Ролсо*, прибылъ другой, состоявшій изъ 250 Англинскихъ и Шведскихъ судовъ. Англинскій Консръ-Адмиралъ, сопровождавшій оный въ Балтійское море, предложилъ нашему Адмиралу изъ своей эскадры лучшей для помѣщенія фрегатъ *Тартаръ*, на который тотъ же день Сенявинъ съ Штабомъ своимъ и перешелъ. 28 встрѣтился съ другимъ конвоемъ изъ 200 судовъ, возвращавшимся изъ Балтики. 5 Сентября въ виду Шведской Помераніи, нѣсколько судовъ, поднявъ Прусскіе флаги, отдѣлились отъ конвоя и пошли въ разныя стороны. Такимъ-же образомъ, не смотря на бдительность Наполеоновой таможенной стражи, взаимныя выгоды купцовъ или лучше народовъ, не могущихъ обойтись безъ торговли, всегда находили способы производить оную хотя тайнымъ образомъ.

9 Сентября, на вечеръ конвой прибылъ въ Ригу, и команда вступила на берегъ. Симъ кончилась сія достопамятная для Россійска-

го флота кампанія. Въ продолженіи чепырехлѣшнихъ шрудовъ не однимъ бурямъ Океана прошивуборствуя, не однимъ опасносшямъ военнымъ подверженныя, но паче спеченіемъ политическихъ обспояшельствъ неблагопріашспвуемыя, Россійскіе плаващел и наконецъ благополучно возврашисья въ свои гавани. Сохраненіе споль значительнаго числа храбрыхъ, опышныхъ машрозовъ, во всякомъ случаѣ для Россіи весьма важно. Сенявинъ исхишилъ шакъ сказащъ ввѣренныя ему морскія силы изъ среды непріашелей шайныхъ и явныхъ, и съ честію и славою возврашилъ ихъ Государю и опечеспью.

Эскадра Капитана Гепцена въ Тулонѣ.

Капитанъ 1 ранга Гепценъ, принявши начальство надъ двумя кораблями, св. Пешромъ и Москвою, получилъ опъ Вице-Короля Италіанскаго Принца Евгенія своеручное письмо и опъ Французскаго Миниспра морскихъ силъ Декре (Decrés) оффиціальное увѣдомленіе объ объявленной войнѣ Англіи, и вмѣстѣ съ онымъ извѣспіемъ Имперашоръ Наполеонъ, находившійся тогда въ Падуѣ, предложилъ эскадрѣ нашей для лучшей безопасности заблаговременно перейти изъ порта Фераіо въ Тулонъ. Капитанъ Гепценъ ожидалъ для исполненія сего предложенія подшвердимельнаго повелѣнія опъ Высочайшаго нашего Двора, и для скорѣйшаго полученія нужныхъ насшав-

лений писалъ въ С. Пешербургъ къ Морскому Министру П. В. Чичагову, въ Вѣну и Парижъ къ Посламъ нашимъ Князю Куракину и Графу П. А. Толстому. Секретарь посольства Алек. Ян. Булгаковъ, отправленный отъ Д. П. Ташищева изъ Палермы въ С. Пешербургъ съ донесеніемъ о сдачѣ фрегата Венуса Сицилійскому Правительству, имѣлъ повелѣніе дошавиши сію новостъ командующему кораблями въ портъ Фераѳо. Г. Булгаковъ отправился сначала въ Каглиари, попомъ переѣхавъ въ Корсику, и отшуда послѣ 55 дней труднаго путешествія моремъ на малыхъ лодкахъ и сухимъ путемъ верхомъ, въ безпреспанной опасности отъ Англинскихъ крейсеровъ и разбойниковъ, наконецъ достигнулъ порта Фераѳо, и весьма всташа увѣрилъ Капитана Гешцена о точномъ и совершенномъ разрывѣ нашемъ съ Англією. Князь Куракинъ на отношеніе Капитана отвѣчалъ: что рапорты его въ С. Пешербургъ отосланы и если будутъ какія Высочайшія повелѣнія, то изъ Вѣны отправятся съ нарочнымъ.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1808 года, полученъ Высочайшій рескриптъ, коимъ предписано Капитану Гешцену со вѣренными отрядомъ, какъ и всѣмъ морскимъ силамъ внѣ Россіи находящимся состоять въ полномъ распоряженіи Императора Наполеона и повелѣнія его исполнять въ точности и неукоснительно. Въстѣ съ симъ рескриптомъ Министръ морскихъ силъ Декре, прислалъ

предписаніе немедленно слѣдовашь въ Тулонъ, а командующій тамъ Адмиралъ Ганшомъ прислалъ Бригъ и Шхуну съ Лоц-офицерами, въ распоряженіе Капитана Гешцена, коему доставлены были Французскіе сигналы и нужное насшавленіе. Въ слѣдствіе сихъ повелѣній, на претій день по полученіи оныхъ, отрядъ нашъ оставилъ портъ Фераіо. Первыя сунки шпилевали у Ливорны, а въ претью по выходѣ изъ Фераіо, корабли съ сильнымъ попушнымъ вѣтромъ идучи по 20 вер. въ часъ въ виду Англинскихъ 14 линейныхъ кораблей, бывшихъ не болѣе 5 верстъ подъ вѣтромъ, прибыли благополучно въ Тулонъ. Французскій флотъ, споявшій на рейдѣ, состоялъ изъ 13 кораблей, (въ помѣ числѣ были два спопушечныхъ) 5 фрегатозъ и вѣсколькихъ малыхъ судовъ.

Корабли наши пошчасъ помѣщены были въ линію и исправлены по возможности. (*) Главнoкомандующій Адмиралъ Ганшомъ и вообще всѣ его подчиненные дѣлали въ честь Россіянамъ пышныя угощенія. Необыкновенное

(*) Съ 1 Января 1809 года всѣ морскія силы, находящіяся въ портахъ Французскихъ, по особому соглашенію должны были получать содержаніе отъ Французскаго Правительсва, съ прибавкою чего не доставало по нашему шпату отъ нашего Адмиралшейсва; но кромѣ двухъ кораблей, бывшихъ въ Тулонѣ, другія эскадры, находившіяся во Французскихъ портахъ, подъ разными предлогами отъ Французскаго Правительсва содержанія не получали.

и доселѣ не бывалое соединеніе Россійскаго флота съ Французскимъ было конечно имъ пріятно, и они при добромъ, ласковомъ обхожденіи распочали всѣ угожденія. Однакожь при малѣйшей перемѣнѣ обшояшельствѣ, обнаруживалось подозрѣніе и дѣйствіе полищическаго барометра иногда возмущало взаимное согласіе и уменьшало опкровенность. Особенно сія перемѣна была чувствительна въ 1809 году, когда возгорѣлась война между Австріею и Франціею, и когда Наполеонъ по-пребывалъ въ супружествѣ Эрц-Герцогиню Марію Луизу. Послѣ сего всѣ дѣйствія Французскаго наружнаго учтивства были пріемлемы въ настоящемъ ихъ видѣ. Долговременное пребываніе въ Тулонѣ, продолжавшееся 22 мѣсяца, надежды на скорое возвращеніе въ любезное отечество особенно, когда по вѣтхости кораблей нашихъ, Французское Правительство многократно предлагало перемѣнить оныя своими новыми; страхъ, что по данной власши команды наши разобьются по Французскимъ кораблямъ и отпра-вляшъ, Богъ знаетъ, куда; помленіе въ неизвѣстности, недѣятельная хошя и веселая жизнь, и наконецъ столь продолжительное удаленіе изъ опчизны, повергли многихъ въ скуку и уныніе.

Нѣкоторыя замѣчанія, доставленные мнѣ однимъ изъ товарищей, бывшемъ въ Тулонѣ, о устройствѣ или лучше недоспашкахъ Фран-

русскаго флота, были бы очень занимательны и даже полезны; если бы не опасался я, что такое описаніе походить будешь на крипику, въ дурномъ расположеніи нрава написанную. . . . Довольно сказать, что Французскій флотъ выходитъ въ море только для того, что бы бѣгать отъ Англичанъ, а вспрѣчаешься для того, что бы спускашь флагъ.

Наконецъ, по уваженіи вѣтхости кораблей вовсе неспособныхъ къ продолженію службы, получено Высочайшее повелѣніе отъ 27 Сентября 1809 года: по условленной всѣмъ вещамъ оцѣнкѣ сдать корабли Французскому Правительству, а экипажамъ возвратиться въ Россію. Радостное сіе повелѣніе, не смотря на нѣкоторыя затрудненія въ сдѣлкахъ, при продажѣ кораблей вспрѣчавшихся, было исполнено и въ началѣ 1810 года команды обоихъ кораблей оставили Тулонъ. Адмиралъ Гангомъ отношеніемъ своимъ Гепцену свидѣтельствовалъ ему свое удовольствіе и похвалилъ доброе и примѣрное поведеніе какъ Офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ. 1 Апрѣля команды прибыли въ Майнцъ, а оттуда чрезъ Франкфуртъ въ Веймаръ. Ея Высочество великая Княгиня Марія Павловна, удостоила мореходцевъ нашихъ особеннаго вниманія. Она сама вспрѣшила ихъ и угостила Рускимъ столомъ. Зрѣлище необыкновенное для жителей Веймара, честь и счастье неожиданное для мореплавателей, путешествующихъ по сушѣ! Удовольствіе Великой Княгини, въ пер-

вый еще разъ по опгъздѣ изъ Россіи видѣшь себя окруженною Рускими, говоришь съ ними и вмѣстѣ воспоминашь о милой родинѣ, конечно было не малое. Его Величество Король Прусскій въ Бесновѣ шакже почшилъ ихъ милоспивымъ вниманіемъ. 17 Маія команды переспутили на свою границу.

Шлюпъ Шпицбергенъ въ портѣ Виго.

По выходѣ изъ Корфы въ ночь съ 26 на 27 Сеншября 1807 года, шлюпъ Шпицбергенъ, при врѣнкомъ вѣспрѣ упаль подъ вѣспрѣ опъ флоша у острова Марисимо. Въ продолженіи Окшября мѣсяца шлюпъ выдержаль двѣ жестокія бури и поспоянно боролся съ сильнымъ вѣспромъ, наконецъ по недоспашку воды принужденъ былъ 2 Ноября спуститься въ Гибралшаръ. Капшанъ Горѣ Англинскаго 74 пуш. корабля *Реванжа* прислаль на шлюпъ офицера поздравить съ прибышіемъ и предложить услуги. Съ шакимъ же привѣшспвіемъ пріѣзжалъ на шлюпъ и Капшанъ надъ портомъ. По опшбышіи его Капшанъ-Лейшенаншъ Алек. Ром. Качаловъ Командиръ шлюпа ѣздиль благодарить Капшана Гора и вмѣспѣ съ нимъ посѣшилъ Губернашора Генераль - Лейшенанша *Далримпля*, кошорый весьма вѣжли-во предложилъ зависящее опъ него пособіе.

6 Ноября шлюпъ вышелъ изъ Гибралшара. 10, у мыса Саншъ-Винценша всшрѣшплся съ фрегатомъ Венусомъ, и получа свѣдѣніе, что

флотъ находится въ Лиссабонѣ, 15 Ноября прибылъ къ устью Таго. Англинская эскадра, состоящая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и брига, лавировала у мыса Рока. Командующій эскадры Конпръ - Адмираль Сидней Смитъ прислалъ Лейтенанта съ объявленіемъ, что Лиссабонъ имъ блокируется и шлюпъ въ рѣку войти не можетъ. Капитанъ Качаловъ самъ ѣздилъ къ Сиднею Смишу, но онъ возразилъ ему невозможность соединиться съ эскадрою, и позволилъ послать офицера къ Сенявину, дабы получить отъ него повелѣніе куда идти. На другой день, когда Мичманъ Завалишинъ на лодкѣ отправился на корабль Твердый, Сидней Смитъ прислалъ на шлюпъ нѣсколько провизіи и угля. 17 Ноября Португальскій флотъ вышелъ изъ Лиссабона, Смитъ салютовалъ Принцу Регенту со всѣхъ своихъ кораблей, ему объявлено было съ одного корабля и брига. Въ ночь поднялась столь жестокая буря отъ Юга, что шлюпъ за пасмурностію и дождемъ на другой день не видалъ уже соединенныхъ флотовъ. Штормъ продолжался прои суши, на шлюпъ изорвало всѣ паруса, руль повредился и въ водорѣзѣ открылась опасная пещь; къ счастью на четвертый день вѣтръ нѣсколько стихъ и 25 Ноября при проливномъ вѣтрѣ и великомъ волненіи шлюпъ успѣлъ войти въ Вигской заливъ.

Испанское начальство, взявъ честное слово съ Капитана, что на шлюпъ нѣтъ боль-

ныхъ, ошъ караншина освободило. Губернашоръ Виго, Бригадиръ *Донъ Никола Майо* принялъ Качалова очень вѣжливо. Взаяся ошправитъ бумага къ Сенявину въ Лиссабонъ, къ Барону Спрогонову въ Мадришь и предложилъ для исправленія поврежденій перейши далѣе въ заливъ, въ портъ *Родонделло* къ мѣстечку *Портела*. Шлюпъ салюшоваль крѣпости изъ 13 пушекъ, а съ оной ошвѣштствовано изъ 14. На рейдѣ стояли 3 Испанскихъ корабля: *Сантъ-Яго*, *Л' Америкъ*, и *Сантъ-Яго де-Спанья*, фрегатъ *Сабина*, 6 канонерскихъ лодокъ и Французскій корабль *Атласъ*, съ коего салюшовали шлюпу изъ 21 пушки, ему ошвѣштствовано равнымъ числомъ. Послѣ взаимныхъ посѣщеній Испанцы съ усердіемъ предложили свое пособіе, ошпустили провизіи и прислали своего корабельнаго машера для починки шлюпа, въ коемъ кромѣ руля и водорѣза, ошкрылись многія другія поврежденія.

1808 годъ: 21 Маія, народъ присягалъ Фердинанду VII, и объявлено было общее вооруженіе прошиву Французовъ. *Галиасъ* Капитанъ корабля *Атласа*, послѣ щещныхъ переговоровъ принужденъ былъ безъ сраженія сдаться военнопльннымъ. 23 Іюля въ Виго праздновали союзъ Испаніи съ Англією и Португалією. Во весь день слышны были клики, да здрасшвуетъ Фердинандъ! да здрасшвуетъ Испанія! 2 Августа пришелъ на рейдъ Англискій фрегатъ *Діана*, Капитанъ онаго *Грантъ* пріѣзжалъ на шлюпъ съ посѣщеніемъ. Въ день

пезоименишества нашего Императора Испанскіе корабли и крѣпости салютовали слѣдуя шлюпу. 15 Сеншября получено ошъ Адмирала Сенявина увѣдомленіе, что онъ съ эскадрою опправился въ Англію, а шлюпъ предписываетъ впредь до перемѣны обстоятельствъ опсавашься въ Виго. 20 Сеншября Капитанъ Гавкинсъ Англинскаго фрегата Минервы хошѣлъ ночью напасть на шлюпъ; но Испанское начальство объявило Англинскому Капитану, что Императорскій шлюпъ находится подъ покровительствомъ Испанскаго народа—и смѣлый Капитанъ принужденъ былъ опказашься ошъ своего намѣренія. 1 Окшября Лейшенаншъ Князь Пуштинъ опправленъ съ депешами къ Министру въ Мадришъ. Баронъ Спрогоновъ, исходяшайспвовавъ ошъ Испанскаго Правительштва повелѣніе починишъ и снабдишъ шлюпъ нужнымъ, опправился 23 Окшября въ Триестъ. Еще до ошъѣзда Министра, выдачу провіанша прекрашили, и хошя Качаловъ ссылался на повелѣніе Князя Мира, но Губернаторъ Туйской провинціи опвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ средствъ исполнишъ предписаніе Его Свѣшлости, а предлагаетъ двухъ купцовъ, копорые на слово будущъ оппускашъ съшшныя припасы съ пѣмъ, что имъ неукоснительно будешъ плашиться наличными деньгами. 16 Ноября на 145 шранспортахъ прибыли въ Виго Англинскія войска, копорыя пошчасъ были высажены и вышупили въ походъ. 29 Декабря Коншрь - Адмираль Самуель

Гудъ, принявъ на эскадру свою, состоявшую изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 305 транспортовъ, опспушившія Англинскія войска, поспѣшно опсправился въ море.

1809 годѣ. 2 Генваря, по недовѣрчивости, изъявленной Англинскимъ Адмираломъ Гудомъ, что шлюпъ можетъ вспомошествовать Французамъ къ занятію Редонделлы, Комендантъ города Виго и Губернаторъ провинціи Туи, предложилъ Качалову перейти подъ башарею Капо - де - Алайе. Капитанъ Качаловъ, оставшись на томъ же мѣстѣ и приготовався на всякой случай къ бою, опспвѣчалъ Испанскому Коменданту: что онъ, по существующему союзу между Россіею и Испаніею, не приметъ никакого участія въ дѣйствіяхъ Французовъ; что онъ, находясь въ Испанскомъ портѣ, будетъ наблюдать строгій неутралишетъ и припомъ одинъ шлюпъ не можетъ подать никакого основательнаго подозрѣнія для Англинскаго флота. 12 Генваря народъ въ Редонделлѣ и Ранди возмутился. Комендантъ Виго, дабы избѣжашъ могущей отъ черни послѣдовашъ непріятности, впорично предложилъ, чтобы шлюпъ перешелъ въ Виго подъ крѣпостныя пушки; но по приближеніи Францускихъ войскъ, народъ скоро усмирился и шлюпъ по прежнему опспался въ Редонделлѣ. 19 Октябрия при появленіи небольшого опспряда Француской конницы, вооруженные поселане разбѣжались и Виго со всѣми крѣпостями замаша была безъ сопровошвенія.

25 Генваря. Французскій дивизионный Генераль Баронъ де Бель прїѣзжалъ на шлюпъ; ему салютовали изъ 9 пушекъ, и Генераль сей взялъ на себя отправленіе рапортовъ въ Россію. 28 Генваря Маршаль Сульшь проходя Виго, прислалъ своего Адъютанта предложивъ всѣ роды пособій, какихъ въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ. Народъ, оправившись отъ перваго страха, снова вооружился. Французы бродя по окрестностямъ для усмиренія, скоро сами должны были думать о своей безопасности. 5 Марша жители Виго взбунтовались. Французы по упорномъ сраженіи были выгнаны изъ города и осаждены въ крѣпости. На другой день Англинскій фрегатъ Венусъ пришелъ для блокады оной. Капитанъ сего фрегата Крафортъ прислалъ на шлюпъ отъ Вице-Адмирала Берклея, Главнокомандующаго Английскаго флота, объявленіе, что между Россією и Англією открыты переговоры о мирѣ. 7 Марша Шалощъ, Комендантъ крѣпости Виго, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, просилъ Капитана Качалова снабдить его для 300 человекъ на 10 дней провіансомъ, обѣщая, что Король Испанскій (Іосифъ) и Императоръ Наполеонъ за такую помощь вознаграждать его средною имъ милостию. Положеніе шлюпа въ сихъ обстоятельствахъ было крайне опасно, ни денегъ, ни провіанта негдѣ было получить, только благоразумная предосторожность Капитана Качалова могла избавить экипажъ отъ гибели. Онъ отвѣчалъ Шалощу въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „со времени моего сюда прихода, я не получилъ отъ Правительсва моего никакого повелѣнія; посему и не знаю въ союзъ ли мы съ вами. Требуемой вами провіантъ превосходишь количество нужное для содержанія моего экипажа на три мѣсяца; я имѣю онаго только на одинъ; и посему помочь вамъ въ бѣдственномъ положеніи никакъ не могу, паче по тому, что не сохраняя должнаго неутралишеша въ разсужденіи Испаніи, подвергну себя опасности бытъ взятымъ Англичанами, которые по уваженію тѣхъже правъ неутралишеша доселѣ меня не беспокоили. Не огорчись отъ отказомъ и вѣрьте, что во всякомъ другомъ случаѣ за удовольствіе бы себѣ поставилъ бытъ полезнымъ вашему Королю и Императору.“ 15 Марша папріюшы въ числѣ 4000, подкрѣпленные 200-ми регулярныхъ солдатъ, напали на Французовъ, которые, дабы избѣгнушь неистовства черни, сдались двумъ Англическимъ фрегатамъ, и на другой день были перевезены на купеческія суда, споявшія въ Виго.

18 Марша Испанскій Губернаторъ Бернардо Гонзалецъ просилъ снабдишь его нѣкоторымъ количествомъ сухарей, пороховъ, пушками и ружьями. Капитанъ Качаловъ, дабы и впредь отклонить такія не совмѣстныя съ неутралишешомъ требованія, далъ замѣнить Губернатору, что настоянія его показываютъ наклонность къ разрыву согласія, доселѣ счастливо сохранившагося. „Если же, писалъ онъ между прочимъ,

союзъ между Россіею и Испаніею прерванъ, и если вамъ по извѣстно, то прошу о семъ меня увѣдомишь., Въ продолженіи осады Виго, многіе знаменитые Испанцы, въ томъ числѣ и преждебывшій Министръ внушреннихъ дѣлъ, Генераль Лейтенантъ и Каноникъ монастыря св. Іакова Донъ Педро Окунья, опасаясь неисповства черни, искали убѣжища на Рускомъ шлюпѣ, были приняты и сохранены. Кинлей, Капитанъ Англинскаго фрегата *Лайели*, такъ же прислалъ на шлюпъ двухъ особъ, увѣривъ при томъ, что онъ отъ своего начальства имѣетъ повелѣніе почитать Россійскій флагъ дружескимъ. По успокоеніи народа, когда малые Французскіе отряды, бродившіе въ окрестностяхъ, были испреблены, благородный Гонзалецъ именемъ центральнѣй Юнты подтвердилъ, что народъ Испанскій во всякихъ обстоятельствахъ будетъ почитать Рускихъ своими друзьями и благодарилъ за покровительстве, данное на шлюпѣ именистымъ особамъ. Но такое доброе согласіе скоро было нарушено слѣдующимъ произшествіемъ: до освобожденія Виго Французскій Аббатъ былъ принятъ на шлюпъ въ званіи Переводчика и съ вѣдома Испанскаго Правительства оставленъ въ распоряженіи Капитана Качалова.— Не смотря на ненависть народа къ Французамъ, Аббатъ полагаясь на то, что онъ въ Руской службѣ, осмѣлился показаться въ городъ. Чернь тотчасъ его окружила и схватя предшавила Губернатору, которъй съ трудомъ могъ его избавить отъ

смерши и возвратишь на шлюпъ. На другой день въ городъ распространился слухъ, что на Рускомъ шлюпѣ хранился сокровище, принадлежащее Французамъ и скрывается опасный шпионъ. Губернаторъ Гонзалецъ для предупрежденія своевольства черни, отъ которой зависѣла защита отечества, требовалъ, что бы Аббашъ былъ перевезенъ на Англинскій фрегатъ. Капитанъ Качаловъ принужденъ былъ выдать Аббаша, увѣривъ, что у него ничего нѣтъ принадлежащаго Французамъ, и народъ готовый къ возмущенію успокоился. Въ сіе время снабженіе экипажа съѣсными припасами было почти не возможно. Къ счастью сыскался добрый и честный купецъ Абелайра, который самъ вызвался на кредитъ доставлять нужное и не смотря на всѣ затрудненія слово свое сдержалъ какъ благородный и безкорыстный Испанецъ.

2. Апрѣля проходящій отрядъ Французскихъ войскъ, числомъ до 4000, сожегъ Редонделлу. Поселяне дрались отчаянно. 18 сегоже мѣсяца Французы въ большемъ числѣ покушались взять Виго, но были съ урономъ отбиты. 30 Апрѣля прибыли въ городъ 5000 чел. регулярнаго Испанскаго войска; Французы также усилились въ окрестностяхъ. Въ продолженіи Маія мѣсяца сраженія не прекращались; пожары не угасали; наконецъ Французы совершенно разбитые принуждены были съ малыми остатками отступить и въ началѣ Іюня военныя дѣйствія въ окрестностяхъ Виго кончились;

провинція Туя и другія сосѣдственныя области ошъ ига Французовъ были освобождены. Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, разными шребованіями Испанскихъ начальниковъ Капишанъ Качаловъ былъ посшавленъ въ самое непріятное положеніе. 12 Маія, ошказъ Вигскому Губернатору въ порохъ и двухъ пушкахъ для защищенія моста, ведущаго къ городу, гдѣ были при раза самыя упорныя сраженія, огорчило Испанцевъ; посему они и искали случая поддержать свои шребованія сильнымъ предлогомъ. Капишанъ фрегата Ифигеніи Жуанъ Карранзо 26 Маія, извѣспивъ о объявленіи войны Россіи прошиву Франціи и одержанной Австрійцами побѣдъ надъ Привцемъ Евгеніемъ въ Фріулъ, предложилъ, чтобы Капишанъ шлюпа принялъ участіе въ защищеніи Виго прошиву Французовъ. „Согласіе, сказалъ онъ въ своемъ письмѣ, увѣришь меня въ нашемъ хорошемъ расположеніи къ Испаніи, подъ покровительствомъ коей вы споль долго находитесь; ошказъ же приму за непріязненное намѣреніе.“ Со времени моего сюда прихода, такъ ошвѣчалъ Качаловъ, не получалъ я ошъ Правительства моего никакого извѣспія о возобновленіи дружескихъ связей съ Англіею и о разрывѣ мира съ Франціею. Вы конечно, судя по своей службѣ, не можете не согласиться со мною, что я ничего не могу предиринять не дождавшись почнаго повелѣнія ошъ моего начальства. Повелѣнія сего ожидаю съ неперпніемъ; надѣюсь, что оное вскорѣ будетъ ко

мнѣ прислано, и тогда съ большимъ удовольствіемъ гоговъ буду по моей возможности противустать общему нашему непріятелю..

Всѣ подобныя симъ преребанія происходили отъ крайней нужды въ порохѣ, пушкахъ, а часпо и въ провизіи. Должно отдать справедливость Испанскому Правительству, что оно было столь великодушно и снисходительно къ Россійскому флагу въ такое время, когда мы были въ союзѣ съ Франціею, и когпя нашъ Посланникъ оставилъ Мадридъ, но оно не перемѣнило своего поведенія. Конечно иное Правительство не потерпѣло бы и одного дня въ своемъ поршѣ такого союзника, который будучи другъ его непріятелямъ не хочетъ принять никакого участія въ его дѣлахъ. Испанское Правительство всегда отличалось особеннымъ благородствомъ. Политика его Двора всегда была самая праводушная. Вотъ пому примѣръ: въ 1796 году, Англискіе крейсера еще до объявленія войны взяли два Испанскіе фрегата, шедшихъ изъ Америки въ Кадиксъ съ золотомъ и серебромъ; всѣ Испанскія суда, бывшія въ Англии, были арестованы, напрошивъ того Англискія суда, бывшія въ портахъ Испанскихъ, были опущены и собственность Англискихъ купцовъ объявлена неприкосновенною.

По возстановленіи совершенной тишины въ окрестностяхъ Виго, Опорскій Консулъ доставилъ на содержаніе экипажа шлюпа 37.000 Исп. шалеровъ. Съ сего времени по

препертѣни многихъ беспокойствъ и недоспашка, по крайней мѣрѣ со стороны продовольствія были наши люди обезпечены. Въ концѣ года Капитанъ Качаловъ выдержалъ послѣднее нападеніе Испанскаго Начальства, и съ сего времени оставленъ былъ въ покоѣ на прежнемъ неутраляномъ положеніи. Вотъ письмо Капитана Испанскаго корабля *Гера*, отъ 14 Декабря,

Государь мой!

Король, мой Государь, опредѣлилъ, чтобы шлюпъ, вами командуемый, былъ задержанъ. Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, дивизионному моему Адьютанту приказано принявъ отъ васъ порохъ и сгрузя оной на канонерскую лодку свезти на берегъ, яко единственныи обрядъ въ подобныхъ случаяхъ. Шлюпъ вашъ имѣете разоружить. Впрочемъ вы можете подымать свой флагъ, офицеры и экипажъ могутъ остаться на шлюпѣ и пользоваться совершенною свободою. Доброе ваше поведеніе, оцѣномъ дознанное, заслуживаетъ всякое съ нашей стороны вниманіе и облегченіе. Имѣю честь быть гошовый къ услугамъ.

Томасъ Ромари.

Милостивый Государь!

Письмо ваше отъ 11го Декабря, коимъ вы предлагаете мнѣ разоружить Императорскій

Россійскій шлюпъ подъ моимъ начальствомъ состоящій, я имѣлъ честь получить. Позвольте мнѣ Г. Капитанъ вамъ замѣнить, что дурное состояніе, въ которомъ шлюпъ находится и война еще продолжающаяся съ Англіею, не позволяютъ мнѣ безъ почнаго повелѣнія моего Правительсва выйти изъ сего порта. Даю вамъ честное слово, что не выйду отсюда не давъ вамъ о томъ знать; повелѣніе ваше выгрузить порохъ исполнить не могу; ибо сіе послужитъ пятномъ Императорскому флагу, который честь мнѣ повелѣваете защищать до послѣдней капли крови. Надѣюсь, что вы не принудите меня къ предосудительному поступку; увѣряю васъ, что я не переменю моего поведенія и буду вести себя согласно съ дружбою и союзомъ, существующими между нашими высокими Дворами. Имѣю честь быть и проч.

Алексѣй Касаловъ.

Испанскій Капитанъ, какъ видно изъ послѣдствій, не имѣлъ повелѣнія отъ Правительсва задержать шлюпъ плѣннымъ; но имѣлъ только нужду въ порохѣ, для полученія котораго употребилъ сію хитрость.

1810 и 1811 годы прошли въ совершенномъ бездѣйствіи. Столь долгое отсутствіе изъ общества, неизвѣстность, чѣмъ кончится такое непріятное положеніе, безпрестанная опасность быть взятымъ Англичанами

или Испанцами и наконецъ неполученіе изъ Россіи въ продолженіе чепырехъ лѣтъ никакого повелѣнія, были доспащочными причинами къ скукъ. Смерть священника лишила и послѣдняго ушѣшенія вѣры. Почтешный спарець, чувствуя свой конецъ рѣшился исповѣдаться у Башалера, (*) причастившись св. таинъ, онъ вздохнулъ, прижалъ къ груди сосудъ и умеръ какъ праведникъ. (**). Капитанъ Качаловъ посылалъ въ городъ Тую офицера просить тамошняго Епископа, чтобы позволилъ похоронить священника въ монастырь или при другой какой церкви, и приказалъ бы своему духовенству совершить обрядъ погребенія съ должною честію. Къ сожалѣнію отвѣтъ Епископа былъ недостоинъ его сана. Онъ отказалъ въ погребеніи священника по той единственнo причинѣ, что покойный не признавалъ власти Папы и не былъ въ зависимости его Святейшества. Такой отвѣтъ показываетъ, до какой степени суевѣрно Испанское Духовенство; но впрочемъ неперемимостъ Римской Церкви къ другимъ вездѣ шаковаже. По необходимости обрядъ погребенія совершилъ, какъ умѣлъ, тотъ же Башалеръ; тѣло погребено было на особомъ кладбищѣ, отведенномъ для прежде умершихъ машрозовъ.

(*) Помощникъ Комисара, имѣющаго смощрѣніе за свѣтлыми припасами.

(**) Его звали Пешръ Андреевъ.

Въ 1811 году по осмопрѣ шлюпа Испанскимъ масшеромъ, присланнымъ изъ Ферроля, оказалось: кильсонъ и внутренняя обшивка совершенно сгнили, изъ 64 шпангоушовъ 64 найдено негодныхъ; посему мастеръ и отказался чинить шлюпъ какъ уже болѣе къ службѣ неспособный. Въ началѣ 1812 года получены изъ Россіи первыя бумаги, и Капитанъ-Лейтенантъ Качаловъ, по высочайшему повелѣнію объявилъ себя Капитаномъ 1го ранга. Наконецъ къ неизъяснимой всѣхъ радости 21 Іюня получено повелѣніе отправишься въ Россію. Въ тотъ же день шлюпъ перешелъ изъ Поршелло въ Виго и началъ готовиться къ отпѣзду. 5 Іюля въ домѣ и въ присутствіи Губернатора и другихъ чиновниковъ шлюпъ проданъ съ аукціоннаго шорга за 10,000 Испанскихъ шалеровъ. 16 Іюля на двухъ купеческихъ судахъ, наняшихъ нашимъ Консуломъ Дубочевскимъ въ Лиссабонѣ, экипажъ отправился въ Россію.

Такимъ образомъ флотъ нашъ по заключеніи Тильзитскаго мира лишенный сообщенія съ Россіею, безъ надежды на помощь, оставленный посреди непріятелей и ложныхъ друзей, спремившихся явно и тайно къ уничтоженію чести и славы нашей, счастливо сохраненъ. Одна часть флота, въ виду враговъ, повелѣвающихъ морями, благополучно достигла союзныхъ гаваней; другая, состоящая изъ кораблей, многими сраженіями и долго-

временнымъ плаваніемъ разслабленныхъ, въ позднихъ дняхъ грозной осени, бурю разбила и видимо рукою Божіею спасена. Послѣ того спѣсенная непріятелемъ превосходнымъ въ силахъ и средствахъ, и спольже друзьями какъ и врагами угрожаемая, благо-разумною оспорожностію и швердостію духа Главнокомандующаго изъ опасности, какъ изъ пламени, изкищена; ни одинъ корабль не достался въ руки непріятелю; всѣ экипажи опытомъ и храбростію извѣданные, трудами и заслугами ошечеству драгоцѣнные, безъ пошери возвратились въ Россію. И наконецъ Правительство наше за старые неспособные къ службѣ корабли, которые въ своихъ портахъ должествовали бы сгнить безъ пользы, получило чрезъ продажу оныхъ за границую шаковую сумму, на которую у насъ можно поспроить новые корабли.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

О П Е Ч А Т К И

Въ четвертой части.

стр: строк:	Напечатано:	Читай:
7 — 30	Гапо — — — —	Гапо
24 — 30	<i>Cafsava</i> — — — —	<i>Cafsada</i>
30 — 23	соспавляешь — — — —	соспавляюшь
55 — 27	обмануло — — — —	обманули
62 — 22	одушевляла — — — —	одушевляло
64 — 15	безмятежную — — — —	беззабошную
72 — 19	ихъ — — — —	его
80 — 2	ихъ — — — —	его
94 — 23	соспавленную — — — —	соспавленную
106 — 22	званія — — — —	знанія
118 9	звивисящихъ — — — —	зависящимъ
119 — 1	зная — — — —	знаюшь
133 — 22	гавани, его — — — —	гавани его,
138 — 25	домашнему — — — —	другимъ
139 — 30	Валь ди Демоша — — — —	Валь ди Демона
174 — 11	Упику — — — —	Успику
180 — 27	каршину — — — —	каршу
181 — 13	<i>Санадонб</i> — — — —	<i>Танхдонб</i>
188 — 1	краснокашымъ — — — —	красновашымъ
189 — 12	<i>Saugie</i> — — — —	<i>Sangie</i>
190 — 6	Санаго, Юнія и Оссаро — — — —	Санего, Юнія и Оссеро
191 — 12	Солворъ — — — —	Салворъ
191 — 16	Имѣя — — — —	имѣвъ
201 — 20	изъ 18-ши — — — —	изъ 16-ши
214 — 19	ограничиваешя — — — —	ограничиваешся
215 — 16	время препровожденія — — — —	времяпрепровожденіе
233 — 29	переходами, сшѣны, пещеры — — — —	переходами сшѣны пещеры
238 — 19	Резешши — — — —	Розешши
241 — 4	предсвая — — — —	предосвая

Стр:	Слрок:	Напечатано:	Чишай:
292	— 10	Лекгіо	— — — — Лекгіо
281	— 20	Статья	— — — — Статьи
235	— 17	Н. ш.	— — — — Н. Сп.
287	— 9	обстоятельство	— — обстоятельства
302	— 1	Также	— — — — шакое

ИМЕНА ОСОБЪ,

Подписавшихся на получение книги.

экзем.

Въ Москвѣ.

Его Высокопревосходительство Дмишрій Павл. Ташищевъ - - - - -	1.
Его Высокоблагородіе Сергѣй Иванов. Толбузинъ - - - - -	1.
----- Александр. Григор. Небольсинъ - - - - -	1.
Его Благородіе Пешрѣ Михайлов. Рудинъ - - - - -	1.

Въ Твери.

Его Высокоблагородіе Иванъ Спешанов. Новокщеновъ	1.
--	----

Въ Рязскѣ.

Капитанъ-Лейтенантъ Дми. Макси. Бунинъ - - - - -	1.
--	----

Въ С. Петербургѣ.

Его Превосходительство Графъ Гав. Кири. Моденъ	1.
Неизвѣстный - - - - -	1 вел.
Неизвѣстный - - - - -	3 вел.
Его Превосходительство Алекса. Серг. Никольскій	1.
Его Высокородіе Пеш. Ива. Комаровъ - - - - -	1.
Его Превосходительство Ник. Мих. Лонгиновъ - - - - -	1.
Неизвѣстная - - - - -	1 вел.
Его Превосходительство Григ. Ив. Вилламовъ - - - - -	1.
Неизвѣстная - - - - -	1 вел.
Книгопродавецъ Леон. Леон. Свѣшниковъ - - - - -	3.
Его Благородіе Мих. Нико. Юрьевъ - - - - -	1.

Въ Усманѣ.

экзем.

Его Высокоблагородіе Ив. Ив. Федоровъ - - 1

Въ Рязани.

Его Высокопревосходительство Инанъ Иванов.
Князевъ - - - - - 1.

Въ Болховѣ.

Его благородіе Яковъ Иванов. Горяишовъ - - 1.
----- Алексѣй Алексѣев. Володиміровъ - 1.

Въ Смоленскѣ.

Его Высокоблагородіе Сер. Зах. Женевскій - - 1.
----- Кар. Ив. Шуфъ - - - 1.
----- Сергій Захаров. Жевской 1.

Въ Белевѣ.

Его Благородіе Павелъ Мих. Загряцкой - - 1.
Его Сіаш. Графъ Андрей Андреев. Толсшой - 1.
Его Высокоблагородіе Андрей Иванов. Полонской 1.
Его Благородіе Пешръ Николаев. Жердинскій - 1.

Въ Тулѣ.

Его Превосходительство Евг. Ив. Оленинъ - - 2.
Его Преосвященство Епископъ Тульскій и Белев-
скій Авраамъ - - - - - 1.
Его Превосходительство Евг. Алек. Головинъ - 1.
----- Ник. Пещ. Ивановъ - 1.
Его Высокоблаг. Анд. Анд. Калзаковъ - - - 1.
Александровское дворянское училище - - - 6.
Его Высокоблагородіе Дми. Спе. Нечаевъ - - 1.
Его Высокоблаг. Спец. Дмишр. Нечаевъ - - 1.
Гв. Полковникъ Александръ Сем. Игнашевъ - - 2.
Его Высоблагородіе Дми. Серг. Друговцовъ - - 1.
----- Алекса. Аван. Хрулевъ - - - 1.
----- Наде. Федо. Гамалева - - - 1.

Полковникъ Пешръ Мих. Каменской	-	-	-	1.
Его Благородіе Андреевъ Ник. Левшинъ	-	-	-	1.
Его Высокоблагородіе Пав. Васи. Киндяковъ	-	-	-	1.
Ея Благородіе Дарья Савин. Хопляинцова	-	-	-	1.
Его Благородіе Ив. Пешр. Крюковъ	-	-	-	1.
Его Высокоблагородіе Ник. Ива. Валувъ	-	-	-	1.
Его Благородіе Егоръ Яковл. Тихошской	-	-	-	1.
Его Высокоблагородіе Егоръ Иванов. Скрыплевъ				1.
----- Козма Семенов. Сокольниковъ				1.
----- Ираклій Алек. Левшинъ	-	-	-	1.
Вице-Губери. Николай Владиміров. Кулепановъ	-	-	-	1.
Полковн. Данило Дмишріев. Засядко	-	-	-	1.
Губери. Предвод. Дмишр. Сергѣев. Мансуровъ	-	-	-	1.
Его Превосход. Евграфъ Машвѣв. Храповицкій	-	-	-	1.
Его Высокоблагородіе Павелъ Аванасев. Игнашевъ				1.
----- Лука Алексѣв. Левшинъ	-	-	-	1.
Его благородіе Гаврило Кузмичъ Сокольниковъ	-	-	-	1.
Неизвѣстный	-	-	-	3.

Въ Рязскѣ.

Оберъ-Провіаншмейстеръ Семень Иванов. Теме- ряевъ	-	-	-	-	-	-	-	-	1.
--	---	---	---	---	---	---	---	---	----

Въ Симбирскѣ.

Его Высокородіе Алексѣй Раманов. Бачпановъ	-	-	-	1.
--	---	---	---	----

Въ Новосилѣ.

Его Высокоблагородіе Ник. Васи. Шапиловъ	-	-	-	1.
--	---	---	---	----

Въ Епифани.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Алекса. Писаревъ				1.
---	--	--	--	----

Въ Одоевѣ.

Его Высокоблагородіе Ник. Пешр. Воейковъ	-	-	-	1.
--	---	---	---	----

Въ Крапивнѣ.

Полковникъ Григ. Алексѣй. Козловъ-Угринь - - - 1.

Въ Воронежѣ.

Дерп. Кон. Эгер. полка Полковникъ Влад. Ив. Сонинъ 1.

Нѣжи. Кон. Эг. полка Подполковникъ Як. Фед. Гар-
деевъ - - - - - 1.

Его Благородіе Яковъ Вас. Туленовъ - - - 1.

Его Высокоблаг. Князь Влад. Васи. Кейкуашовъ 1.

Его Благородіе Ив. Алексѣев. Александровъ - 1.

----- Нико. Иван. Паренаго - - - 1.

Его Благородіе Влад. Васи. Ключаревъ - - - 1.

Въ Липецкѣ.

Тира. Кон. Эге. Пол. Полковникъ Оси. Дан. Оль-
шевскій - - - - - 1.

Подполковникъ Вильг. Фиди. Баронъ Бушъ фонъ
Минихъ - - - - - 1

Флигель-Адъютантъ Е. И. Б. Маіоръ Князь Влад.

Серг. Голицынъ - - - - - 1.

Въ Ефремовѣ.

Его Превосходитш. Иванъ Иванов. Миллеръ. - - - 1

Въ Коломнѣ.

Его Благородіе Иванъ Иванов. Мещаниновъ - - - 1.

Его Благородіе Павелъ Пешров. Колемины - - - 1.

